

журнал социологических наблюдений и сообщений

Социальная реальность

1'2006

Социальная реальность

ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
НАБЛЮДЕНИЙ И СООБЩЕНИЙ
№1'2006

Общество

СОЦИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО

7. *П. Бавин.* В ожидании среднего класса

САКРАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

14. *Г. Кертман.* “История религии” в школе:
новая учебная дисциплина или обучение
дисциплине по-новому?

ВОСПИТАНИЕ

28. *Е. Вовк.* Подростковые заработки: зло или благо?

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

38. *Л. Преснякова.* Скромное обаяние криминала
против тщетных усилий тюрьмы

АЛЬБОМ

51. Результаты опросов: графики

Ракурс

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ

57. *А. Ослон.* Дух денег в России:
очерк становления и могущества. Часть 1

Форум

СУЖДЕНИЯ

73. **Г. Любарский.** Чиновники и госслужащие:
когда монету ценят за герб и ругают за решку

БЕСЕДА

80. **Интервью с Георгием Ильичевым, обозревателем
отдела политики газеты "Известия"**

Мастерская

КОНЦЕПТЫ

85. **И. Климов.** Социальный запас знания
94. **А. Ослон.** Мир теорий в эпоху "охвата"

Между прочим

27. Так говорил респондент...
37. Кем быть?
37. Престиж высшего образования в России
55. Северный Кавказ: знания и представления о нем
68. Деньги в нашей жизни
71. Азартные игры
77. Зарплата: "по ведомости" и "в конверте"
93. Язык и знание в повседневной жизни

начнем...

Первый номер нового журнала обычно начинается с разъяснений: кто, для кого и зачем выпускает журнал, что он собой представляет и т.д. Мы не будем нарушать эту традицию.

Прежде всего надо сказать, что журнал **“Социальная реальность”** учрежден и будет выпускаться Фондом **“Общественное мнение”** (ФОМ), работа которого заключается, как многим известно, в проведении опросов общественного мнения. А опросы дают уникальное знание о том, что люди думают по самым разным поводам, и тем самым по-своему раскрывают **социальную реальность**, в которой мы все живем. Это знание, как нам представляется, интересно всем, кто имеет дело с проявлениями массовой психологии, ментальными факторами, мнениями, суждениями, оценками больших групп людей, а во многих случаях – жизненно необходимо.

Журналистам надо знать свои аудитории, политики исходят из восприятия и настроений электоральных групп, государство опирается на информацию о потребностях различных категорий населения и о переживаемых ими проблемах, бизнес ориентируется на потребительские предпочтения, исследователи, аналитики, консультанты выносят свои суждения, исходя из **“социологической”** эмпирики, и т.д.

Опросы порождают аналитические тексты, и за последние годы их вышло довольно много из-под пера сотрудников Фонда и **“внешних”** коллег. Они публиковались в малотиражных подписных бюллетенях, в трудах ФОМа и на сайте **www.fom.ru**. Мы полагаем, что и журнал, систематически представляющий социальную реальность сквозь призму опросов, найдет свою заинтересованную аудиторию, ведь **“опросная аналитика”** нужна очень многим и очень разным специалистам, студентам, преподавателям, а также любознательной части **“широкой публики”**.

Такова ПЕРВАЯ – исследовательская и вместе с тем социально-просветительская – мотивация журнала. Ей соответствует раздел **“Общество”**: в нем будут тексты тех, кто профессионально занимается изучением социальной реальности с использованием социологического инструментария. Предполагается, что по мере становления журнала круг авторов станет расширяться и будет включать в себя не только сотрудников Фонда и не только социологов.

ВТОРАЯ – коммуникативная – мотивация издания журнала связана с тем, что любые утверждения о социальной реальности всегда вызывают дискуссии и споры – о том, как она **“устроена”**, о том, как ее изучать, о смысле результатов изучения и, конечно, о тех, кто всем этим занимается.

Если опросы – это зеркало, отражающее социальную реальность, то обсуждения результатов опросов – это как бы зеркало, отражающее зеркало. При этом оба зеркала являются частью социальной реальности и могут отражаться в иных зеркалах. В журнале таким зеркалом зеркал будет второй постоянный раздел под названием **“Форум”**. В нем будут звучать живые голоса исследователей-спорщиков, а также будут размещаться материалы о них самих: об их сообществах, организациях и даже об их персонах.

ТРЕТЬЯ мотивация – ее можно назвать теоретической – связана с вопросом о том, что же такое “социальная реальность”. Смысл этого понятия, если вдуматься, отнюдь не очевиден. Если “природная реальность” – это некая данность со всеми составляющими ее элементарными частицами, молекулами и объектами, то социальную реальность люди создают сами.

Вообще, вся жизнь человеческая состоит в том, чтобы творить “вещи” из плодов игры ума, конструировать социальную реальность, а потом приравниваться к ней и жить в ней. Обычаи, институты, культы, мода – все это творения людей. В том числе, кстати, и журнал “Социальная реальность” для тех, кто его придумал, уже превратился из мысленного образа в “вещь” и стал чем-то подобным природному явлению, стал данностью, требующей сил, времени и нервов. Возможно, со временем это произойдет и для некоторых читателей журнала.

И конечно, общественное мнение – возвышающее и низвергающее, подсказывающее и принуждающее – тоже создается людьми и становится “вещью”. Как происходит и чем обусловлены коллективные процессы “материализации мыслей” – вот что нужно понимать, чтобы интерпретировать результаты опросов. Отсюда – третий постоянный раздел журнала: **“Мастерская”** с материалами о принципах устройства социальной реальности и об инструментах ее изучения.

Кроме трех основных разделов, конечно, будут появляться и другие, если будет желание публиковать что-то выходящее за их пределы. Например, раздел **“Ракурс”** в этом номере.

Надо иметь в виду, что понятие “социальная реальность” шире и глубже смысловых рамок журнала “Социальная реальность”. Потому-то и необходимо уточняющее указание на суть издания – **“Журнал социологических наблюдений и сообщений”**. Это также формула деятельности Фонда: мы делаем опросы – это и есть **социологические наблюдения** – и сообщаем о результатах опросов для тех, кому это интересно. В том числе на страницах нашего журнала.

Александр Ослон
президент Фонда “Общественное мнение”,
главный редактор журнала.

0
B
T
C
E
H
E
0

П. Бавин

В ожидании среднего класса

С середины 90-х годов XX века деятельность многих специалистов, имеющих отношение к социальным наукам, связана с поиском, вычленением, принудительной кристаллизацией (и подсознательным стремлением к мумификации – для сохранности) группы населения, которая бы своим существованием свидетельствовала о том, что ломка советского экономического порядка произошла не зря, что были и есть в нашей стране люди, которые заинтересованы в новом капиталистическом порядке, хотят пользоваться его благами и готовы прикладывать к этому определенные усилия. Поскольку в экономике в качестве ориентира была выбрана западная модель, то и в российском обществе исследователи искали – по аналогии – те социальные группы (слои, страты), из которых состоит общество западное. При этом одни стара-

лись вычленить группы, в точности отвечающие западным критериям принадлежности к среднему классу (или к “средним классам”), другие стремились выделить и делимитировать социальную группу, которая бы в российском обществе выполняла ту функцию, занимала то место, которые приписываются среднему классу в западном обществе: место и функцию гаранта стабильности системы*.

Основная проблема заключалась в том, что представителям среднего класса (или “кандидатам” в эту группу) предписывалось обладать и должными материальными атрибутами, и определенными ценностными установками. Материальный и социальный статусы, приобретенные в условиях действия западной экономической модели, должны были сделать этих людей сторонниками либеральной идеологии, а ценностные установки – привлечь их в стан

убежденных приверженцев демократического строя.

На сегодня можно констатировать, что эти надежды не оправдались: два множества – люди “подходящего” социального статуса и приверженцы демократических ценностей – фактически нельзя назвать пересекающимися. Это отчетливо проявилось, например, в растворении электората СПС – партии, которая ориентировалась именно на избирателей, соответствующих обоим параметрам.

Классические, западные “имущественные” критерии отнесения индивида к среднему классу в российском обществе работают плохо: например, наличие собственного жилья не может являться признаком принадлежности к среднему классу, в силу того что 70% россиян собственным жильем обладают.

Еще один способ выделения среднего класса – через самоидентификацию людей. Исследо-

По данным общероссийского опроса населения 23–24 апреля 2005 года в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик всех экономико-географических зон страны. Метод опроса – интервью по месту жительства. Статистическая погрешность не превышает 3,6%. 1500 респондентов.

* Подробнее о результатах этих поисков см.: Дилигенский Г.Г. Люди среднего класса. М., Институт Фонда “Общественное мнение”. 2002.

Таблица 1

	Все	Себя к среднему классу		
		относят	не относят	затр. ответить
Доли групп (%)	100	43	49	8
Как Вы думаете, в какой степени изменение Вашего положения зависит от Ваших собственных усилий?				
Совсем не зависит	30	17	37	24
Зависит в определенной степени	36	41	36	33
Полностью зависит только от меня	29	36	24	33

Жирным шрифтом и *курсивом* выделены отклонения от данных по населению свыше 5% в большую или меньшую стороны соответственно.

вание, проведенное на материалах опроса ФОМа*, продемонстрировало, что понятие “средний класс” обладает в массовом сознании преимущественно позитивными коннотациями, и это приводит к тому, что люди все охотнее относят себя к этой группе. За период с октября 1998-го по февраль 2004 года доля россиян, относящих себя к среднему классу, выросла с 20 до 43%. Однако в этом же исследовании показано, что такая самоидентификация не подкрепляется ни достаточно высоким уровнем образования, ни профессиональным статусом и скорее коррелирует с общей “оптимистической” и индивидуалистской (в условиях господствующей ментальности ее можно было бы назвать антипатриархальной) жизненной установкой. Наиболее значимым различием между теми, кто относит себя к среднему классу, и теми, кто себя к нему не относит (т.е. в подавляющем большинстве случаев считает себя “ниже”), стало значимое преобладание в первой группе людей с интернальной установкой – установкой, предполагающей опору на собственные силы (табл. 1).

Здесь мы постараемся оттолкнуться не от ценностных установок, не от материального положения и не от субъективной оценки респондентами своего

места в социальной иерархии, а от их повседневного поведения.

За последние 15 лет в жизнь наших сограждан вошло больше новых реалий, чем за предыдущие полвека. Причем россиянину приходится не только наряду со всем цивилизованным миром осваивать последние достижения высоких технологий, но и постигать те реалии, которые в западном обществе бытуют уже давно. Кроме того, появилась свобода в сферах, прежде строго регламентировавшихся государством: свобода передвижения, свобода финансового поведения. Освоение этих новых реалий требует от обывателя не только определенного материального достатка, но и должного уровня личностного развития. Нам представляется, что среди характеристик искомого среднего класса должны быть: причастность к новым технологиям, стремление расширить жизненный горизонт (подкрепленное активными действиями), а также установка на рациональное использование своего времени, активное финансовое поведение и забота о здоровье и внешнем виде. Для каждой из этих характеристик мы постарались выделить несколько соответствующих им современных реалий, освоенность которых респондентами и свидетельствовала бы

об их вовлеченности – в той или иной мере – в “активную жизнь”.

В первую группу реалий – “новые технологии” – мы включили: пользование мобильным телефоном; пользование компьютером; вождение автомобиля**. Во вторую группу – “активное финансовое поведение” – вошли: покупка товаров в кредит; получение кредитов в банке; обращение с иностранной валютой; использование пластиковой карточки при расчетах; вложение средств в акции и другие виды ценных бумаг. Третью группу – “стремление к расширению горизонта” – составили четыре реалии: получение дополнительного образования; пользование интернетом; переписка по электронной почте; поездки за границу; покупка туристического и/или спортивного снаряжения. В четвертую группу – “рационализация времени” – вошли: доставка товаров на дом; полеты на самолетах; пользование услугами домработниц и нянь. И, наконец, пятую группу – “забота о себе, своем здоровье” – составили занятия в фитнес-центре или спорт-клубе и посещение косметических салонов.

(Естественно, распределение этих “атрибутов цивилизации” по группам не является жестким, и это только вспомогательный инструмент в нашем исследовании).

* Климова С.Г. Российский средний класс: критерии отнесения и самоидентификации // Доминанты. Поле мнений. 2004. № 7 (www.fom.ru).

** Автомобиль, конечно, не назовешь продуктом новых технологий – его включение в карточку обусловлено тем, что наличие машины в значительной степени определяет образ жизни человека.

Все эти позиции были включены в карточку, которая предъявлялась респондентам в ходе опроса*. В результате выяснилось, что 38% россиян никогда не делали ничего из перечисленного. Наиболее значимые отличия этой группы – возраст (здесь больше половины людей старше 55 лет) и уровень образования (40% не имеют среднего образования). Отличия по уровню доходов и месту жительства – не столь выразительны. Полный социально-демографический портрет этой группы мы представим далее.

Наиболее “освоенной” из перечисленных в карточке реалий оказался мобильный телефон: почти 40% россиян хоть раз за последние годы его использовали. На втором месте – покупка товаров в кредит: такой опыт имеют 21% опрошенных. Данные опроса представлены на графике.

Уже этот ранжированный список дает почву для интересных наблюдений. Во-первых, обращает на себя внимание чрезвычайно интенсивная “мобилизация” населения: более года назад лишь 21% опрошенных сказали, что пользуются мобильным телефоном, – сегодня этот показатель вырос практически вдвое**. При этом за тот же срок доля респондентов, работающих на компьютере, возросла на 4 пп. – с 15 до 19%, а доля пользователей интернета осталась на прежнем уровне – 8%. Не увеличилось и количество водителей автомобилей – 19%***.

Обращает на себя внимание распространенность пользования товарными кредитами, а также значительный разрыв между

долей работающих на компьютере (19%) и долей пользующихся интернетом и электронной почтой (8%).

Впрочем, нас интересует не распространенность каждого из этих “атрибутов цивилизации”, а то, какие группы людей максимально вовлечены в мир современных возможностей – как в области технологии, так и в сфере оптимизации своего времени, расширения знаний, интересов, представлений о мире. Поскольку респондент при ответе на вопрос мог отметить в карточке любое количество позиций, то нам показалось целесообразным формировать группы не по типам реалий современной жизни (которые были перечислены выше), а именно по количеству отмеченных позиций.

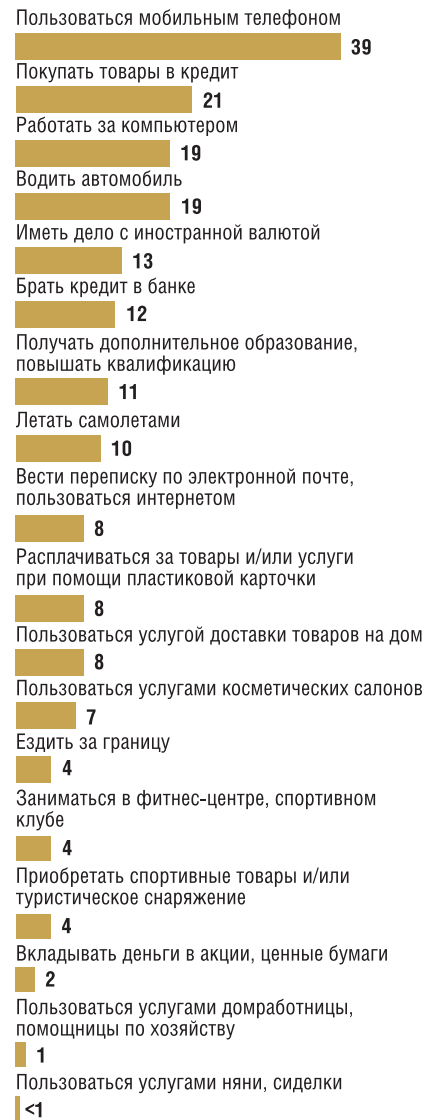
В результате были выделены четыре группы респондентов. В первую вошли те, кто отметил в предложенном списке 2 или 3 позиции. Вторую составили отметившие 4 или 5 пунктов. Третью – респонденты, указавшие 6 или 7 позиций, и четвертую – больше 7.

Ранжируя эти группы по степени включенности в мир современных реалий – от слабо включенных (группа **D**), до сверхвключенных (группа **A**), рассмотрим, посредством каких “атрибутов цивилизации” включена в современный мир каждая из них (табл. 2). Уровень 40% мы будем оценивать как высокую степень освоенности реалии в данной группе, уровень 20% – как среднюю.

Первая группа, **D**, самая многочисленная: ее составили 22% рес-

Скажите, что из перечисленного Вам доводилось делать за последние 2-3 года

(Любое число ответов)

Здесь и далее данные на графиках представлены в процентах от числа опрошенных

респондентов. Их причастность к миру новых и сверхновых реалий ограничивается в основном использованием мобильным телефоном (имеют опыт разговора 63% респондентов данной группы) и покупкой товаров в кредит (39%). В меньшей степени этими

* Общероссийский опрос населения от 13–14 апреля 2005 года.

** Общероссийский опрос населения от 31 января – 15 февраля 2004 года, проведенный по репрезентативной выборке в 1972 населенных пунктах 68 субъектов РФ – областей, краев и республик всех экономико-географических зон России. Объем выборки – 34 062 респондента старше 18 лет. Интервью по месту жительства. Статистическая погрешность не превышает 1,0%.

*** Тот же опрос.

респондентами освоены такие “атрибуты цивилизации”, как автомобиль (28%), компьютер (25%) и банковские кредиты (19%). По остальным параметрам уровень включенности этой группы оказывается ниже среднего по выборке в целом.

Вторая группа, **С**, составляет 10% выборки. Опыт разговора по мобильному телефону имеют уже подавляющее большинство составляющих эту группу (84%), и в значительной степени – на уровне выше 40% – здесь освоены компьютер (49%), покупка товаров в кредит (44%) и автомобиль (42%).

Третья группа, **В**, оказывается еще меньше: 5% от выборки. Здесь хорошо освоены уже восемь атрибутов современной жизни – к “основному блоку”

предыдущей группы добавляются использование иностранной валюты (73%), приобретение спортивного (туристического) снаряжения (48%), получение дополнительного образования (47%) и пользование интернетом (41%). Остальные “реалии” (кроме четырех, о которых мы скажем ниже) освоены на среднем уровне.

И наконец, четвертая группа, **А**, также составляет 5% от выборки в целом. В этой группе 14 (из 18) современных реалий освоены в высокой степени, причем три – мобильный телефон, иностранная валюта и компьютер – вошли в жизнь почти всех ее представителей.

Ниже представлена таблица сравнительной освоенности современных реалий респондентами каждой из групп. Светло-

коричневым цветом выделены реалии, имеющие в данной группе высокий уровень освоенности, коричневым – средний, серым – низкий.

Как оказалось, четыре “атрибута цивилизации” из предложенного респондентам списка – занятия в фитнес-центре, вкладывание денег в акции, ценные бумаги, использование услуг домработниц, а также нянь и сиделок – ни в одной из групп не освоены в значительной степени.

Обратимся к разграничению перечисленных реалий на указанные выше типы – это позволит в известной мере прояснить суть различий между группами. Выясняется, что группа **А** освоила новые реалии всех пяти типов. Представители группы **В** освоили реалии, относящиеся

Таблица 2

А	В	С	Д
Мобильный телефон – 98	Мобильный телефон – 94	Мобильный телефон – 84	Мобильный телефон – 63
Иностранная валюта – 89	Иностранная валюта – 73	Компьютер – 49	Покупка товаров в кредит – 39
Компьютер – 86	Компьютер – 65	Покупка товаров в кредит – 44	Автомобиль – 28
Приобретение спортивных товаров – 71	Автомобиль – 57	Автомобиль – 42	Компьютер – 25
Интернет – 67	Приобретение спортивных товаров – 48	Кредит в банке – 30	Кредит в банке – 19
Дополнительное образование – 67	Дополнительное образование – 47	Иностранная валюта – 29	Дополнительное образование – 12
Пластиковая карточка – 65	Покупка товаров в кредит – 43	Дополнительное образование – 26	Иностранная валюта – 10
Автомобиль – 64	Интернет – 41	Приобретение спортивных товаров – 23	Приобретение спортивных товаров – 8
Доставка товаров на дом – 57	Доставка товаров на дом – 28	Пластиковая карточка – 23	Доставка товаров на дом – 8
Полеты на самолетах – 57	Пластиковая карточка – 26	Полеты на самолетах – 20	Полеты на самолетах – 7
Услуги косметических салонов – 47	Услуги косметических салонов – 26	Услуги косметических салонов – 18	Услуги косметических салонов – 18
Покупка товаров в кредит – 45	Полеты на самолетах – 25	Интернет – 17	Интернет – 4
Кредит в банке – 43	Кредит в банке – 25	Доставка товаров на дом – 12	Пластиковая карточка – 4
Поездка за границу – 42	Поездка за границу – 19	Занятия в фитнес-центре – 9	Занятия в фитнес-центре – 3

к двум типам: “новые технологии” и “расширение горизонта”, в то время как реалии, относящиеся к типам “рационализация времени” и “активное финансовое поведение”, “забота о себе, своем здоровье”, освоены ими на среднем уровне.

У группы **С** к числу активно освоенных не относятся реалии, способствующие “расширению горизонта” (интернет, дополнительное образование, приобретение спортивного снаряжения), и, наконец, в группе **Д** уже и новые технологии (автомобиль и компьютер) оказываются освоенными только на среднем уровне.

Перейдем к анализу различий между группами по социально-демографическим признакам.

Очевидно, что освоение многих из предложенных респондентам “атрибутов цивилизации” связано с материальными затратами, поэтому уместно будет начать с уровня дохода в разных типологических группах (табл.3)*.

Как мы видим, группа **А** значительно отличается от остальных по уровню дохода. Однако обратим внимание: у 19% – каждого пятого из этой группы – среднедушевой семейный доход не достигает 3000 рублей в месяц. Также мы видим, что представители трех других групп по уровню семейного дохода различаются весьма слабо. Можно сделать вывод, что материальный достаток является важным, но отнюдь не решающим фактором в освоении россиянами реалий современного мира.

Различия по возрасту между представителями исследуемых групп еще менее заметны

	Все	А	В	С	Д	Z (невключенные)
Доли групп (%)	100	5	5	10	22	38
Доход на одного члена семьи в месяц						
До 1500 руб.	27	7	12	16	21	35
1501–2999 руб.	29	12	23	24	28	36
Более 3000 руб.	30	60	47	49	40	18

Таблица 3

	Все	А	В	С	Д	Z
Доли групп (%)	100	5	5	10	22	38
Возраст						
18–35 лет	34	57	53	56	43	14
36–54 года	37	32	46	35	49	32
55 лет и старше	28	11	2	9	8	53

Таблица 4

	Все	А	В	С	Д	Z
Доли групп (%)	100	5	5	10	22	38
Образование						
Ниже среднего	19	1	2	0	6	40
Среднее общее	32	15	23	38	36	27
Среднее специальное	36	33	47	40	44	29
Высшее	13	51	28	22	14	4

Таблица 5

	Все	А	В	С	Д	Z
Доли групп (%)	100	5	5	10	22	38
Пол						
Мужчины	47	58	65	49	50	42
Женщины	53	42	35	51	50	58

Таблица 6

(табл.4). При этом во всех группах включенных (**А–Д**) доля респондентов старшего возраста очень невелика, а в трех из них молодежь составляет абсолютное большинство.

Более дифференцированная картина складывается при сравнении образовательных ресурсов представителей исследуемых групп (табл.5).

Помимо высокого уровня образованности представителей группы **А**, обращает на себя внимание и различие в образовательном уровне между группами **В** и **С**. В первой из них доля респондентов со средним специальным или высшим образова-

нием составляет 75%, во второй – 62%. Можно предположить, что разница в уровне образования и является основной причиной того, что эти группы различаются в первую очередь по параметру, который мы обозначили как стремление к расширению “горизонта”, представлений о мире.

Группы **В** и **С**, кроме того, заметно разнятся по гендерному составу (табл.6): в первой из них мужчины значительно преобладают, тогда как во второй – доли мужчин и женщин примерно одинаковы.

И наконец – last but not least – еще один параметр социально-

* Выделяя типологические группы, мы оставляем за пределами нашего анализа тех, кто указал лишь одну позицию в списке либо вообще затруднился ответить на вопрос (в сумме – 20% от выборки).

демографической характеристики типологических групп: по типу населенного пункта (табл. 7).

Эта таблица позволяет прояснить природу различий между наибо­лее “продвинутыми” группами: в группе А вдвое больше столичных жителей, нежели в группе В, и именно это обстоятельство, на наш взгляд, объясняет значи­тельно большую освоенность ре­алий, призванных способство­вать рационализации времени.

Данные опроса позволяют со­поставить установки представи­телей исследуемых групп в сфере финансовой стратегии, а также их политические предпочте­ния – что немаловажно для уточ­нения степени диверсификации между ними. В ходе опроса рес­пондентов попросили ответить, на что они потратили бы неожиданно полученную относительно крупную сумму денег. Из предло­женного списка можно было вы-

брать не более трех позиций. Вы­яснилось, что различия не так уж значительны. Во всех группах преобладающими оказались та­кие позиции, как приобретение бытовой техники и – главное – откладывание денег “про запас” (из общих соображений или на конкретные цели, в данном слу­чае не столь важно). “Активное” использование средств: помеще­ние в банк под проценты и тем более (точнее было бы сказать – “тем менее”) вложение в ценные бумаги – этот вариант в целом по выборке указали 2% опрошен­ных – значительно менее попу­лярны. В нижеследующей табли­це представлены варианты, набравшие более 5% голосов по вы­борке в целом (табл. 8).

Как видим, в каждой группе есть свои “маргиналии”. На них мы остановимся ниже, при опи­сании целостного портрета каж­дой из групп.

Различия в политических предпочтениях – еще меньше. Уровень доверия президенту России во всех исследуемых группах практически одинаков, и он совпадает со средним пока­зателем по стране.

Что касается электорального поведения представителей групп на последних парламентских вы­борах, то здесь значимые откло­нения от средних показателей наблюдаются лишь в одной из них: 18% представителей группы А отдали свои голоса правым партиям – СПС и “Яблоку”. Кроме того, представители всех четы­рех рассматриваемых групп ощу­тимо реже, чем прочие россияне, голосовали за коммунистов.

* * *

В заключение хотелось бы пред­ставить интегральные портреты групп, выделив наиболее харак­терные черты каждой из них.

Представители группы D не чуждаются новых технологий, но по своему поведению и уста­новкам близки к “среднестатис­тическому” россиянину.

Входящие в группу С обладают определенными материальными ресурсами, которые позволяют им достаточно широко осваи-

Таблица 7

	Все	А	В	С	Д	Z
Доли групп (%)	100	5	5	10	22	38
Тип населенного пункта						
Москва	7	39	19	9	6	4
Мегалополис	13	8	17	19	15	11
Большой город	18	21	20	21	19	15
Малый город	38	25	38	44	43	34
Село	24	6	6	8	17	36

Таблица 8

	Все	А	В	С	Д	Z
Доли групп (%)	100	5	5	10	22	38
Предположим, что Вы (Ваша семья) неожиданно получили 30 – 35 тысяч рублей. Как Вы скорее всего распорядитесь этими деньгами? (Карточка, не более трех ответов)						
Потрачу на приобретение бытовой техники	24	29	21	33	29	21
Отложу “про запас”	22	25	15	21	17	27
На лечение близких*	21	20	10	25	20	24
Отложить, чтобы накопить на дорогое приобретение	15	7	24	18	18	11
Верну долги	12	7	10	18	13	9
Положу в банк под проценты	8	15	17	14	9	5
На дополнительное образование, повышение квалификации	7	11	14	13	10	3
На приобретение компьютера	7	9	14	13	10	3
Отправлюсь в путешествие за границу	6	25	12	11	6	0
* Выбор этой позиции в большинстве случаев скорее всего является “вынужденным”, и потому вряд ли ее следует учитывать в контексте анализа финансовой стратегии человека.						

вать новые технологии, но, очевидно, у большинства представителей этой группы материальные запросы еще далеко не удовлетворены, поэтому у них, по всей видимости, просто не остается ресурсов – финансовых и личных – на расширение “горизонта”. В своей финансовой стратегии они больше, чем кто-либо, ориентированы на немедленное приобретение материальных ценностей (бытовой техники, компьютера).

Группа **В** отличается от предыдущей группы более высоким уровнем образования и более высоким средним возрастом. Это обстоятельство, по всей видимости, способствует тому, что ее представители не только освоили новые технологии, но и в большей степени стремятся расширить горизонт своих представлений о мире, границы своих возможностей. Различия с группой **С** лежат скорее в ментальной, чем в материальной плоскости. Доля побывавших за границей в этой группе невелика – 19%, а доля тех, кто летал на самолетах, сопоставима с показателем предыдущей группы – 25 и 20% соответственно. Вместе с тем пользователей компьютера и интернета в группе **В** намного больше, чем в группе **С**: доля использующих компьютер – выше на треть (65 и 49% соответственно), интернет – в два с половиной раза: 41% против 17%.

Группа **А** состоит почти исключительно из представителей высокоресурсных страт населения. Здесь доля респондентов с доходом свыше 3 тысяч рублей на члена семьи в месяц достигает 60%, доля респондентов с высшим образованием составляет 51%, доля молодежи – самая высокая в сравнении с другими анализируемыми группами: 57%. Эта

группа практически полностью включена в мир новых технологий и характеризуется значительным стремлением к расширению горизонта, своих представлений о мире. Ее представители широко пользуются интернетом, а поездки за границу являются для них одним из приоритетных путей вложения (расходования) средств. Большинство из них регулярно производят расчеты в иностранной валюте (причем не только за границей, но и в России), а также пользуются пластиковой картой. Только у этой группы политические пристрастия в 2003 году отличались от распределения симпатий россиян в целом в пользу правых партий.

Как следует уже из названия статьи, мы не собираемся в конце концов явить миру российский средний класс.

Примененный метод позволил вычленивать группу, которая не только по своим ресурсам, технической оснащенности, но и по стилю повседневного поведения в значительной мере отличается от большинства россиян. Эта группа составила всего 5%. Немаловажным видится и тот факт, что ее представителей отличают политические предпочтения. Однако некоторые параметры – например, предпочтительная финансовая стратегия – не позволяют пока говорить о том, что это и есть “искомый” слой общества. Также необходимо учитывать и то обстоятельство, что почти 40% составляющих эту группу живут

в Москве. Представляется целесообразным в дальнейшем провести комплексное исследование, сочетающее метод, примененный в данном случае, с учетом самоидентификации и, возможно, ценностных установок респондентов.

Анализ повседневного поведения россиян с точки зрения их включенности в мир современных реалий, проникающих в страну с освоением западной экономической модели, позволяет сделать вывод, что среднего класса по сути не существует. Большинство населения в сущности еще не знакомо с атрибутами современной западной цивилизации. Относительно широко они освоены лишь небольшой группой – не превышающей 20%. Причем только “верхняя часть” этой группы – 5% по выборке – обладает достаточными материальными и личностными ресурсами, которые не только обеспечивают доступность этих реалий, но и стимулируют их освоение на ценностном уровне. ■

Весной 2004 года министр образования и науки А. Фурсенко объявил о предстоящем в скором времени введении в школьную программу новой дисциплины – истории мировых религий. Анонсированный педагогический проект подвергся жесткой критике с двух противоположных позиций. Одни осудили его как шаг к клерикализации образования*, другие – прежде всего, представители Русской Православной церкви – как, по существу, атеистическую альтернативу курсу основ православной культуры, уже преподающемуся факультативно в некоторых российских школах.

Если дело дойдет до широкомасштабной практической реализации этого замысла, он неизбежно окажется в поле зрения СМИ, общественных организаций, политических сил. Уже поэтому мы сочли интересным заранее, не дожидаясь всплеска общественного внимания к данной теме, выяснить, как воспринимается рядовыми гражданами сама идея привнести в школьную программу некие знания, касающиеся религии, и, таким образом, понять, на какую почву упадут доводы сторонников и противников нововведения. Иначе говоря – разобраться в том, какой из трех подходов, фактически сталкивающихся в дискуссиях по этому вопросу: за преподава-

Г. Кертман

“История религии” в школе: новая учебная дисциплина или обучение дисциплине по-новому?

ние истории религий, за преподавание основ православной культуры и против обеих версий “религиозного просвещения”, – ближе нашим соотечественникам, больше соответствует их мировоззренческим установкам и социальным ожиданиям.

Однако, задавшись такой целью, мы оказались в сложной ситуации. Дело в том, что, хотя и по изначальной интенции, “сверхзадаче”, и по своему содержанию история мировых религий и основы православной культуры – это принципиально разные дисциплины, было бы несколько опрометчиво априори исходить из того, что качественные различия между данными предметами (один из которых еще вообще не преподается, а другой – преподается недавно и в очень немногих школах) очевидны для “среднего россиянина”. Выяснение того, как наши сограждане интерпретируют эти педагогические проекты, ориентируясь практически исключительно на названия новых учебных дисциплин, – и, в частности, в какой степени они различают маркированные этими “брендами” подходы к “религиозному просвещению” – должно было, по сути, стать одной из задач исследования.

По данным общероссийского опроса населения от 18–19 декабря 2004 года в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик всех экономико-географических зон страны. Метод опроса – интервью по месту жительства. Статистическая погрешность не превышает 3,6%. 1500 респондентов. Дискуссионные фокус-группы (ДФГ) проводились с 14 по 16 декабря 2004 г. в Воронеже, Москве и Санкт-Петербурге.

* Московские педагоги, выступающие против введения курса истории религий, в ноябре 2004 г. учредили организацию, название которой – “Учителя против клерикализации образования” – воспроизводит это обвинение.

Но в таком случае вести беседу об обеих дисциплинах с участниками одного и того же опроса было бы некорректно. И вот почему. Представим, что, начиная разговор на эту тему, мы не сообщили бы респондентам, что речь пойдет о двух разных учебных предметах, и стали бы спрашивать их сначала об одном, а затем – о другом. Тогда, высказывая то или иное суждение относительно, например, целесообразности преподавания истории мировых религий, участник опроса еще не знал бы, что оценивает лишь один из вариантов “религиозного просвещения” школьников. А узнал бы о существовании альтернативы позже – лишь услышав аналогичный вопрос относительно курса основ православной культуры. Ясно, что мы получили бы заведомо несопоставимые результаты, поскольку во второй части беседы принципиально изменился бы сам алгоритм формирования суждений респондентов.

Представим теперь, что мы с самого начала предупредили участников опроса: разговор пойдет о двух разных дисциплинах, имеющих отношение к религии. Мало того, что в этом случае мы лишились бы возможности выяснить, в какой мере различия между данными учебными предметами улавливаются россиянами “в естественных условиях” – по смыслу названий. Искусственно акцентировав внимание респондентов на этих различиях, мы навязали бы им весьма жесткие рамки интерпретации соответствующих педагогических проектов: ведь в созданной таким образом “лабораторной ситуации” опрашиваемые фактически выражали бы свое отношение уже не просто к идее преподавать школьникам историю мировых религий, а к замыслу преподавания “такого курса истории религий, который не являлся бы курсом основ православной культуры”. И наоборот.

Исходя из этих соображений, мы включили практически идентичные блоки вопросов, посвященные теме преподавания истории мировых религий (ИМР), в одном случае, и основ православной культуры (ОПК) – в другом, в разные опросы, проведенные, однако, одновременно*. Но последний вопрос был сформулирован одинаково: респондентам, говорившим до этого о каком-либо одном из вариантов “религиозного просвещения”, предлагалось напоследок сделать выбор между двумя вариантами – или отказаться от такого выбора. С распределений ответов на этот итоговый вопрос мы и начнем знакомиться с результатами исследования (табл. 1).

Как видим, российские граждане в целом весьма позитивно относятся к идее включения в школьную программу какого-либо курса, так или иначе связанного с религиозной тематикой. Лишь один из десяти респондентов категорически отвергает оба варианта “религиозного просвещения”. При этом большинство опрошенных, давших тот или иной ответ на данный вопрос, считают целесообразным преподавать в школе обе дисциплины. Такая позиция может интерпретироваться двояко: с одной стороны, респонденты могут сознавать, что речь идет о двух принципиально различных курсах, но не считать их взаимоисключающими и высказываться за “мирное сосуществование” в школьной программе двух подходов к “религиозному про-

Российские граждане одобряют идею включения в школьную программу какого-либо курса, связанного с религиозной тематикой

Таблица 1

	Тема опроса – ИМР	Тема опроса – ОПК
<i>В средствах массовой информации сегодня обсуждается вопрос, следует ли преподавать в школе историю мировых религий и основы православной культуры. Какая из перечисленных позиций Вам ближе?</i>		
В школе следует преподавать и историю религий, и основы православной культуры	45	52
В школе следует преподавать только историю религий	24	12
В школе следует преподавать только основы православной культуры	7	8
В школе не следует преподавать ни историю религий, ни основы православной культуры	10	10
Затрудняюсь ответить	14	17

* Единственное различие – в том, что респондентам, которых спрашивали о преподавании основ православной культуры, был задан один дополнительный вопрос.

Таблица 2

	Тема опроса – ИМР	Тема опроса – ОПК
Как Вы относитесь к идее ввести преподавание истории религий (основ православной культуры) в средней школе – положительно, отрицательно или Вам это безразлично?		
Положительно	63	59
Мне это безразлично	15	17
Отрицательно	14	14
Затрудняюсь ответить	8	10

свещению»; с другой – они могут полагать, что эти дисциплины близки, если не идентичны, что они соотносятся между собой как части единого учебного предмета – примерно так же, как алгебра и геометрия или ботаника и зоология. Ниже мы попытаемся разобраться в том, какая из этих интерпретаций позиций большинства респондентов более достоверна, но прежде – обратимся к мнениям меньшинства: тех, кто определенно отдал предпочтение той или иной дисциплине.

Решительно высказались в пользу преподавания основ православной культуры, отвергнув альтернативный вариант, сравнительно немногие – 7% участников одного опроса и 8% – другого. Причем ответы респондентов, считающих себя православными (в одной выборке таковых оказалось 59%, в другой – 56%*), практически не отличаются от средних показателей: соответственно 8 и 9%.

Значительно чаще респонденты занимали противоположную позицию: за преподавание истории религий и против введения курса основ православной культуры. Различия в ответах участников двух опросов легко объяснимы: в одном случае история религий воспринималась в качестве “основной” версии “религиозного просвещения” (респондент уже ответил на ряд вопросов, посвященных перспективе введения этого предмета), в другом – в качестве альтернативной (предшествовавший разговор касался основ православной культуры). Но даже во втором случае, когда о возможности введения курса истории религий участники опроса слышали на исходе обсуждения темы, этот вариант показался им несколько более привлекательным.

Впрочем, примерно половина участников опросов, как мы видели, высказались за преподавание обоих предметов. Когда же перед ними не стояла проблема выбора, респонденты высказывались в пользу того или иного варианта “религиозного просвещения” еще более определенно (табл. 2).

Разница между долями сторонников преподавания истории религий и основ православной культуры составляет всего 4 пп. Учитывая статистическую погрешность (3,6%), ее можно было бы вообще не принимать в расчет, если бы не одно обстоятельство: это расхождение в значительной степени определяется различиями в суждениях представителей одной социально-демографической группы – участников опроса, имеющих высшее образование. Высокообразованные респонденты гораздо решительнее, чем остальные, высказываются в пользу преподавания истории религий (74%), тогда как за преподавание основ православной культуры они “голосуют” чуть менее охотно, чем остальные граждане (56%). При этом противников введения курса истории религий среди них – практически столько же, сколько и среди россиян в целом (13%), а противников курса основ православной культуры – вдвое больше (28%). Отметим для сравнения, что доли сторонников введения обеих дисциплин среди респондентов с общим средним образованием одинаковы (по 57%), равно как и среди тех, кто среднего образования не получил (56% – за ИМР, 57% – за ОПК), тогда как респонденты со средним специальным образованием несколько чаще высказываются за введение истории религий, чем основ православной культуры (68 и 62%).

* Не считают себя верующими 30% участников одного опроса и 31% – другого, 5 и 7% соответственно заявляют о приверженности исламу, 2 и 1% – о принадлежности к другим религиям, и по 5% в каждом опросе затрудняются ответить на соответствующий вопрос.

Большинство россиян воспринимают два разных педагогических проекта – введение курсов “История мировых религий” и “Основы православной культуры” – как идентичные

Если только высокообразованные респонденты демонстрируют дифференцированный подход к предложениям о введении данных дисциплин, а опрошенные со сравнительно невысоким образовательным уровнем реагируют на эти предложения одинаково, то естественно предположить, что только первые сравнительно часто усматривают различия между двумя моделями “религиозного просвещения”, тогда как большинство россиян воспринимают эти педагогические проекты как идентичные. В пользу этого предположения говорит и сходство аргументации сторонников введения данных учебных предметов: в ответах участников двух опросов на открытые вопросы о том, почему они положительно относятся к идее включить в школьные программы соответствующую дисциплину, очень много общего – хотя есть и определенные различия.

Рассмотрим доводы сторонников обеих версий “религиозного просвещения” повнимательнее (табл.3). Наиболее распространенный аргумент респондентов, высказавшихся в пользу преподавания основ православной культуры, состоит в том, что введение этого курса будет содействовать *духовному и культурному развитию, а также нравственному воспитанию* школьников, – так обосновали свою позицию 21% участников соответствующего опроса, или 42% от числа ответивших на открытый вопрос. В обоснование целесообразности преподавания истории мировых религий этот довод приводился несколько реже – его использовали 15% участников опроса, или 27% ответивших на вопрос.

Естественно, развивая эту мысль, респонденты расставляли акценты по-разному. Одни говорили о необходимости воспитания нравственности, духовности, используя именно данные понятия и нередко подчеркивая, что сегодняшняя молодежь этих достоинств лишена едва ли не начисто.

“Молодежь надо учить духовной жизни”; “религия – это духовность; молодежи в наше время этого не хватает”; “дети озлобленные, телевидение их развращает – надо духовность восстанавливать”; “нужно прививать изначально нравственность”; “надо восстанавливать нравственность” (ОПК).

Таблица 3

	Тема опроса – ИМП	Тема опроса – ОПК
Почему Вы положительно относитесь к идее ввести преподавание истории религий (основ православной культуры) в средней школе?		
Это нужно для общего развития детей, расширения их кругозора	21	5
- расширение кругозора в целом	16	2
- это интересно	1	–
- приобщение к истории и религии своей страны	4	3
Это будет способствовать духовному и культурному росту детей, их нравственному воспитанию	15	21
У людей должна быть вера, они должны бояться Бога	8	8
Это нужно, полезно в целом	5	4
Улучшится обстановка в стране (будет меньше криминала, наркомании и т.п.)	3	4
Это поможет воспитанию терпимости в обществе	1	–
Я верующий(-ая), мы верующие	1	1
В этом нет ничего плохого	2	2
Это поможет детям определить свое отношение к религии	2	–
Детей нужно знакомить с религией, приобщать к ней	–	5
- знакомство с основами религии в целом		1
- знание своей религии, приобщение к православию, православное воспитание		4
Это необязательно, но возможно	–	1
Другое	1	1
Затрудняюсь ответить, нет ответа	8	10
Вопрос не задавался (респондентам, которые относятся к данной идее отрицательно)	37	41

"Необходимо развивать духовность"; "это повлияет положительно на нравственность"; "людей надо более духовно развивать"; "чтобы убрать бездуховность"; "нравственность повысится у детей"; "духовное воспитание необходимо" (ИМР).

Другие выражали надежду на то, что под влиянием соответствующего учебного курса дети станут добрее, терпимее, мягче.

"Дети будут добрее и внимательнее друг к другу"; "это будет воспитывать доброту, сочувствие, доверие"; "надо, чтоб дети были помягче, не такие жестокие, как сейчас"; "люди будут мягче и добрее"; "так чтобы уже не совсем нам в зверей превратиться"; "больше добра в детских сердцах"; "люди становятся терпимее" (ОПК).

"Будут иметь сердце и жалость к людям"; "дети будут добрее и мягче"; "гуманнее будут"; "зная религию, люди будут уважать друг друга"; "лучшие люди будут – чище, добрее"; "молодежь, знакомясь с историей религии, станет добрее"; "так как люди будут мягче, добрее, отзывчивее" (ИМР).

Третьи усматривали предназначение этих дисциплин в том, чтобы давать ученикам верные ориентиры в жизни, помогать отличать добро от зла, воспитывать их достойными, порядочными людьми.

"Формировать надо хотя бы первоначальное понимание того, что можно, а чего нет"; "дети станут порядочными и воспитанными"; "молодежь на правильный путь надо поставить – никого не слушают"; "детям объяснить, что такое добро, оно будет объяснено в школе, а не понаслышке"; "дети вольные – может, будут серьезнее относиться к жизни" (ОПК).

"Чтобы молодежь удерживать в рамках, идею им дать, цель, правила поведения"; "на истинный путь наставят"; "может, знания эти помогут, чтобы дети росли хоть малость порядочными"; "молодежь – тяжелая: пора вводить предмет, который бы научил добру и дал бы понять, что грехи наказуемы" (ИМР).

Четвертые уповали на дисциплинирующее влияние "религиозного просвещения", способного, по их мнению, благотворно сказаться на образе жизни молодых людей, содействовать исправлению нравов и профилактике девиантного поведения.

"Дети совсем распустились – может, религия поможет"; "научит молодежь порядку"; "молодежь развращена – будет сдержаннее"; "может, молодежь будет спокойней, меньше пить будет и наркотики принимать"; "наши дети будут более дисциплинированы"; "когда есть вера в Бога, есть какой-то порядок – этот человек не пойдет грабить на улице" (ОПК).

"Всех приобщат к порядку"; "может, будет дисциплина среди молодежи"; "распущенность уменьшится у молодежи"; "молодежь нужно отвлечь от наркотиков"; "молодежь может исправиться"; "поднимет дух учеников, чтобы не думали о наркотиках и алкоголе" (ИМР).

Как видим, доводы респондентов, полагающих, что преподавание истории религии позитивно скажется на нравственном облике молодежи, во всех нюансах совпадают с аргументами, которые приводят участники другого опроса в пользу введения курса основ православной культуры. Очевидно, что такие упования основаны на трактовке курса истории религий как предмета, не столько дающего ученикам знания о генезисе, эволюции и взаимоотношениях мировых религий, о сходствах и различиях их догматов, ценностных оснований, этических доктрин, практики богослужений и т.д. – ина-

че говоря, не столько просвещающего школьников в этой сфере, сколько приобщающего их к религии, прививающего им религиозное мировосприятие.

Еще более определенно о склонности интерпретировать идею преподавания истории религий подобным образом свидетельствуют высказывания респондентов, прямо обосновывающих свое позитивное отношение к этой идее уверенностью в том, что *людям необходима вера* (некоторые при этом говорят о страхе перед Богом). Причем показательно, что этот довод в равной мере склонны приводить участники обоих опросов: по 8% от общего числа опрошенных.

“Без веры жить нельзя”; “надо прививать молодежи веру в Бога”; “вера облагораживает человека”; “чтобы люди думали, что их может кто-то свыше наказать”; “пусть дети верят в Бога”; “может, будут Бога бояться” (ОПК).

“Без веры нельзя жить”; “детей надо приучать к религии”; “полным атеистом быть невозможно, не рекомендуется”; “надо приучать к вере”; “кого-то должны бояться дети”; “чтобы люди приобщались к Богу”; “хоть чего-то бояться будут” (ИМР).

В связи с этим стоит отметить, что противники введения курса истории мировых религий из числа представителей Русской Православной церкви опасаются – и, видимо, небезосновательно, – что преподавание этой дисциплины может, напротив, препятствовать приобщению молодежи к вере, поскольку в процессе обучения дети будут знакомиться с различными религиозными традициями. Совместимость определенного релятивизма, неизбежного при сравнительно-историческом анализе разных религий, и неколебимой веры в учение одной из церквей действительно проблематична – во всяком случае, когда речь идет не о религиозных мыслителях, а об учениках общеобразовательной школы. Однако подобные опасения абсолютно чужды рядовым гражданам: ни в ответах на открытые вопросы, ни в рассуждениях участников фокус-групп этот мотив не прозвучал ни разу, а уверенность в том, что преподавание истории мировых религий будет способствовать росту религиозности, респонденты, как видим, выражают столь же часто, как и веру в аналогичный эффект преподавания курса основ православной культуры.

Почти одинаковы и доли сторонников введения этих дисциплин, аргументировавших свою позицию ссылками на ожидаемый социальный эффект реализации того или иного педагогического проекта: снижение уровня преступности, наркомании и т.д. Собственно, говорили они фактически о том же, о чем и респонденты, развивавшие мысль об исправлении нравов под воздействием “религиозного просвещения”, но формулировали эту мысль в несколько более прагматическом ключе, акцентируя внимание не столько на переменах в сознании молодежи, которые должны привести к улучшению ситуации в стране, сколько на конечном результате.

“Меньше будет наркоманов и преступников”; “меньше будет насилия и воровства”; “меньше убийств будет”; “будет меньше агрессии”; “меньше будет драк, хулиганья”; “меньше будет наркомании, мата и др.” (ОПК).

“Поменьше будет безобразия на улице”; “не будет наркоманов и проституток”; “меньше криминала станет”; “освобождение от наркотиков и алкоголя, может, произойдет”; “чтобы не было насилия”; “меньше будет хулиганства” (ИМР).

Поскольку трудно предположить, чтобы подобные надежды связывались лишь с перспективой повышения эрудиции детей в вопросах, связанных с религией, остается заключить, что и эти респонденты интерпретируют преподавание истории религий как процесс, стимулирующий обращение учеников к вере.

Еще один довод, примерно в равной мере применяемый сторонниками обеих версий “религиозного просвещения”, состоит в том, что детей необходимо приобщать к истории и религии нашей страны.

коллаж Е. Русс

“Это история России, и мы ее должны знать”; “должны знать свои корни”; “это русская культура – а ее надо знать”; “дети должны знать нашу историю”; “надо знать свои корни, историю” (ОПК).

“Надо знать свою историю”; “это наше прошлое, ребенок должен знать все о религии”; “это наши истоки”; “надо знать свои традиции”; “дети это должны знать, это наши корни”; “люди будут знать историю своего народа” (ИМР).

Таким образом, историко-патриотическая аргументация, абсолютно органичная в контексте обоснования целесообразности преподавания основ православной культуры, широко используется и тогда, когда речь идет о курсе истории религий. Объясняя, почему они положительно относятся к предложению ввести этот предмет в школах, авторы приведенных выше реплик определенно исходят из того, что учеников будут знакомить именно с православной религиозной традицией, а некоторые респонденты говорят об этом недвусмысленно.

“Дети должны знать православную историю”; “мы православные, дети должны это знать”; “православие спасет Россию” (ИМР).

Причем изредка участники опроса, апеллирующие к историко-патриотическим доводам, по-видимому, замечают, что название учебного курса предполагает ознакомление учащихся не только с православием, но и с иными религиозными традициями, и это побуждает их обуславливать свое согласие на данное педагогическое новшество определенными “ограничениями”.

“Если только христианство”; “если только это будет своя вера – православная”; “если только это будет православное христианство, но не буддизм и т.д. – чтобы не забивать детям головы” (ИМР).

Отсюда следует, что одно из различий в аргументации сторонников рассматриваемых проектов, которое вроде бы обнаруживается при сопоставлении их ответов на

идентичные открытые вопросы, оказывается в значительной степени мнимым. Речь идет о группе ответов сторонников преподавания основ православной культуры, маркированной в приведенном выше кодификаторе как “знание своей религии, приобщение к православию, православное воспитание” (4% от всех опрошенных).

“Детям надо прививать любовь к православию, к своей религии”; “надо, чтобы дети были православными и все знали”; “русские должны знать о своей религии”; “православные христиане должны знать истоки истории”; “надо знать историю, молитвы, праздники православной религии” (ОПК).

В ответах сторонников введения курса истории религий такая группа не выделена, однако, как мы видели, ключевая идея, объединяющая эти высказывания (преподавание соответствующей учебной дисциплины должно актуализировать частично утраченную религиозную идентичность русского народа), вполне отчетливо просматривается и в их репликах. Правда, доля апеллирующих к историко-патриотической аргументации здесь несколько меньше, чем среди сторонников преподавания основ православной культуры.

Наиболее же принципиальное различие в доводах респондентов, позитивно оценивающих эти педагогические проекты, состоит в том, что отвечавшие на вопросы о введении курса истории религий гораздо чаще, чем рассуждавшие о курсе основ православной культуры, аргументировали свою точку зрения ссылками на то, что этот предмет будет способствовать расширению кругозора, повышению эрудиции учащихся (соответственно, 16 и 2% от числа всех опрошенных).

“Знания никогда не бывают лишними”; “люди будут более образованными”; “не зная историю религии, невозможно быть культурным человеком”; “расширит кругозор учащихся”; “современный человек должен в этом разбираться”; “детям нужны многоплановые знания для общего развития” (ИМР).

“Дополнительные знания не помешают”; “полезно для общего развития”; “дети будут умнее”; “чтобы ученики были грамотными”; “для повышения кругозора в этой области”; “наши дети должны знать больше нас” (ОПК).

Изредка в подобных высказываниях звучит, отметим, и мысль о том, что расширение познаний школьников в этой предметной области будет способствовать их воспитанию в духе веротерпимости, уважения к иноверцам.

“Люди должны разбираться в религиях, уважать другие религии”; “уважать надо всякую веру – и хорошо бы знать с детства” (ИМР).*

Некоторые (1%, или 2% от ответивших на данный вопрос) идут еще дальше – рассматривают преподавание истории религий как способ профилактики межнациональных и межконфессиональных конфликтов.

	Тема опроса - ИМР		Тема опроса - ОПК	
Как Вы считаете, изучение истории религий (основ православной культуры) в школе повлияет или не повлияет на отношения между людьми разных вероисповеданий? И если повлияет, то улучшит или ухудшит эти отношения?				
	все	высшее образование	все	высшее образование
Никак не повлияет	21	16	21	22
Улучшит	49	59	43	40
Ухудшит	10	11	12	22
Затрудняюсь ответить	21	14	25	16

Таблица 4

* Впрочем, встречается – крайне редко – и противоположная мотивировка: “Дети должны все религии знать, в том числе и ислам: террористы – враги номер один, их надо знать в лицо”.

“Это преподавание должно привести к взаимопониманию людей и верующих разных религий”; “чтобы был мир между народами – люди друг друга будут лучше понимать”; “чтобы не было национальных конфликтов” (ИМР).

Отметим в связи с этим, что участники обоих опросов в целом весьма оптимистично – и вместе с тем довольно похоже – отвечают на вопросы о том, как преподавание той или иной дисциплины отразится на межконфессиональных отношениях (табл.4).

Заслуживает внимания тот факт, что различия в распределении ответов (сами по себе – незначительные) обусловлены главным образом позицией респондентов с высшим образованием, которые выражают надежду на благотворное влияние курса истории религий на межконфессиональные отношения намного чаще, а опасения по поводу возможности ухудшения этих отношений вследствие введения данной дисциплины в школьную программу – намного реже, чем когда речь идет о преподавании основ православной культуры.

Как мы видели, в аргументации сторонников введения курса истории религий преобладают доводы, полностью совпадающие с доводами сторонников преподавания основ православной культуры и основанные на интерпретации этой дисциплины как призванной прививать школьникам религиозное мировосприятие. Поэтому едва ли может вызвать удивление тот факт, что почти две трети опрошенных (63%) предпочли бы видеть в роли преподавателя истории религий человека верующего (табл.5). Кстати, даже среди респондентов, заявляющих, что сами они к числу верующих не относятся, такую позицию занимает каждый второй (50%).

Показательно, что и в этом случае суждения опрошенных с высшим образованием заметно выделяются на общем фоне. Если преподавателем основ православной культуры они в подавляющем большинстве своем, как и прочие россияне, сочли бы естественным видеть человека верующего, то когда речь идет о курсе истории религий, высокообразованные респонденты чаще полагают, что учитель может либо даже должен быть атеистом, чем настаивают на его религиозности.

Обратившись к доводам сравнительно немногочисленных противников рассматриваемых педагогических проектов, мы и здесь обнаружим сходство аргументации, обусловленное тем, что обе версии “религиозного просвещения” воспринимаются респондентами почти одинаково – как ориентированные прежде всего на приобщение школьников к религии. Каждый третий из числа ответивших на открытый вопрос о причинах своего негативного отношения к введению соответствующего учебного курса – по 4% от числа участников обоих опросов – прямо говорил, что считает недопустимым навязывать детям веру, что этот вопрос каждый человек должен решать самостоятельно.

“Нельзя навязывать веру”; “кому надо – тот верит; зачем заставлять всех?”; “к вере должен человек прийти сознательно и самостоятельно”; “кому надо, тот сам в церковь придет”; “это – дело каждого человека” (ОПК).

Таблица 5

	Тема опроса – ИМР		Тема опроса – ОПК	
	все	высшее образование	все	высшее образование
Если в школе будет введен предмет “История религий” (“Основы православной культуры”), то, по Вашему мнению, лучше, чтобы его преподавал верующий человек, неверующий человек, или это не имеет значения?				
Верующий	63	44	72	70
Неверующий	8	19	3	8
Это не имеет значения	21	30	14	15
Затрудняюсь ответить	8	7	10	8

Таблица 6

	Тема опроса – ИМР	Тема опроса – ОПК
Как Вы считаете, история религий (основы православной культуры) должна(-ы) быть обязательным предметом для всех учащихся или факультативным предметом только для желающих? Или этот предмет вообще не должен преподаваться в школах?		
ИМР (ОПК) – обязательный предмет	21	22
ИМР (ОПК) – факультативный предмет	61	54
ИМР (ОПК) не должна(-ы) преподаваться в школах	9	10
Затрудняюсь ответить	9	14

“Не надо навязывать людям веру”; “если ребенок сам заинтересуется, он найдет дорогу к храму”; “нельзя насаждать религию”; “у каждого человека свой путь в религии, и что-то вдалбливать не надо”; “вера – это личное дело каждого” (ИМР).*

Не будем подробно излагать другие доводы, но отметим, что участники обоих опросов, высказывающиеся против “религиозного просвещения”, практически одними и теми же словами говорили о недопустимости преподавания соответствующих предметов в многоконфессиональной стране (“у нас в стране много религиозных конфессий – это дискриминация” – ОПК, “будет преобладать православная религия, а в нашей стране много конфессий” – ИМР), о своем недоверии к священникам (“я им не верю, этим батюшкам” – ОПК, “эти батюшки натворят еще, подождите” – ИМР), воспроизводили “классические” атеистические лозунги (“это все-таки дурман для народа” – ОПК, “опиум для народа” – ИМР), возмущались намерением “забивать голову” детям и т.д.

Участникам обоих опросов был задан также вопрос о том, каким должен быть статус новой учебной дисциплины. Респонденты в обоих случаях весьма уверенно высказались за то, чтобы “религиозное просвещение” было факультативным (табл. 6).

Как явствует из таблицы 7, лишь примерно треть сторонников введения курса истории религий настаивают на том, чтобы этот предмет проходили все школьники; почти вдвое больше тех, кто предпочитает предоставить им (и их родителям) свободу решать, посещать ли эти уроки. В то же время почти половина противников введения этого курса, как выясняется, не возражали бы против его появления в учебной программе в качестве факультативного предмета**.

Судя по обсуждению этого вопроса на фокус-группах, даже те, кто хотел бы, чтобы курс истории религий был обязательным для всех учащихся (кстати, сторонники этой точки зрения и на групповых дискуссиях неизменно оказывались в меньшинстве), как правило, не склонны приравнивать эту дисциплину к “обычным” предметам школьной программы.

Представим на минуту, что речь зашла бы о предложении сделать факультативным предметом математику, химию или даже вполне гуманитарную дисциплину – допустим, историю. Едва ли можно сомневаться в том, что возмущенные противники подобного новшества в первую очередь заговорили бы о невозможности в таком режиме приобрести необходимые знания, полностью усвоить учебный материал. В данном же случае этот контраргумент вообще не звучал.

Сторонники обязательного посещения уроков истории религий либо высказывались против факультативов вообще, полагая свободу выбора учебных дисциплин в принципе неприемлемой для средней школы и считая, что школьники не станут по-

* Можно предположить, правда, что некоторые респонденты, высказываясь подобным образом, сознают, что сама идея преподавания истории религий этого не предполагает, но считают, что на практике дело сведется именно к “насаждению” веры. Однако таких наверняка не много – во всяком случае, подобный мотив прозвучал лишь в одной реплике: “потому что беспристрастно преподавать ее они не будут, будут насаждать православие насильно”.

** Похожие пропорции – и в распределении ответов на вопрос о желательном статусе курса основ православной культуры.

Россияне считают, что “религиозное просвещение” – в какой бы версии оно ни вводилось – должно быть факультативным

	Все	Как Вы относитесь к идее ввести преподавание истории религий в средней школе – положительно, отрицательно или Вам это безразлично?			
		положительно	безразлично	отрицательно	затр. ответить
Как Вы считаете, история религий должна быть обязательным предметом для всех учащихся или факультативным предметом только для желающих? Или этот предмет вообще не должен преподаваться в школах?					
ИМР – обязательный предмет	21	32	6	0	3
ИМР – факультативный предмет	61	61	70	43	71
ИМР не должна преподаваться в школах	9	0	9	50	6
Затрудняюсь ответить	9	7	15	7	20

сещать никакие занятия, если их к этому не принуждать, либо говорили о том, что дети не могут заранее знать, что даст им “религиозное просвещение”, и сделать осознанный выбор, а потому следует обязать их прослушать соответствующий курс. Но в любом случае они решительно высказывались против того, чтобы по данному предмету школьникам выставлялись оценки, причем этот момент никаких разногласий на фокус-группах не вызывал.

1-й участник: *Я считаю – обязательно <посещать уроки>, но не зачет, просто условно. Не сдавать экзамены, а ставить, что просто прослушал.*

2-й участник: *Я за обязательку, но не за оценки. Потому что многие люди не созрели еще, чтобы понять. Все созревают по-разному. У каждого человека наступает определенный момент, когда наконец-то до него доходит: ах, вот о чем говорили” (ДФГ, Воронеж).*

Участница фокус-группы в Петербурге, твердо уверенная, что *“на факультативы никто ходить не будет”*, что *“факультатив – это совсем несерьезно”*, заявляет, что *“это должен быть такой предмет, как все, но просто не с обязательным экзаменованием”*.

Сторонники факультативного преподавания истории религий также самым определенным образом высказывались против того, чтобы ставить ученикам отметки.

Всеобщее мнение о неприменимости обычного способа оценки школьных знаний к истории мировых религий (равно как и к основам православной культуры) – самый, вероятно, очевидный симптом того, что этому предмету априори приписывается особый статус. Другой, и тоже весьма показательный, симптом – разногласия суждений относительно того, на каком уровне должно приниматься решение о введении в школах таких дисциплин.

Участникам опроса был задан следующий вопрос: *“Одни считают, что каждый регион должен иметь право самостоятельно решать, вводить или не вводить преподавание истории религий в школах региона. Другие – что это решение должно быть единым для всех российских регионов. Какая точка зрения Вам ближе?”* “Голоса” разделились поровну: 40% сочли, что вопрос должен решаться на федеральном уровне, 40% – что на региональном, остальные затруднились с ответом*. Но на фокус-группах обсуждалась не только эта дилемма. Участники дискуссий высказывали самые различные суждения относительно того, как, на их взгляд, следовало бы принимать решение о введении некоего предмета, связанного с религией, в школьную программу (на этой стадии обсуждения вопрос о конкретном содержании соответствующей дисциплины еще не затрагивался).

Сторонников принятия такого решения на федеральном уровне среди участников фокус-групп оказалось не очень много. Обосновывая свою позицию, они гово-

* Участники опроса, в ходе которого речь шла о курсе основ православной культуры, несколько чаще предпочитали доверить решение регионам – 45% против 35%, высказавшихся в пользу принятия решения на федеральном уровне.

рили, в частности, о необходимости одинакового подхода ко всем учащимся, об общенациональном значении “религиозного просвещения”, о необходимости предотвратить проникновение “нежелательных” деноминаций и сект в школы.

“А что тут огород городить? ..Если уж развивать, так всех надо развивать” (ДФГ, Москва).

“Теперь возникает вопрос: на уровне школы? Да нет, по-моему, на федеральном, наверху. Надо же возвращать, возрождать Россию. Она же сейчас вымирает со страшной силой, потому что нет цели, нет стимула” (ДФГ, Воронеж).

“Надо на федеральном уровне решать вопрос. Потому что если мы решим на местном уровне, то тут все баптисты пойдут и т.д. У нас христианская страна – давайте по православной религии” (ДФГ, Воронеж).

Некоторые полагают, что данный вопрос должен решаться региональными властями (прозвучало и предложение о региональных референдумах) либо властями муниципальными, – причем одна участница дискуссии в Москве предложила, чтобы последние делали это по согласованию с церковью.

“Наверное, пусть все-таки этот вопрос решают местные советы” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Управа вместе с церковью” (ДФГ, Москва).

Но кроме этого на всех фокус-группах высказывалась и неизменно встречала определенную поддержку мысль о том, что решение должно приниматься администрациями школ, которым при этом следует учитывать не только свои возможности (некоторые опасались трудностей, связанных как с перегруженностью учебного плана, так и с отсутствием учителей, которые могли бы преподавать новую дисциплину), но и позицию родителей. На необходимости проведения родительских собраний либо даже получения письменного согласия родителей на введение “религиозного просвещения” настаивали, подчеркнем, довольно многие.

Весь ход дискуссий на фокус-группах, как и рассмотренные выше ответы респондентов на открытые вопросы, не оставляет сомнений в том, что притягательность самой идеи “религиозного просвещения” для наших сограждан определяется прежде всего тем, что новый педагогический проект интерпретируется как преимущественно воспитательный и в известной мере – призванный исполнять те функции, которые в советские времена возлагались на комсомольскую и пионерскую организации. Проиллюстрируем это уже самыми первыми репликами, прозвучавшими на всех трех фокус-группах после того, как модератор объявлял тему беседы и спрашивал, следует ли преподавать в школе какие-то предметы, связанные с религией.

“Я считаю, при нашем строе это нужно. Какая-то идея должна быть в обществе. Человек должен стремиться к чему-то хорошему. Религия дает положительный задел души, любая религия: мусульманская, христианская и т.д. Она дает стремление жить, развивать в себе какую-то индивидуальность. У нас нет сейчас никакой идеологии. Была коммунистическая, мы стремились к чему-то хорошему – а сейчас нет такого. Религия способна удержать человека от злых помыслов” (ДФГ, Воронеж).

“Ну потому что у нас очень много открыто казино: они все, дети, сейчас больше играют в игровые автоматы – и это меня очень... Я считаю, что это ужасно. Дети у нас неидейные, ни патриотизм не развивается. А потом они как-то – ну я не знаю...” (ДФГ, Москва).

“Потихонечку, но это надо делать. Очень аккуратно, но это надо обязательно делать, чтобы у детей появлялся какой-то стержень. Раньше – это у нас октя-

Респонденты категорически против того, чтобы школьникам выставлялись оценки по курсу истории религий

братя, пионеры – а сейчас? Для нравственности, я считаю, что это обязательно надо” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Некоторые участники групповых дискуссий трактовали идею о воспитательной роли “религиозного просвещения” совершенно механистически.

“Если вас будут математике учить – вы будете уметь... будете считать? Конечно, будете. Если они преподают нравственность, то и дети будут нравственные” (ДФГ, Москва).

“Религия – это средство для выправления мозгов” (ДФГ, Воронеж).

Большинство респондентов, впрочем, рассуждают не столь прямолинейно. Однако и они исходят из того, что преподавание истории религии – как и основ православной культуры – должно иметь определенный воспитательный эффект. Лишь изредка эта точка зрения встречает возражения.

“...вот здесь говорилось о воспитании, о духовности. Воспитывать надо в своих семьях своих детей, я считаю, это вот лично мое мнение. И не надо свое, как бы, родительское переваливать на чьи-то плечи” (ДФГ, Москва).

“Вот сейчас, видите ли, они вот такие вот злые, а мы их вот в религию – и они сразу добрые станут. Вот мне кажется, что добрыми можно и без религии воспитывать. Так что, дорогие родители, воспитывайте их добрыми, и не обязательно вот тут нужно, чтобы религия нам на помощь пришла. Религия – это немножко другое дело” (ДФГ, Москва).

Подавляющее большинство россиян воспринимают идею преподавания истории религий как воспитательный и в значительной степени – идеологический проект, видят в этом курсе, по существу, инструмент социального контроля

Следует отметить, что участники фокус-групп готовы признать благотворное влияние на нравственность молодежи за всеми мировыми религиями. Но при этом они, в большинстве своем, не видят особого смысла в том, чтобы рассказывать школьникам о различных религиях. И в этом есть определенная логика: если цель преподавания соответствующего курса усматривается в том, чтобы внушить детям некие представления о добре и зле – общие, как полагают респонденты, для всех религий, – то почему бы не ограничиться рассказом об одной религиозной традиции? Рассуждая примерно таким образом, респонденты зачастую говорят о том, что русским незачем изучать ислам или буддизм, а татарам или калмыкам – православие. Соответственно, нередко предлагается организовать дело так, чтобы школьникам преподавались основы какой-либо одной религии и чтобы у учеников и их родителей была возможность выбора (хотя многих и смущают “технические” сложности реализации такого подхода). И хотя на всех фокус-группах раздаются голоса тех, кто полагает, что целью учебного курса должно стать именно ознакомление учащихся с разными религиозными традициями, лишь в одной из этих дискуссий (в Санкт-Петербурге) такая позиция представлена широко.

Правда, некоторые участники фокус-групп предлагают и компромиссный вариант, предусматривающий относительно подробный рассказ о православии и гораздо более лаконичный, обзорный – об иных религиозных традициях. С точки зрения пропорций в распределении учебного материала такой подход, надо сказать, близок к тому, который планируется реализовать в курсе истории мировых религий.

Но главная проблема состоит все же не в этих пропорциях, а в том, как соотносятся задачи, возлагаемые на новый педагогический проект его инициаторами, и, соответственно, содержание данной учебной дисциплины, с одной стороны, и ожидания граждан – с другой. Результаты исследования определенно свидетельствуют о том, что лишь сравнительно немногие россияне, причем преимущественно – имеющие высшее образование, видят в курсе истории мировых религий сугубо “светский” учебный предмет, призванный расширить кругозор учащихся, повысить их культурный уровень. Вместе с тем практически никто не рассматривает перспекти-

ву введения этого курса и с собственно религиозных позиций – никто не говорит, например, о том, что приобщение школьников к религии в рамках данной учебной дисциплины направит их на путь, ведущий к спасению души*. Подавляющее большинство россиян воспринимают новый педагогический проект как воспитательный и в значительной степени – идеологический, говоря шире – как инструмент социального контроля.

Подобный, сугубо функциональный подход к “религиозному просвещению” придает курсу истории мировых религий особый статус, выводит этот предмет за пределы круга собственно учебных, образовательных дисциплин. Следовательно, в случае реализации данного проекта может возникнуть определенный диссонанс, обусловленный противоречием между его изначальной интенцией и преобладающей в сознании россиян интерпретационной схемой**. И вполне вероятно, что, несмотря на позитивное отношение большинства опрошенных к самой идее преподавания истории мировых религий, процесс “привыкания” к этому предмету, его легитимации как “равноправной” с прочими учебной дисциплины окажется непростым и длительным. ■

* Кстати, этот мотив ни разу не возник и тогда, когда речь шла о преподавании основ православной культуры, – ни на групповых дискуссиях, ни в ответах респондентов на открытые вопросы.

** Этот диссонанс может проявляться, например, в том, что родители тех школьников, которые начнут приносить домой “двойки” по новому предмету, будут либо воспринимать их как “неуды” по поведению, либо возмущаться по поводу самой практики оценивания успехов и неудач в освоении данного курса по критериям, которые применяются на “обычных” уроках.

Так говорил респондент...

– В чем, по Вашему мнению, заключались положительные результаты перестройки для нашей страны?

– *Цель отпустили, гавкай на кого хочешь, а в миске как было пусто, так и есть.*

– Почему Вы считаете, что государство должно ради возвращения из-за рубежа капиталов российских бизнесменов закрывать глаза на происхождение этих денег, объявить “амнистию капиталов”?

– *У нас своровали, пусть у нас и держат.*

– Почему Вы думаете, что допустимо намеренно перекрывать дороги в ходе акций протеста?

– *Я бы вообще перекрыл все на свете, чтобы правительство задумалось.*

– Перечислите, пожалуйста, несколько высказываний, решений и действий В. Путина за прошедшую неделю, которые Вам запомнились и не понравились, вызвали возражения.

– *Бабке в Серпухове привез “Волгу”. Ей уж помирать, зачем ей машина?*

– Какие события прошедшей недели, о которых сообщалось в средствах массовой информации, больше всего заинтересовали Вас, привлекли Ваше внимание?

– *В США некоторые автобусы ездят на подсолнечном масле.*

– Почему Вы относитесь к марксизму положительно?

– *Ленин последнее пальто свое отдал, а сейчас что творится?*

– А какие отрицательные последствия для России имела приватизация?

– *Все пришло в одни руки, и они утлыли за границу.*

– Почему Вы доверяете Генеральной прокуратуре?

– *Поневоле.*

– В чем Вы видите отрицательное влияние приезжих на жизнь Москвы?

– *Приезжие возбуждают своими деньгами продажные чувства чиновников.*

– Почему Вы предпочли бы иностранную сборку?

– *Русская машина – ошибка природы.*

(из опросов ФОМа)

Е. Вовк

Подростковые заработки: Зло или благо?

Участники опроса относятся к ситуации, когда подросток свободно распоряжается деньгами, амбивалентно, но пользы в ней усматривают все-таки больше, чем вреда

Отношение к работе подростков по найму может сказать много любопытного не только о сложившейся в обществе концепции детства, воспитания и взросления, но также о преобладающем в нем восприятии работы и денег. В российском обществе сегодня на работу подростков смотрят более чем неоднозначно: с одной стороны, участники массового опроса практически в один голос заявляют, что, когда подростки работают для заработка, – это хорошо; с другой – многие считают, что подросткам не стоит доверять деньги или что заработанное ими должно – полностью или частично – передавать родителям. Это кажущееся противоречие на деле таковым не является – все объясняется тем, что респонденты ратуют скорее за трудовое воспитание (ценность, воспитанная советской эпохой), чем за работу подростков по найму ради заработка. Ниже мы продемонстрируем это на конкретных данных. Но для начала рассмотрим, как респонденты относятся к тому, что у подростка вообще появляются деньги, – на наш взгляд, это определяющий фактор.

Участники массового опроса и фокус-групп говорили как про плюсы, так и про минусы ситуации, когда у подростка есть деньги в свободном распоряжении. Несмотря на выраженную амбивалентность отношения, пользы в этом респонденты, судя по всему, усматривают больше, чем вреда. Участники фокус-групп о вреде говорили реже, чем о пользе, а среди участников массового опроса 66% согласились с мнением “у подростка обязательно должны быть деньги в свободном распоряжении”, тогда как с мнением “в идеале у подростка вообще не должно быть денег” – 28%. Аргументы первых* в защиту своей позиции – подростку в любом случае нужны деньги на собственные потребности и интересы; кроме того, опыт обращения с деньгами воспитывает детей, способствует их взрослению.

Аргументы вторых** – подростки не умеют распоряжаться деньгами; кроме того, деньги будут их развращать, подвергать соблазнам, подталкивать к употреблению табака, алкоголя и наркотиков.

Присмотримся внимательнее к системе аргументации. Складывается впечатление, что за этими двумя точками зрения на относительно частный вопрос – стоит

По данным общероссийского опроса населения 21–22 мая 2005 года в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик всех экономико-географических зон страны. Метод опроса – интервью по месту жительства. Статистическая погрешность не превышает 3,6%. 1500 респондентов. Фокус-группы проводились 17 мая 2005 года в Москве, Новосибирске и Самаре.

* Респондентам был задан открытый вопрос: “Почему Вы считаете, что у подростков обязательно должны быть деньги, которыми они могут распоряжаться по собственному усмотрению?”

** Респондентам был задан открытый вопрос: “Почему Вы считаете, что в идеале у подростков вообще не должно быть денег?”

ли доверять подросткам деньги, стоят разные модели воспитания, разные представления о должном возрасте и способе взросления, разное отношение к личности и желаниям подростка, а кроме того, разное представление о роли денег в воспитании взрослого члена общества.

Те респонденты, которые считают необходимым, чтобы у подростка были деньги в свободном распоряжении, акцентировали внимание на том, что а) подросток – достаточно взрослый человек; б) он имеет право на свои собственные желания и потребности, которые необходимо уважать; в) он имеет право быть независимым от родителей и покупать то, что хочется ему, а не то, на что согласились мама с папой. Приведем несколько наиболее характерных высказываний.

“В этом возрасте <деньги> уже нужны”; “взрослые люди”; “имеют право – уже не маленькие”; “подростки тоже люди”; “подросток – личность, а у каждой личности должны быть деньги” (открытый вопрос).

“Есть масса вещей, которые дети хотят иметь, чтобы не знали родители”; “они имеют право на свою личную жизнь”; “у них есть запросы, которые они должны удовлетворять, это их право”; “у них есть потребности, и их надо уважать”; “у подростка есть свои маленькие желания, к которым папа должен прислушаться” (открытый вопрос).

Кстати, некоторые участники опроса, рассуждая о том, почему подросткам обязательно нужны деньги, упоминали расходы на развлечения, которые большинство родителей не одобрили бы: *“игровые автоматы”; “на дискотеку”; “пиво купить”*. Правда, такую мотивировку чаще приводили молодые респонденты, которые и сами еще совсем недавно просили у родителей денег на дискотеку и автоматы. Но в целом по процитированным репликам видно, что респонденты готовы принимать подростков за “маленьких взрослых” и не вмешиваться в совершаемые ими траты, даже если те не очень им по душе. Об этом говорили и участники фокус-групп – дескать, затем подросткам и следует иметь деньги, чтобы они могли поступать по-своему, не спрашивая родительского согласия и вопреки родительским наставлениям.

Респонденты, считающие необходимым, чтобы подросток мог свободно распоряжаться деньгами, исходят из того, что подросток – достаточно взрослый человек со своими желаниями и потребностями и он имеет право на независимость от родителей

По мнению респондентов, собственные деньги придают чувство собственного достоинства, уверенности в себе – иными словами, делают подростка полноправным членом общества

“..Попробуй меня уговори купить “сникерс”. Она приходит со “сникерсом”, я говорю: “Опять вместо обеда”? Купила [на свои] – все, я молчу” (ДФГ, Москва).

Крайне любопытно и заслуживает быть особо отмеченным – деньги подростков изначально воспринимаются многими как средство неповиновения, своеволия, противодействия родительской власти. Весьма распространенная точка зрения: собственные деньги нужны подросткам затем, чтобы обеспечить известную степень независимости и свободы, неподконтрольности, чтобы они учились самостоятельности, приучались принимать собственные решения и за них отвечать.

“Чтоб они чувствовали себя относительно свободными”; “делает его более взрослым, ответственным, самостоятельным”; “для принятия собственных решений”; “не надо 100% зависимости от родителей”; “они должны учиться жить самостоятельно, как взрослые” (открытый вопрос).

Важно, что, по мнению респондентов (это прослеживается во всех рассуждениях на данную тему), собственные деньги не только дают подросткам дополнительную степень свободы, но и налагают на них существенные ограничения: они требуют умения управлять своими желаниями и удовлетворять их только в той мере, в какой позволяют имеющиеся средства. Многие участники опроса и фокус-групп подчеркивали, что подросткам необходимо учиться рационально обращаться с деньгами, совершать траты обдуманно и планировать покупки.

“Когда имеет свои деньги, он понимает, что может что-то купить, а что-то не купить. И учится распоряжаться деньгами во времени, хранить их или, наоборот, тратить” (ДФГ, Новосибирск).

“Должен знать цену деньгам и правильно ими распоряжаться”; “они должны уметь планировать расходы, понимать их ценность”; “они должны учиться рационально использовать деньги, понимать и соизмерять свои желания и материальные возможности исполнения этих желаний”; “пусть привыкают расходовать, экономить”; “человек должен привыкать рассчитывать, как тратить деньги” (открытый вопрос).

Наконец, участники опроса рассуждали о том, что собственные деньги придают чувство собственного достоинства, уверенности в себе – иными словами, делают подростка полноправным членом общества, тогда как отсутствие денег унижает, формирует чувство ущербности и собственной неполноценности, выталкивает за пределы “нормального” общества и принуждает к противоправному поведению.

“Должны быть – для уверенности в себе”; “не чувствовать ущербными”; “пойдет куда-то с друзьями: у тех есть, а он без копейки – обидно”; “унижает человека, когда нет денег”; “чтобы не было комплекса неполноценности”; “чтобы не развилось чувство зависти”.

“Без денег не чувствуется человеческое достоинство”; “каждый раз просить у родителей – унижительно”; “они не должны ходить с протянутой рукой”; “с деньгами себя людьми чувствуют”.

“Деньги быть должны, иначе достанут любым способом”; “если им запрещать иметь деньги, то это может их толкнуть на путь воровства”; “если у них денег не будет, они пойдут на кражу, на преступление”; “если у них не будет денег, они пойдут с ножами в подворотни”; “не дать – он будет воровать, отбирать у младших”; “чтобы не брали без спросу у родителей из кошельков” (открытый вопрос).

“Модератор: Скажите, пожалуйста, а если нет у подростка денег на карманные расходы, чем это может быть чревато?”

1-я участница: *Воровством.*

2-я участница: *Ущербностью.*

1-я участница: *Во-первых, у кого-то даже и до воровства может прийти, во-вторых, жутко человек страдает.*

2-я участница: *Человек сразу ущербным себя чувствует.*

1-я участница: *Ну, как нас всех с пустым кошельком заставит выйти из дома и дать билетик проездной – как плохо будет” (ДФГ, Москва).*

Те респонденты, которые считают, что в идеале у подростков не должно быть денег, смотрят на вещи ровно противоположным образом. По их мнению, а) подросток – еще недостаточно взрослый человек, и рано ему быть самостоятельным; б) все его потребности могут удовлетворить родители; в) подросток не умеет управляться со своими желаниями и не умеет тратить деньги (видимо, подразумевается, что такое умение приобретается само собой по мере взросления и учиться ему не нужно) – более того, подросток тратит деньги себе во вред.

“А зачем? Они обуты, одеты, накормлены”; “детям должна мать все покупать”; “родители лучше знают, что им нужно купить”; “у него есть родители, зачем ему деньги?”

“В этом возрасте они не знают, как ими распорядиться правильно”; “деньги используют не по назначению”; “дети не умеют в этом возрасте обращаться с деньгами”; “они их разбрасывают не на дело”; “подростки их будут использовать во вред себе”; “у них еще мозг не готов тратить их, это то же самое, что пистолет у них в руках” (открытый вопрос).

Респонденты считают, что деньги развращают подростков и подталкивают их к употреблению сигарет, спиртного, наркотиков (и что именно на них подростки и стремятся “гулять”).

“Если у молодежи будут деньги – это пропавшее дело, они и пить будут, и наркотики появятся”; “им они зачем? Пропить, пронаркоманить”; “много искушений: табак, алкоголь, наркотики”; “отсюда начинается курево и спиртные напитки”; “чтобы они сигареты покупали сами, что ли?”

“Деньги растлевают молодежь”; “деньги развращают”; “подростки расслабляются при лишних деньгах”; “чтобы не было искушений”; “это их сбивает с пути” (открытый вопрос).

Как видим, и те, кто считает, что подростку необходимы собственные деньги, и те, кто полагает, что ему не следовало бы их иметь, сходятся в том, что деньги – это финансовая независимость, самостоятельность, шаг во взрослую жизнь и возможность удовлетворения собственных желаний. Однако они по-разному относятся к тому, чтобы подростки обретали такие возможности.

Во-первых, эти две группы респондентов по-разному мыслят себе “природу” подростков: одни считают, что подростки – в целом достаточно разумные люди, другие – что у них на уме только дурное. Во-вторых, они придерживаются разных позиций по вопросу, можно ли считать подростков взрослыми людьми, а также рано или не рано им таковыми становиться. В-третьих, эти респонденты расходятся во мнениях относительно того, правомерны ли собственные пожелания подростков. Кроме того, они по-разному видят роль денег: одни считают, что деньги воспитывают подростка, помогая ему стать взрослым членом общества, другие полагают, что подростков деньги развращают, что их можно доверять только “сформировавшимся взрослым”. Наконец, эти две группы респондентов имеют разные точки зрения по вопросу, следует ли учить подростка управлять собственными желаниями и потребностями, или таковые нужно пресекать/поощрять родительской властью.

Респонденты, считающие, что у подростков не должно быть собственных средств, мотивируют это тем, что подросток – недостаточно взрослый человек, пока еще не умеющий распоряжаться деньгами

Таблица 1

	Все	Возраст, лет			Образование			
		18-35	36-54	55 и старше	ниже среднего	среднее общее	среднее специальное	высшее
<i>Одни считают, что у подростков обязательно должны быть деньги, которыми они могут распоряжаться по собственному усмотрению. Другие считают, что в идеале у подростков вообще не должно быть денег. С каким мнением – с первым или вторым – Вы согласны?</i>								
С первым	66	81	68	45	43	67	72	78
Со вторым	28	15	26	45	44	28	22	18
Затр. ответить	7	4	6	10	13	5	6	4

Наиболее яркие расхождения во мнениях по вопросу о допустимости наличия денег у подростков связаны с уровнем образования и с возрастом респондентов

Любопытно, что наиболее яркие расхождения во мнениях по вопросу о допустимости наличия денег у подростков связаны с уровнем образования и с возрастом респондентов: среди лиц с образованием ниже среднего 44% уверены, что в идеале у подростка не должно быть денег, среди опрошенных с высшим образованием так думают только 18%; среди пожилых людей и среди молодежи доли разделяющих аналогичное мнение составляют 45 и 15% соответственно (табл. 1).

А вот различия, связанные с уровнем дохода респондентов, не столь ощутимы: выделяются только мнения тех, у кого ежемесячный доход на члена семьи составляет более 3000 рублей: в этой группе за наличие денег у подростков выступают 72% опрошенных, против – 24%. По-видимому, в относительно обеспеченных слоях считается, что детей нужно учить тратить деньги, тогда как в малообеспеченных более популярна концепция, что детей нужно учить деньги **не** тратить (табл. 2).

Отмеченные различия между теми, кто считает, что подросткам нужны деньги, и теми, кто полагает, что деньги им не нужны, тем более характерны, что и те, и другие ведут речь о не очень больших суммах. Ниже приведено распределение ответов на вопрос, какую сумму в месяц можно позволить подростку иметь в своем распоряжении. Даже среди сторонников идеи выдавать подросткам карманные деньги большинство считают нужным ограничить их расходы несколькими сотнями рублей в месяц (хотя, конечно, те, кто полагает, что в идеале денег у подростков быть не

Таблица 2

	Все	Доход на члена семьи, руб.		
		до 1500	1501-2999	3000 и более
<i>Одни считают, что у подростков обязательно должны быть деньги, которыми они могут распоряжаться по собственному усмотрению. Другие считают, что в идеале у подростков вообще не должно быть денег. С каким мнением – с первым или вторым – Вы согласны?</i>				
С первым	66	63	59	72
Со вторым	28	31	31	24

Таблица 3

	Все	Считают, что	
		у подростков обязательно должны быть деньги, которыми они могут распоряжаться по собственному усмотрению	в идеале у подростков вообще не должно быть денег
<i>По Вашему мнению, какую сумму в месяц можно позволить подростку иметь в своем распоряжении?</i>			
Деньги подростку не нужны	10	1	32
1-100 руб.	20	17	29
101-200 руб.	14	18	6
201-400 руб.	13	16	5
401-500 руб.	13	17	5
501-1000 руб.	9	12	3
1000 руб. и более	5	8	1

должно, ставят гораздо более жесткие ограничения – а нередко и вовсе отказывают подросткам в праве на карманные деньги (табл.3).

Иными словами, одни предлагают выделять подросткам небольшие карманные деньги и тем самым их воспитывать, другие (надо думать, уступая требованиям реальной жизни) соглашаются выдавать подросткам суммы даже меньшие и считают необходимым строго следить, как бы это им не повредило.

Между мнениями этих двух групп респондентов есть определенные созвучия, но они только еще более выпукло выделяют различия в важных нюансах.

Например, те, кто считает, что деньги подросткам доверять не следует, подчеркивали, что расходы последних должны быть ограничены строго необходимым минимумом: проезд в транспорте, булка в школьной столовой, обед – но не более.

“...На булочку – пожалуйста”; “...давать их надо только на транспорт”; “на завтрак и на булочку, но не более того”; “на мелочи в школу даем по 10 рублей в день”; “только на обед”; “только на нужные вещи” (открытый вопрос).

А вот те, кто полагает, что подросткам необходимо давать деньги, говорили чаще не о булках, а о всяких излишествах вроде мороженого и конфет.

“Толодные идут из школы – купить пирожное, мороженое”; “должны иметь мелочь на воду, мороженое”; “на конфеты”; “на сладости” (открытый вопрос).

Те респонденты, кто убежден, что деньги подросткам доверять не следует, подчеркивали, что их расходы должны быть строго подконтрольны и согласованы с родителями. Судя по всему, большинство из них считают, что траты подростков должны быть спланированы родителями.

“Должны знать родители, куда ребенок тратит деньги”; “если на что-то нужно – попросит денег, а уж я посмотрю, насколько это ему нужно, надо контролировать подростков”; “пусть при необходимости обращаются к родителям – иначе это бесконтрольно”; “родители должны оценить, надо или не надо это покупать” (открытый вопрос).

Те же, кто разделяет мнение, что подросткам необходимо давать деньги, как мы говорили выше, придерживаются точки зрения, что подростки имеют право тратить их на то, на что захотят, не спрашивая позволения у родителей и не ставя их в известность.

Впрочем, справедливости ради надо заметить, что среди тех участников опроса, кто заявил, что в идеале у подростков не должно быть денег, некоторые подразумевали, что у них должны быть самостоятельно заработанные, а не родительские деньги.

“Должны заработать сами”; “пусть они научатся зарабатывать, а потом тратить”; “пусть идут работать и зарабатывать”; “пусть сами работают, тогда и распоряжаются ими”; “человек должен почувствовать вкус денег, когда их сам заработал” (открытый вопрос).

Заметная доля среди них – примерно каждый десятый – не склонны распространять установку о запрете на собственные деньги на те суммы, которые подросток заработал сам; лишь треть респондентов этой группы полагают, что родителям следует отдавать все заработанное (табл.4).

В относительно обеспеченных слоях считается, что детей нужно учить тратить деньги, тогда как в малообеспеченных более популярна концепция, что детей нужно учить деньги не тратить

Таблица 4

	Все	Считают, что	
		у подростков обязательно должны быть деньги, которыми они могут распоряжаться по собственному усмотрению	в идеале у подростков вообще не должно быть денег
Как Вы считаете, подростки должны или не должны отдавать заработанные деньги родителям? И если должны, то всю заработанную сумму или ее часть?			
Не должны отдавать заработанные деньги	16	20	9
Должны отдавать всю сумму	15	8	32
Должны отдавать часть суммы	58	62	49

фото Е. Маренковой

До сих пор речь шла о деньгах, выдаваемых подростку родителями. А как респонденты относятся к тому, чтобы подросток начинал зарабатывать сам?

Среди участников массового опроса подавляющее большинство (94%) утверждают, что почитают за благо, если подростки в свободное время работают для заработка. Только 3% сказали, что, если подросток работает, – это плохо. Характерно, что в этом вопросе мнения представителей всех социально-демографических групп совпадают: не наблюдается различий ни по возрасту, ни по уровню образования, ни по уровню доходов, ни по месту жительства. Кстати, большинство родителей и дедушек и бабушек неработающих подростков также заявили, что не возражали бы, если бы их дети или внуки решили в свободное время поработать для заработка.

Но одобрение работы подростков далеко не так однозначно, как может показаться на первый взгляд. Даже в том случае, когда подросток сам заработал деньги, большинство родителей не хотели бы, чтобы он распоряжался ими самостоятельно. Три четверти участников опроса считают необходимым, чтобы подростки отдавали заработанные деньги родителям, причем 15% – относительно немалая доля – уверены, что ребенок должен отдавать всю заработанную сумму (58% говорят о части зарплаты). Только 16% опрошенных придерживаются мнения, что

подросток имеет право самостоятельно распоряжаться всей суммой заработанных денег. Характерно, что наиболее заметные различия во мнениях здесь также связаны отнюдь не с уровнем дохода, а с возрастом: молодые участники опроса заметно чаще остальных говорят, что подросток имеет право оставлять заработанное себе, а пожилые намного чаще настаивают на том, что он должен отдавать все деньги родителям (табл. 5).

По всему складывается впечатление, что работа подростков по найму воспринимается как еще одно воспитательное средство, которое должно применяться под надзором и по усмотрению родителей.

Посмотрим на рассуждения тех, кто поддерживает идею работы подростков.

С одной стороны, участники фокус-групп говорили, что, начав зарабатывать, подростки узнают цену деньгам, научатся их ценить.

Таблица 5

	Все	Возраст, лет				Доход на члена семьи, руб.		
		18-25	26-35	36-54	55 и старше	до 1500	1501-2999	3000 и более
Как Вы считаете, подростки должны или не должны отдавать заработанные деньги родителям? И если должны, то всю заработанную сумму или ее часть?*								
Не должны отдавать заработанные деньги	16	25	19	18	6	16	10	20
Должны отдавать всю сумму	15	5	8	15	26	15	18	14

* Позиция “должны отдавать часть суммы” опущена – для наглядности таблицы.

“Я считаю, они должны знать цену деньгам. Не всегда же дети должны отдыхать. То есть если я ращу одна ребенка... Я ее отправляю в лагерь, допустим. Путевка там стоит столько-то. Я должна как-то выкраивать там из зарплаты. Почему бы ей мне немножечко не помочь, не подработать? Чтобы как-то было полегче. То есть уже возраст такой. Ну, чтобы знала, каково в жизни” (ДФГ, Самара).

“Ну, он <подросток> должен знать, как деньги достаются” (ДФГ, Москва).

Но в этих высказываниях слышатся явные воспитательные интенции: работа подростков хороша не потому, что они взрослеют, а потому, что они осознают все трудности, выпадающие на долю родителей. Респонденты ценят скорее воспитательную функцию труда, но не тот факт, что подросток начинает реально зарабатывать деньги. Разграничение труда и заработка, положительное отношение к первому и настороженное – ко второму хорошо видны в нижеследующем диалоге, произошедшем на одной из фокус-групп.

“Участница ДФГ: Это нельзя оставлять бесконтрольно, каким образом зарабатываются деньги... Почему? Потому что чем больше становится денег у человека, тем у него возникает еще больше потребности в совершенно другое русло.

Модератор: А сам по себе факт того, что подростки работают, как Вы его оцениваете?

Участница ДФГ: Это вообще-то нормально. Потому что они начинают ценить труд как бы, если это нормальный труд, если брать одну сторону” (ДФГ, Москва).

Как видим, респонденты опасаются, что большие заработки увлекут подростка на “дурную дорожку”.

Но это не единственное опасение, связанное с подростковыми заработками. Второе – это опасение, что стремление к заработку уведет подростка в сторону от жизненной траектории, спланированной для него родителями. С одной стороны, участники фокус-групп говорили, что, начав зарабатывать, подросток формируется как личность, обретает самостоятельность, самоуважение и уверенность в себе.

“Ну, когда человек чувствует, что он зарабатывает деньги, он становится более самостоятельным, понимает, что он может ни от кого не зависеть и в жизни сам устроиться, как бы ему трудно ни было” (ДФГ, Новосибирск).

“Они могут уже и сказать свое “я”. Я зарабатываю сам – я есть я” (ДФГ, Москва).

“Я считаю, можно работать подросткам, потому что когда человек работает и зарабатывает свои собственные деньги, он начинает себя уважать просто-напросто” (ДФГ, Самара).

С другой стороны, этой же самостоятельности респонденты и боятся. И прежде всего – опасаются, как бы подросток, потянувшись за заработком, самовольно не решил поступиться образованием. По мнению участников ДФГ, увлечение работой в подростковом возрасте может сломать человеку всю последующую карьеру.

Фото Е. Маринковой

Респонденты ценят скорее воспитательную функцию труда, но не тот факт, что подросток начинает реально зарабатывать деньги

Работа подростков воспринимается респондентами как часть воспитания, осуществляемого родителями, но не как начало самостоятельной жизни и не как определенный этап социализации

Если раньше в стремлении к “легкой жизни” было принято подозревать тех, кто предпочитал работе обучение в вузе, то теперь – все чаще тех, кто отказывается от продолжения учебы в пользу ранних заработков

“Значит, я считаю, что подросток должен иметь возможность работать, <но> контролировать это должны родители его... Иногда желание подростка в 15 лет пойти работать, чтобы показать родителям, которые его заели и заставляют учиться... свою независимость... может увести его от возможности развиваться и вырасти как личность и получить полное образование и реализовать свои способности” (ДФГ, Москва).

“...Это не в ущерб учебе должно идти, самое главное. Чтобы не получилось так, что тот же самый подросток во время школьных занятий моет машины где-то на автомойке. Да, он деньги какие-то зарабатывает, но потом, когда время придет действительно работать, у него просто не будет образования, чтобы найти себе нормальную работу” (ДФГ, Новосибирск).

Получается очевидное противоречие: респонденты считают, что подросткам нужны деньги для самостоятельности и независимых трат, но в то же время не готовы выпустить их из-под своей опеки и позволить им самостоятельно выстраивать свою судьбу. Участники ДФГ и сами осознают эту коллизию.

“Как правило, среднезрятый ребенок тратит свои деньги, то, что они получают, не на то, что одобряют родители... Это понятно, но еще есть такой момент: ребенок в 14 лет очень хочет быть самостоятельным, он идет и начинает работать, у него появляются свои деньги... Они приучаются, приучаются иметь свои деньги. Потом они вряд ли смогут отказаться от этого и продолжить учебу... Они увлекаются этим и останавливаются <в развитии>” (ДФГ, Москва).

На наш взгляд, эта коллизия объясняется тем, что работа подростков воспринимается респондентами как часть воспитания, осуществляемого родителями, но не как начало самостоятельной жизни и не как определенный этап социализации.

Но еще любопытнее установка, ясно прослеживающаяся во всех суждениях о подростковых заработках, – право зарабатывать деньги нужно “заслужить” прилежной, долгой и упорной учебой сначала в школе, потом – в институте. Без этого, по мнению респондентов, человек не только не сможет нормально зарабатывать (хотя сколько было сказано нашими согражданами относительно бесполезности высшего образования в наши дни!), но останется неполноценным. Пожалуй, квинтэссенция всех рассуждений о пользе или вреде подростковых заработков выражена в рассуждении одного молодого участника групповой дискуссии: подростковые заработки, не “заслуженные” образованием, – безнравственны.

“...Отношение к учебе уже поменялось абсолютно. Сейчас еще будет меняться отношение к работе. Что сейчас главное? Не какой-то труд кропотливый, который заставляет человека задуматься, а сейчас главное – получение прибыли. И в этом смысле происходит полное обескультуривание человека. Он теряет все связи с нравственностью... Подросток постепенно формируется, и вот к возрасту 14, 15, 16 лет он уже уверен в том (я пример привожу), что учиться не нужно, а нужно искать какой-то способ легкого и прибыльного заработка” (ДФГ, Новосибирск).

Если в не столь уж давние времена многие наши сограждане подозревали тех, кто предпочитал работе продолжение учебы в вузе, в стремлении к “легкой жизни”, то сейчас, похоже, получает распространение прямо противоположный стереотип: симптом предосудительного стремления к “легкой жизни” усматривается как раз в отказе от продолжения образования – в пользу ранних заработков. И это накладывает определенный отпечаток на суждения наших сограждан о целесообразности работы подростков по найму. ■

В конце 90-х годов, как показывают опросы того времени, наши сограждане полагали, что наиболее популярными среди российской молодежи профессиями, сферами деятельности являются частное предпринимательство и финансы. Далее, с некоторым отрывом, следовали сфера услуг и торговли, юриспруденция, менеджмент и маркетинг.

За шесть лет, прошедших с тех пор, как нашим респондентам в последний раз задавался соответствующий вопрос, в представлениях россиян о профессиональной ориентации молодежи произошли существенные изменения. Безусловным лидером сегодня, по мнению опро-

шенных, является юриспруденция (профессии в этой области назвали 41% респондентов – против 30% в 1999 г.). Следом идут практически сохранившие прежнюю привлекательность сфера финансов (38%) и маркетинг (23%).

Частное предпринимательство же с первого места опустилось на четвертое (38% в 1999 г., 19% – сейчас), столь же ощутимо – вдвое – снизилась и популярность сферы услуг и торговли (с 30 до 15%). Примечательно и то, что почти в три раза (с 13 до 5%) сократилась доля полагающих, что молодые люди мечтают "пойти в бандиты".

По сравнению с данными опроса шестилетней давности несколько выросла доля

тех, кто называет в качестве популярной среди молодежи сферу государственного управления. Отметим также, что сейчас довольно многие считают престижной профессию программиста, "компьютерщика". Впрочем, подчеркнем еще раз: речь идет не о реальном рейтинге профессиональных предпочтений молодежи, а о представлениях всех россиян относительно того, каковы эти предпочтения. ■

Анна Петрова

Опрос в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик России. Интервью по месту жительства. 28–29 мая 2005 г. 1500 респондентов. Статистическая погрешность не превышает 3,6%.

ПРЕСТИЖ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

В современном российском обществе мало кто сомневается в ценности, необходимости и престижности высшего образования. Для 78% опрошенных очевидно, что "сегодня важно иметь высшее образование". Среди людей моложе 35 лет эта доля еще выше – 82%.

Вместе с тем состояние высшего образования в России не слишком радует респондентов. Большинство из них (79%) уверены, что в вуз нельзя поступить "без значительных денежных затрат". Половина опрошенных (50%) убеждены, что качество российского высшего образования сегодня ниже, чем в советские времена, треть (37%) – что оно ниже мирового уровня. Впрочем, по мнению другой трети россиян, высшее образование в России либо соответствует мировому уровню, либо даже превосходит его (23 и 10% соответственно).

Распределение мнений по этим вопросам в последние годы меняется несущественно. Но одна из перемен, зафиксированных недавним опросом, выглядит впечатляющей. Как выясняется, за последние четыре года в стране ощутимо выросла доля полагающих, что специалистов с высшим образованием сегодня в России больше,

Сегодня в России людей с высшим образованием	4–5 августа 2001 г.	28–29 мая 2005 г.
Больше, чем нужно	27	38
Столько, сколько нужно	18	22
Меньше, чем нужно	36	21
Затрудняются ответить	19	19

чем нужно, и еще более резко сократилась доля считающих, что таких специалистов не хватает.

Трудно сказать, в какой мере этот сдвиг связан с реальными переменами на рынке труда, а в какой – с изменениями в настроениях россиян, в их представлениях о перспективах развития нашей страны и т.д. Но одно можно констатировать определенно: на престиже высшего образования этот сдвиг никак не отразился. ■

Анна Петрова

Опрос в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик России. Интервью по месту жительства. 28–29 мая 2005 г. 1500 респондентов. Статистическая погрешность не превышает 3,6%.

Л. Преснякова

Скромное обаяние криминала против тщетных усилий тюрьмы

Криминальная субкультура и повседневность

Элементы криминальной субкультуры сегодня так или иначе присутствуют во всех сферах жизни российского общества – от повседневной жизни до правил организации экономической и политической “игры”, от межличностных отношений до социальных институтов.

Самым ярким примером присутствия этой субкультуры в повседневной жизни является повсеместное использование блатного жаргона. Феню, по их признанию, “*постоянно используют, вольно или невольно*” большинство наших респондентов (они обнаружили знакомство со многими колоритными арготизмами*).

“Вся феня, она в жизнь перешла” (ДФГ, Воронеж).

“Руководитель страны красивую фразу сказал – тоже на блатном жаргоне” (ДФГ, Москва).

Помимо жаргона существуют и другие ретрансляторы уголовной субкультуры в повседневную жизнь. В частности, мощнейшим из них становятся средства массовой информации – в пореформенные годы криминальные новости и сводки о бандитских “разборках”, “просвещающие” аудиторию относительно норм и порядков криминальной среды, занимают значительное место в медийном и печатном пространстве.

Криминальная субкультура в последние годы масштабно проникает и в массовый культурный продукт – художественные фильмы и сериалы, блатные песни, звучащие по радио, в ресторанах, кафе, транспорте, детективы и боевики (которыми завалены все книжные прилавки**), даже в рингтоны для мобильных телефонов.

“В последнее время по телевидению все время показывают то “Менты”, то “Бригаду” – ну, сериалы, где кто-то кого-то ловит... Сплошные криминальные образы... Причем, когда заканчивается криминальный сериал, начинаются криминальные новости. То есть сплошной криминал” (ДФГ, Санкт-Петербург).

По данным общероссийского опроса населения 16–17 июля 2005 года в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик всех экономико-географических зон страны. Метод опроса – интервью по месту жительства. Статистическая погрешность не превышает 3,6%. 1500 респондентов. Фокус-группы проводились 2 августа 2005 года в Воронеже, Москве и Новосибирске.

* Участники фокус-групп довольно уверенно объясняли значения таких слов, как “клево”, “баклан”, “блатной”, “крысятничество”, “петух”, “козел”, “опускать”, и др.

** По данным за 2002 год, литературу такого жанра предпочитают 12% россиян. См.: Преснякова Л. Человек читающий // Доминанты. Поле мнений. 2002. № 33 (<http://www.fom.ru>)

“Это радио “Шансон” включайте... Вы зайдете в обычное летнее кафе, просто там вот пиво где пьют, – там постоянно вот эти блатные песни, или в такси”* (ДФГ, Москва).

“Вот, например, “Бригада” фильм – после него идет сразу саундтрек... Едет любящая машина... – играет этот триплекс... Потом фильм “Бумер” был – все, едут “бумеры”, играет эта музыка. Сколько еще фильмов! “Бандитский Петербург” – играет мелодия. На телефонах играет “Мурка”, то есть это везде и кругом” (ДФГ, Воронеж).

В самое последнее время мощнейшим “шлюзом” для экспансии ценностей и норм криминального мира в социокультурное пространство обычных граждан становится именно телевидение – на основных российских телеканалах (“Первый”, “Россия”, НТВ) выходят такие фильмы и сериалы, как “Брат” (и “Брат-2”), “Бригада”, “Бандитский Петербург”, “Ледниковый период”, “Бумер”, “Менты” и др., подробно живописующие криминальные нравы и порядки; причем большая часть этих фильмов романтизируют образы именно бандитов и преступников, а отнюдь не борцов с криминалом**.

“А наши фильмы сейчас посмотреть, “Бригада”, “Бандитский Петербург”: бандиты – это круто, это хорошо” (ДФГ, Воронеж).

“Насчет “Бригады” – я согласен, что там, в принципе, возвышают кого? Бандитов, насильников” (ДФГ, Москва).

“Как бы наша жизнь вообще полукриминальная. И как бы все телевидение, все СМИ, они все пиарят вот этот образ жизни” (ДФГ, Санкт-Петербург).

При этом иммунитет общества против экспансии уголовно-криминальных норм и ценностей вовсе не выглядит устойчивым. Так, по ходу дискуссии даже те респонденты, которые соглашались, что современное российское кино нередко романтизирует образы бандитов, выражали убеждение, что такие фильмы адекватно, правдиво показывают нравы и порядки в преступной среде.

“Нет, ну, с одной стороны, это, в общем-то, романтизируют, а с другой стороны, ну, народ-то увидел правду, в конце концов, на чем это все построено, вот эта преступность” (ДФГ, Москва).

Столь “непосредственное” восприятие гражданами массового культурного продукта с криминальным оттенком – не единственный признак отсутствия у общества сопротивления в отношении экспансии уголовной нормативной системы и поведенческих практик. Другим, и куда более ярким подтверждением отсутствия такого иммунитета является то, что сегодня многие склонны считать воровской закон более справедливым и более эффективным, чем законы и правила “нормальной” жизни.

“Там, кстати, справедливости среди вот этих воровских понятий больше, нежели справедливости вот у нас, на воле. Они это четко очень... У них вот это просматривается” (ДФГ, Москва).

“Конечно, там свои законы совершенно... Причем они, кстати, справедливые законы в чем-то” (ДФГ, Москва).

* Согласно исследованиям TNS Gallup Media, радио “Шансон” в России находится на шестом месте по популярности; только в Москве среднесуточная аудитория этой радиостанции составляет 891 тыс. человек. См.: http://www.tns-global.ru/rus/data/ratings/radio/moscow/_aprel_iyun_2005/moskva.wbp. Помимо радио “Шансон” постоянно включают в свои ротации блатные песни “Русское радио-2” (15-е место по доле слушателей в общей радиоаудитории в России) и радио “Тройка” (18-е место) (http://www.tns-global.ru/rus/data/ratings/radio/russia/_fevral_aprel_2005/rossiya.wbp).

** Из перечисленных телепродуктов, пожалуй, только в сериалах “Менты”, “Ледниковый период” в позитивном свете (хотя подчас и не без иронии) представлены работники милиции, во многих остальных (“Брат”, “Бригада”, “Бумер”) главными героями выступают представители именно криминального мира, порой оказывающиеся более успешными, более справедливыми, более честными, вызывающими не осуждение, а восхищение или по крайней мере сочувствие.

В современном русском языке до сих пор присутствуют до 30% арготических слов и выражений, использовавшихся в криминальной среде еще в 30-50-е годы.

Олейник А. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М.: Инфра-М, 2001

Не было произведено трансформации сюжетов на криминальную тему. Вы все прекрасно знаете, что насилие и криминал – главное смыслообразующее производство с 1999 года в России, основной семиотический ресурс, задействованный нашим телевидением, а это единственный реальный источник массовых мифологем в обществе.

Даниил Дондурей.

Террор: Война за смысл.

Лекция в рамках проекта

“Публичные лекции Полит.ру”

**Закон, что паутина: шмель
проскочит, а муха увязнет.**

В. Даль. Пословицы
и поговорки
русского народа

**Не будь закона,
не стало б и греха.**

В. Даль. Пословицы
и поговорки
русского народа

Кроме того, хотя принадлежность к криминальной среде осуждается гражданами, она же интерпретируется ими как залог успешной адаптации к современным условиям.

“Я скажу такую вещь. До 80-го года там, допустим, цеховики были такие, если вы знаете... Они хорошо сидели, и по 15 лет давали им, все, а сейчас они стали бизнесменами, правильно? И сейчас называется это “бизнесмен”, это нормальное явление” (ДФГ, Москва).

“Вот он был вором в законе, а теперь – политик” (ДФГ, Воронеж).

Уголовная субкультура сегодня не только в избытке представлена в СМИ, она уже давно проникла и в поведенческие практики – их криминализированность признается респондентами не только в контексте общей ситуации в стране, но и в контексте собственного опыта.

“В принципе, у нас такая страна, что у нас с криминалом в большей или меньшей степени связано все. Любые работы, ну, я не знаю, они полукриминальные, потому что налоги идут в черную бухгалтерию, скажем так” (ДФГ, Санкт-Петербург).

1-й участник: *Тогда я честно скажу: а ведь у каждого человека в жизни были какие-то преступные мысли, просто мы их не воплощали в жизнь, вы согласны?*

2-я участница: *Конечно.*

1-й участник: *И все. А что-то был сдерживающий фактор какой-то либо какие обстоятельства, все.*

3-я участница: *Совершенно верно. Кто-то попался, кто-то – нет.*

1-й участник: *Вот и все, я тоже переступал закон.*

2-я участница: *Да все переступали”* (ДФГ, Москва).

Существующие сегодня в российском обществе социальные нормы, изрядно пропитанные, как было показано выше, криминальным духом, формально-юридическому закону отводят весьма незначительное место. Закон, олицетворяемый УПК или Конституцией, не воспринимается гражданами как эффективный регулятор социальной жизни.

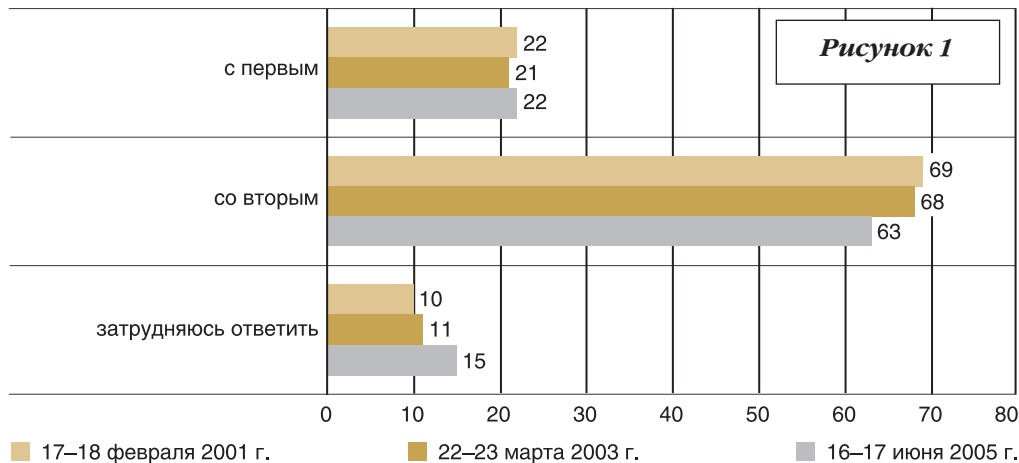
“Законов нет сейчас. Какой-то бардак. Тем более в таком бардаке очень много преступлений. Хаос просто творится сейчас” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Судя по результатам опроса, базовые установки граждан в отношении закона принципиально не меняются – сегодня, как и два, и четыре года назад, большинство опрошенных убеждены: россияне нарушают законы, потому что вынуждены это делать, а отнюдь не из-за того, что относятся к ним неуважительно (рис. 1). Подвижки, произошедшие за два года, довольно незначительны – сокращение на 5 пп. доли тех, кто говорит о вынужденности нарушения законов, не сопровождается ростом числа сторонников противоположной точки зрения (которых по-прежнему насчитывается очень немного).

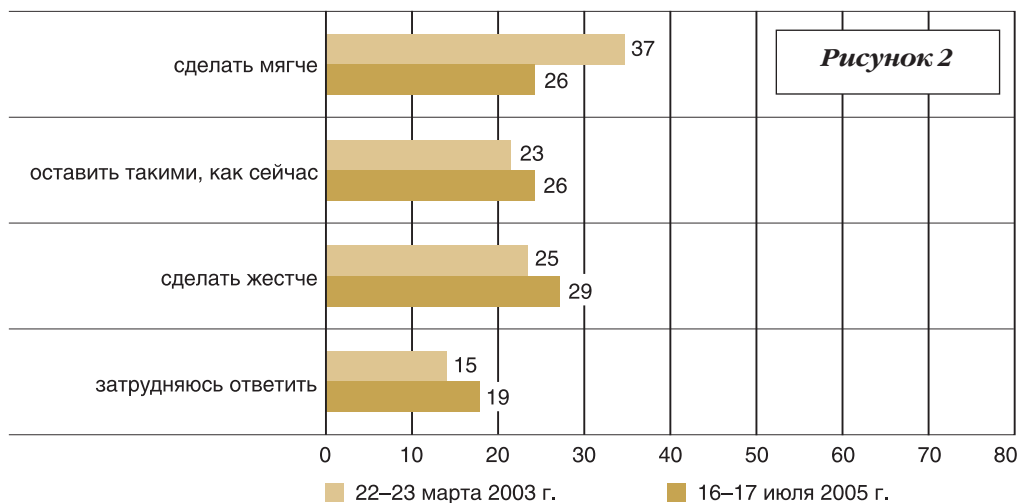
В то же время общая толерантность к людям, преступившим закон, в последнее время снижается. Так, доля тех, кто полагает, что наказания за незначительные уголовные преступления следует сделать мягче, по сравнению с 2003 годом сократилась, тогда как доля сторонников ужесточения наказаний выросла (рис. 2).

Интерпретировать эту динамику можно как уменьшение в обществе притягательности криминализированных моделей поведения – несмотря на усиление экспансии криминальной субкультуры в повседневную жизнь граждан. Возможно, эффективность структурирования общества с помощью нормативной системы преступного мира, особенно влиятельной в моменты ценностно-нормативной аномии, ослабевает по мере даже не столько преодоления ценностного кризиса (о коем

Одни считают, что россияне чаще всего нарушают законы, потому что относятся к законам неуважительно. Другие считают, что россияне чаще всего нарушают законы, потому что вынуждены это делать. С каким мнением – первым или вторым – Вы согласны?

Как Вы думаете, наказания за незначительные уголовные преступления следует сделать мягче или жестче, чем сегодня? Или их надо оставить такими, как сейчас?

говорить не приходится), сколько уже по мере упорядочивания правил игры в социальном пространстве. Упорядочивающим фактором становится прежде всего президентство В. Путина, власть которого признается легитимной, а действия (например, зачистка политического пространства, “укрошение” Государственной Думы, равноудаление олигархов, введение институтов полпредов и назначения губернаторов) интерпретируются рядовыми гражданами как усиление контроля власти над подведомственной ей территорией и одновременно – как артикуляция правил игры в социальном пространстве (а отнюдь не как закручивание гаек). Не случайно в заслугу нынешнему президенту россияне прежде всего ставят стабилизацию ситуации, наведение порядка и т.п.*. Кстати, любопытная деталь – респонденты, выражающие доверие действующему президенту, несколько чаще склонны разделять мнение, что законы в нашей стране нарушаются из-за массового неуважения к ним, чем те, кто нынешнему главе государства не доверяет или же доверяет лишь отчасти (табл. 1).

* См., например: Преснякова Л. Президентство Путина: что было? что будет? // Доминанты. Поле мнений. 2004. № 14 (<http://www.fom.ru>).

Каждый политик должен заботиться о больницах и тюрьмах, потому что он рано или поздно попадет в одно из этих мест.

Анджей Леппе

Таблица 1

	Все	Президенту России В. Путину		
		доверяю	отчасти доверяю, отчасти нет	не доверяю
<i>Одни считают, что россияне чаще всего нарушают законы, потому что относятся к законам неуважительно. Другие считают, что россияне чаще всего нарушают законы, потому что вынуждены это делать. С каким мнением – первым или вторым – Вы согласны?</i>				
С первым	22	28	19	15
Со вторым	63	56	69	67
Затр. ответить	15	16	12	17

По данным на июль 2005 года в России функционирует 985 пенитенциарных учреждений, из которых 198 – следственные изоляторы, 765 – колонии, 8 – тюрьмы, и 118 помещений, функционирующих в режиме следственных изоляторов и тюрем, 62 – учреждения для несовершеннолетних. Центр содействия реформе уголовного правосудия

Вполне возможно, что тенденция к легитимации власти может – в длительной перспективе – стать одним из факторов роста уважения к юридическим нормам и закону; по крайней мере, некоторому снижению влияния криминальной субкультуры на нормативную систему общества она способствует.

Пенитенциарная система и общество

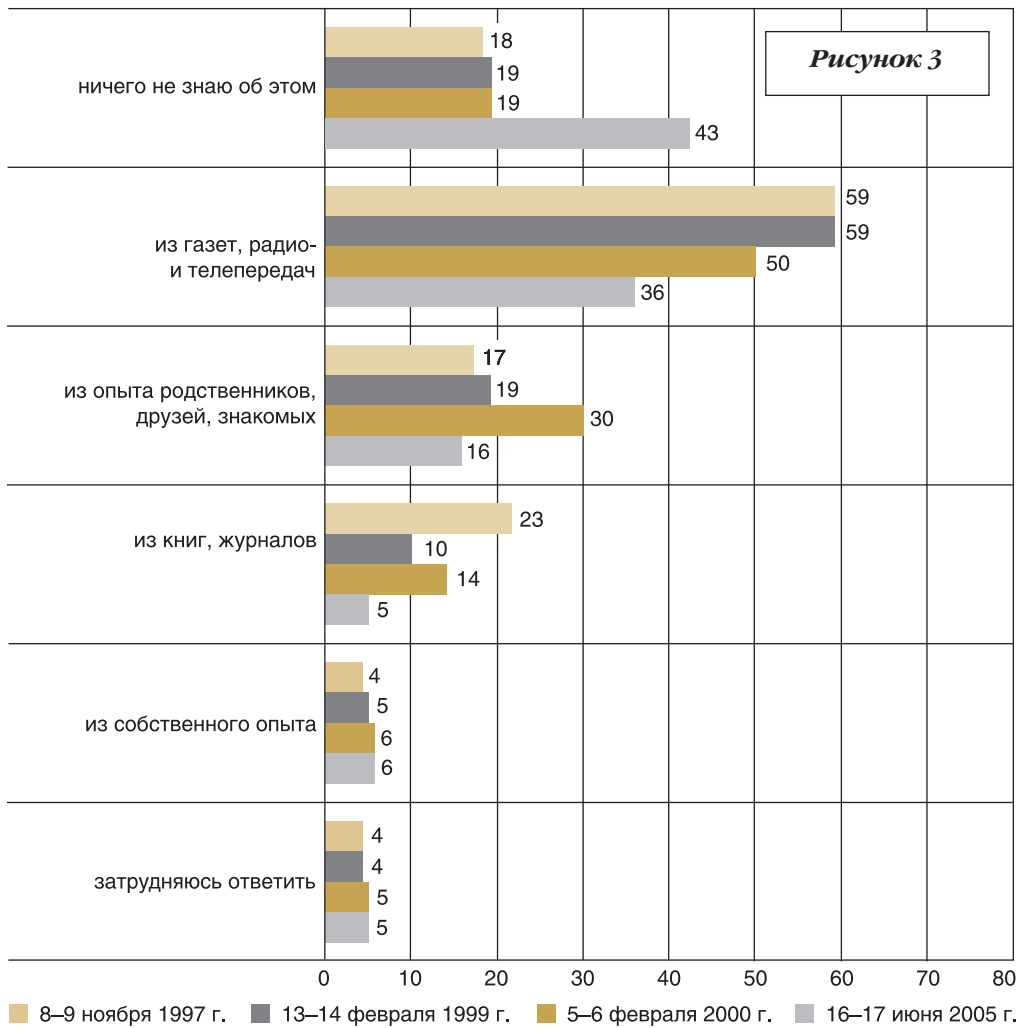
Если информация о криминальном мире и образе жизни все более масштабно проникает в российскую повседневность из множества источников, то сведения о том, как осуществляется наказание преступников, каковы условия и порядки содержания заключенных, судя по данным опроса, наоборот, доходят до респондентов все в меньшем объеме. За последние пять лет резко – более чем в два раза – увеличилась доля респондентов, отвечающих, что им вообще ничего не известно об условиях и порядках в тюрьмах и колониях. В то же время сократились доли тех, кто получает такого рода сведения из СМИ и литературы, а также из опыта – личного или ближайшего окружения (рис.3).

Приведенные данные явственно свидетельствуют о том, что роль масс-медиа и литературы как источника информации об условиях и порядках зоны снижается. Одно из возможных объяснений подобной динамики – изменение характера информационного потока на эту тему в российских СМИ (которые, как видно из данных, все же являются для респондентов основным источником сведений). Если в начале и в середине 90-х и СМИ, и художественная литература изобиловали тюремной проблематикой (особенно – рассматриваемой в контексте защиты прав человека), то в последние годы этот правозащитный акцент вообще практически исчезает из эфира, а объем сугубо документальной информации о положении дел в российских тюрьмах сокращается (как замечают участники фокус-групп, “раньше больше было передач... названия не помню, но это как фильмы были”), в то время как эфир заполняют художественные фильмы и сериалы на криминальную тему, романтизирующие образ преступника и старательно обходящие тему возмездия за преступление. Сокращается и число тех, кто получает подобную информацию от людей, имеющих непосредственный опыт заключения, – как уже отмечалось ранее, судя по всему, общение с такими людьми, равно как и информация из мест лишения свободы, становятся менее значимыми и интересными для россиян. Кстати, стоит отметить, что численность тюремного населения по сравнению с ситуацией пятилетней давности практически не изменилась: в 2000 году в российских тюрьмах содержалось чуть более миллиона человек (из них 282 тысячи находились в СИЗО*), сегодня эта цифра составляет 912 тысяч человек (из них около 150 тысяч находятся под следствием и ожидают вынесения судебного решения), что составляет около 0,8% всего взрослого населения Российской Федерации**.

* Статистика приведена по информации: Центр содействия реформе уголовного правосудия. Тюремное население России за последние 10 лет (<http://www.prison.org/penal/stat/doc010.htm>).

** См. Альманах “Неволя”. Приложение к журналу “Индекс/Досье на цензуру”. № 3. 2005.

Знаете ли Вы о том, каковы условия и порядки в тюрьмах, колониях, других местах заключения, и если знаете, то откуда у Вас эта информация? (Карточка. Любое число ответов.)

Те сведения об условиях и порядках в тюрьмах, которые сегодня доходят до россиян через СМИ, – это информация либо о хозяйственно-культурной жизни арестантов (их занятиях, хобби, религиозных практиках), либо о каких-то проблемах тюрем, бунтах заключенных.

“Вот о женских колониях тоже показывали – как они там спектакли ставят” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“По телевидению, да, вот про зону говорили... Что мужчина там или женщина страусов, что ли, разводят себе, подсобное хозяйство им разрешили сделать... Что-то они там шьют” (ДФГ, Москва).

“По Первому каналу я смотрела – я не помню, про какую тюрьму там говорили, но там разрешили даже тем, кто сидит пожизненно, креститься” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Иногда, действительно, вскользь по центральным каналам показывают, когда там какой-то бунт или что-то еще, серьезные какие-то события” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Между тем, судя по диалогам на групповых дискуссиях, сегодня россияне не только информированы о ситуации в тюрьмах и об условиях содержания заключенных, но и весьма неплохо осведомлены о правилах социальной организации зоны, ее вну-

Согласно статье 74 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, в России существуют следующие типы пенитенциарных учреждений: тюрьма, колония-поселение, колония общего режима, колония строгого режима, колония особого режима, воспитательная колония, лечебные исправительные учреждения и СИЗО.

Уголовно-исполнительный кодекс РФ. Статья 74. Виды исправительных учреждений

“Золотое правило” тюрьмы – уровень жизни в тюрьме всегда должен быть ниже, чем уровень жизни самого низкооплачиваемого рабочего.
Perrot M., “Preface”, dans Marchetti A.-M., “Pauvretes en prison”, Ramonville, Saint_Agne: Eres, 1997

тренних законах и правилах (о которых они знают, кажется, куда больше, чем о содержании Конституции*).

“Там люди подразделяются... по ступеням: есть низишие, и есть как бы... такие нейтральные там вот, мужики, они живут своей жизнью. А есть там, допустим, блатные, они уже как бы решают вопросы вот эти общие. Если у кого-то какие-то проблемы создались... – он идет к блатным... Выше они это решают, как правильно, что, как поступить, кто виноват, а кто прав” (ДФГ, Москва).

“Я знаю, что более важные спят на первом этаже, “духи” – на втором. Кто вообще лохи, те вообще под первым спят. Самые плохие спят у парашки или вообще под кроватью” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Респонденты в большинстве своем убеждены: материалы о том, что происходит сегодня в российских тюрьмах, должны присутствовать в СМИ; их назначение – не только информирование, но и воспитание граждан.

“Я думаю, каждый нормальный человек должен знать, что у него в стране происходит. Поэтому можно и о тюрьмах посмотреть” (ДФГ, Москва).

“Это социальное явление. А любое социальное явление должно обсуждаться” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Это нужно показывать, чтобы они <потенциальные преступники> знали, что жизнь за решеткой – не малина” (ДФГ, Воронеж).

Что именно граждане знают об условиях содержания и порядках в местах заключения? Сегодня широко распространено мнение о плохих условиях содержания в российских тюрьмах, причем в течение продолжительного времени такие представления фактически не меняются** (рис.4).

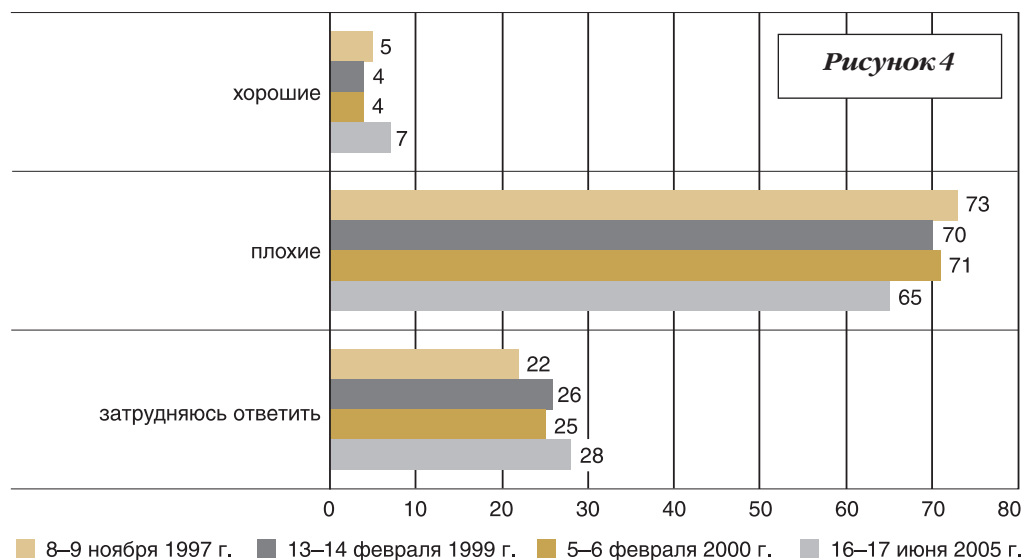
Любопытно, что о плохих условиях содержания в тюрьмах говорят не только подавляющее большинство осведомленных об этих условиях, но и почти половина заявивших, что они не знают, как у нас содержатся заключенные (48%).

Неудивительно, что две трети опрошенных (66%) убеждены: условия содержания людей в местах заключения необходимо улучшать, всего 16% думают, что этого делать не надо. Именно о плохих условиях жизни отбывающих наказание – плохом питании, тесноте и антисанитарии в камерах – чаще всего говорили респонденты, отвечая на открытый вопрос о том, какие проблемы российских тюрем, по их мнению, требуют скорейшего решения: *“содержат их там, как скот”*; *“голодом морят их”*; *“...обеспечение очень плохое, одежды нет”*; *“большое количество людей в камерах”*; *“мест нет, как крысы в мышеловке живут”*; *“нарушение санитарных норм”* (21%). Еще 6% говорили о проблемах со здоровьем у людей, находящихся в заключении, и о необходимости улучшать их медицинское обслуживание (*“со здоровьем заключенных не все в порядке”*; *“заболеваемость в тюрьмах”*; *“бороться с туберкулезом в тюрьмах”*; *“лучше следить за здоровьем в тюрьмах”*; *“медицинское обслуживание должно быть на уровне...”*). Так же часто (6%) говорилось о плохом обращении с заключенными – о жестокости по отношению к ним, *“нарушении прав личности”*, произволе работников тюрем (*“жесткий режим, беспредел властей и работников тюрем”*; *“охрана к заключенным относится жестоко, иногда издевается”*). Часть опрошенных (3%) предлагают *“загрузить осужденных работой”*, кто-то (2%) гово-

* Лишь 34% опрошенных, по их словам, знают содержание и основные положения Российской Конституции, еще 56% заявили, что не знают, и 10% затруднились с ответом. См. Отношение к Конституции РФ. Всероссийский опрос населения от 15–16 ноября 2003 года (<http://www.fom.ru>).

** В этом году респонденты стали чуть чаще затрудняться с ответом на этот вопрос, что неудивительно, поскольку возросла доля тех, кто, по их словам, ничего не знает об условиях содержания в зоне.

Как Вы оцениваете условия, в которых содержатся люди, находящиеся в местах заключения, – как хорошие или плохие?

рит о необходимости «смягчения условий содержания», а кто-то, наоборот, о недостаточно строгом режиме в тюрьмах (1%). По 1% опрошенных упоминают такие проблемы, как отсутствие воспитательной работы, недостаточная помощь в адаптации после заключения, отсутствие порядка в тюрьмах, жестокое отношение заключенных друг к другу, суровые ограничения на общение с близкими. Кто-то (1%) говорит о финансовых проблемах тюрем («отсутствие финансовой поддержки государства», «кадры – их не устраивает зарплата»), а кто-то – о взяточничестве работников («в тюрьмах за деньги создают преступникам прямо домашние условия»; «...процветает взяточничество»). Кстати, на фокус-группах очень многие говорили о том, что сегодня в исправительных учреждениях процветают коррупция, взяточничество, когда за деньги можно существенно улучшить условия содержания заключенных.

«Ну у меня брат был вот в Соликамске двоюродный... Ну, так скажем, присылаешь деньги, передают – значит, сидит хорошо. И все принесут – все что нужно» (ДФГ, Москва).

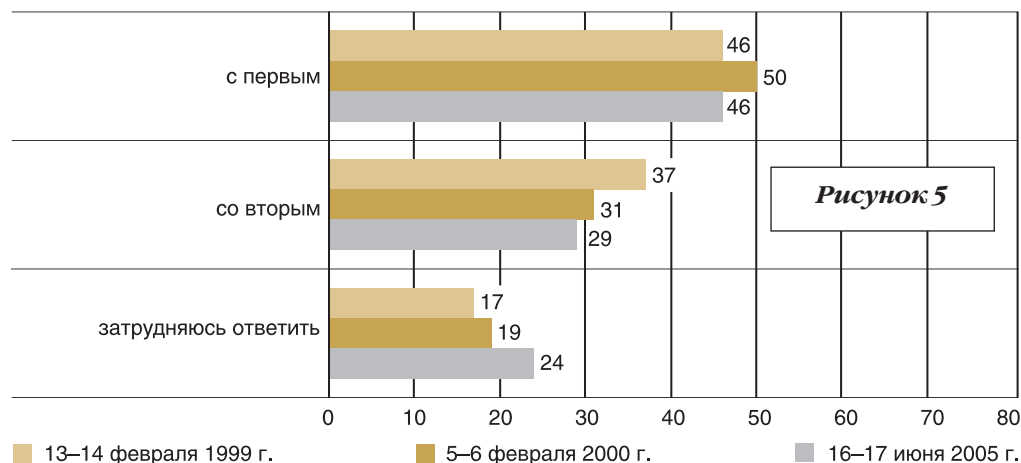
«Я считаю, что отношение к людям в тюрьме разное: у кого есть деньги, тот содержится, естественно, в лучших условиях, у кого денег нет – содержатся, естественно, как скоты» (ДФГ, Санкт-Петербург).

Однако не стоит интерпретировать вышеприведенные данные как показатель распространенности в нашем обществе правозащитной ориентации, сочувствия заключенным или толерантности к людям оступившимся. Дело в том, что заметная часть граждан убеждена: жесткие условия содержания заключенных – это необходимая составляющая наказания (рис. 5).

Как видно из приведенных данных, со временем почти не происходит изменений в установках россиян по этому вопросу, лишь немного сокращается доля жестко настроенных респондентов. Следует отметить, что среди сторонников более мягкой позиции (главным наказанием для преступников является само лишение свободы) выше доля осведомленных об условиях содержания в тюрьмах: из средств

Одни считают, что главным наказанием для преступников является лишение свободы, а жесткие условия содержания в тюрьмах и колониях недопустимы. Другие считают, что для наказания преступников помимо лишения свободы необходимы жесткие условия содержания в местах заключения. С каким из этих двух мнений Вы согласны – с первым или вторым?

массовой информации (43% против 36% по выборке в целом), из опыта близких и знакомых (23% против 16%).

Однако даже респонденты, считающие жесткие условия содержания в тюрьме недопустимыми, далеко не всегда придерживаются такой установки по принципиальным соображениям. Отвечая на вопрос, следует ли наказывать заключенных, помимо прочего, и суровыми условиями содержания, многие респонденты актуализируют в своем сознании разные типы преступников и уже в зависимости от этого склоняются к более гуманной или более жесткой точке зрения. Один тип – люди, совершившие не тяжкие, по понятиям рядовых граждан, преступления, нарушившие закон по воле обстоятельств или из-за слабого характера и т. п.; другой тип – это совершившие тяжкие преступления или закоренелые преступники (убийцы, террористы, насильники, маньяки и т. п.).

“Смотря за что сел человек. Потому что если он случайно там, он в темноте наехал на кого-то там, он не преступник... Это несчастье с ним” (ДФГ, Москва).
“Салман Радуев... или там сидит... “Тракторист” кличка – один чечен, который там резал, вырезал... – он не человек, я считаю” (ДФГ, Москва).

И если по отношению к первым у респондентов преобладает сочувственное отношение – участники фокус-групп отмечают, что в их содержании “элементарные какие-то вещи должны быть, они такие же люди”, то “маньяки, убийцы” и совершившие тяжкие преступления, по мнению респондентов, “в худших условиях должны быть”^{*}.

“А он там сидит за изнасилование – что там у него, жизнь плоха? Понятно, естественно, что не на свободе. А почему у него там должна быть хорошая жизнь?.. Он несет наказание. Ему не должно быть хорошо там” (ДФГ, Воронеж).

По мнению респондентов, любой комфорт для таких заключенных должен быть исключен; а искупать вину преступникам следует, выполняя тяжелую работу.

^{*} Любопытно отметить: многие участники ДФГ убеждены, что в российских тюрьмах сегодня люди, совершившие тяжкие и незначительные преступления, содержатся рядом, в одних и тех же камерах, поселениях и т. д.; только редкие респонденты вспоминают о том, что существуют просто колонии, колонии строгого режима и т. д.

“1-я участница: А его в тюрьму посадить – и удобства все. Обойдется он с удобствами! Пусть он там вкалывает!.. Нечего ему ТВ смотреть. Пусть он думает о душе своей.

2-й участник: Наказание он должен нести, не 8 часов работать. Или думает, что его государство прокормит?! Лежит на нарах, сигарету покуривает – ему говорят: “Обед, идите обедать”. Он пошел, пообедал – и опять на нары лежать... Его надо заставить по 12 часов работать, а не 8 часов” (ДФГ, Воронеж).

Такая установка по отношению к людям, отбывающим наказание, является не только проявлением нетерпимости – до некоторой степени она обусловлена и представлениями, согласно которым законопослушные люди не всегда могут позволить себе даже тот минимальный уровень комфорта, который обеспечен преступникам (подобное мнение не единожды озвучивалось в ходе дискуссий).

“В первую очередь нужно улучшить положение тех людей, которые добросовестно платят налоги, добросовестно работают, – а уж потом заниматься преступниками. А то получится так, что им телевизоры в каждую комнату поставят – а нормальные люди будут от голода пухнуть, кусок хлеба жевать” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Впрочем, даже респонденты, настаивающие на самых суровых условиях содержания заключенных, отрицают допустимость жестокого обращения с ними – так, участница групповой дискуссии в Воронеже, которая убеждена, что отбывающим наказание не должно быть хорошо в тюрьме, заявляет: “Я не за то, что их там надо избивать. Я совершенно не согласна с этим”. Вообще, значительная часть считающих, что помимо лишения свободы нужны также и суровые условия заключения, убеждена: условия содержания преступников необходимо улучшать (хотя доля таких респондентов в этой группе заметно меньше, чем в среднем по выборке (табл. 2).

“Это не должно быть курортом, там не должно быть хорошо, но в таких условиях, какие там сейчас, как говорится и показывается, – такого тоже быть не должно. То есть нужны, конечно, большие вложения и модернизация всех этих тюрем” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Безусловно, здесь нужно что-то делать для того, чтобы содержание в тюрьмах было достойно человека. Там все-таки находятся люди, а не звери, и содержать их нужно хорошо, а не так, как в нашем зоопарке. И это тоже в каком-то смысле воспитание: нормальный уровень жизни, нормальное житье и нормальные бытовые условия – они способствуют все-таки формированию человека” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Так или иначе, большинство участников групповых дискуссий убеждены, что с функцией исправления преступников сегодняшние российские тюрьмы не справляются; более того, побывав однажды в таком “исправительном” учреждении, многие снова туда возвращаются, поскольку жить нормально уже не могут.

	Все	Считают, что	
		главное наказание для преступников – лишение свободы	для наказания преступников помимо лишения свободы необходимы жесткие условия содержания
Как Вы считаете, нужно или не нужно улучшать условия содержания заключенных в российских тюрьмах?			
Нужно	66	90	40
Не нужно	16	4	41
Затр. ответить	18	7	19

Таблица 2

коллаж Е. Рус

*“Исправлять этого человека, поставить на путь истинный – так как у нас бардак в тюрьмах, то он оттуда человеком никак не выйдет” (ДФГ, Воронеж).
“Но тюрьма как наказание – она многих не наказывает абсолютно и даже не исправляет, некоторых даже портит в конце концов. Есть такое, что он, побыв в тюрьме, он выходит оттуда действительно отморожком” (ДФГ, Москва).*

Некоторые участники групповых дискуссий полагают, что далеко не всех преступников можно исправить в принципе. Люди, совершившие тяжкие преступления, убеждены такие респонденты, не искупают свою вину, даже отсидев положенный срок.

“1-й участник: У меня вот близкий товарищ... – ограбили они фактически общего друга: они пришли ...и напоролись на его жену – ударили по голове, в подвал закинули и грабили. ...Но она в последний момент очухалась и увидела в этом проеме, чья машина и кто был за рулем. И он отсидел, отсидел хорошо, где-то семь лет, хотя ему дали 12...”

Модератор: Но он же искупил свою вину, разве нет? Он отсидел за свое преступление...

2-я участница: Это не искупается.

1-й участник: Нет, это не... я считаю, это не оправдание” (ДФГ, Москва).

“Искупить свою вину – разве можно? Вот террориста поймали, или вот разбойное нападение: 5 человек убили – дали по 10 лет, 8, 6 лет... Убили 6 человек, зверское нападение, ножами, молотками поক্রамсали...” (ДФГ, Воронеж).

Есть и более радикально настроенные респонденты – они отказывают всей существующей ныне российской пенитенциарной системе в способности исполнять свои функции. На фокус-группах говорилось, что людей, совершивших особо тяжкие преступления, нужно отдавать на суд родственников пострадавших.

“Я за то, что нужно их отдавать на суд родственников. И я бы, наверное, ему не позавидовала, как бы они с ним обошлись. Если они ему простят, что он убил их сына, дочь, мужа, отца, то ради Бога, ему повезло. А если они ему не простят, тогда пусть они его убьют” (ДФГ, Воронеж).

Впрочем, стоит отметить, что такие реплики звучали относительно редко.

Итак, ни с функцией наказания, ни с функцией исправления преступников сегодняшняя тюрьма, считают россияне, не справляется; некоторые участники фокус-групп отмечают, что сегодня она служит только для устрашения: боязнь попасть за решетку удерживает кого-то от совершения преступления.

“Это просто как устрашение. Просто пресечение преступления того, что из-за боязни попасть в тюрьму, лишишь себя свободы” (ДФГ, Москва).

“Многие преступления пресекаются за счет того, что человек не идет на это, чтобы не сесть в тюрьму в конце концов” (ДФГ, Москва).

“Ну мне, например, воспитание позволяет “не убий” – я не убью. Но мне воспитание не позволяет “не укради у государства”, и единственное, что меня останавливает, – это тюрьма” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Однако совершенно очевидно, что в условиях столь масштабного присутствия криминальной субкультуры в ценностях и практиках всего общества современной тюрьме довольно сложно справляться даже с функцией устрашения. По мнению участников групповых дискуссий, воспитательную роль скорее может сыграть общение с людьми, побывавшими в заключении.

“Потому что, допустим, он может так же рассказать то, что там есть, что происходит. Человек задумается – тот же подросток, – что туда попадать, наверное, не стоит” (ДФГ, Москва).

Отмечается, что и общество должно делать шаги навстречу оступившимся гражданам, чтобы помочь им заново адаптироваться.

“Я считаю, что человек, который побывал там, конечно, никогда об этом не забудет. Но это совсем не значит, что надо ограничивать общение. ...И хотелось бы, чтобы все-таки наше общество зрело, зрело. И чтобы какие-то действенные шаги уже делали навстречу этим людям, чтобы помочь – большей частью, мне все-таки кажется, им можно помочь вернуться к нормальной жизни” (ДФГ, Санкт-Петербург).

В сегодняшнем российском массовом сознании сложился многоплановый образ побывавшего в заключении человека. С одной стороны, человек, имевший тюремный опыт, представляется респондентам агрессивным, озлобленным, обиженным.

“Отличаются – они более озлобленные” (ДФГ, Воронеж).

“Обида на общество” (ДФГ, Воронеж).

“Человек более раздражительный становится, более агрессивный” (ДФГ, Санкт-Петербург).

А у многих такой человек вызывает даже страх (*“Даже в лифт боимся сесть вместе – мы лучше подождем, ...когда он проедет, потом мы”*).

Некоторые уверены, что люди, имеющие опыт пребывания в тюрьме, уже не могут и не хотят жить нормальной жизнью, становиться законопослушными гражданами.

“Если мы стремимся какую-то копейку, где-то что-то крутись, вертись... – у них этого нет, у большинства” (ДФГ, Воронеж).

“Честным трудом они работать не будут. ...Сколько волка ни корми, он все равно в лес смотрит” (ДФГ, Воронеж).

В то же время некоторые бывшие заключенные нередко вызывают сочувствие.

“Но есть такие, что вот он вроде пришел с тюрьмы, смотришь на него – и кажется: господи, да за что тебя-то посадили? ...Ну бывает, что человек совершает глупости просто, глупость какую-то – и садится, вот. И он эту ляжку как-

то протянул в тюрьме, он вышел, но ..я не скажу, что... он каким-то плохим стал” (ДФГ, Москва).

Таким людям, по мнению респондентов, сложно адаптироваться в нормальной жизни. *“Грубоватый, у него наколки на руках. Он стесняется, он не может устроиться на работу. ...Нет, паспорт у него есть – просто в паспорте какая-то пометочка есть, что он сидел” (ДФГ, Москва).*

Есть и такие, кто считает, что среди бывших заключенных нередко попадаются талантливые люди – причем их таланты расцветают именно в тюрьме.

“Там обостряются таланты, которые заложены в человеке, и они там из хлебуса что-то делают, что-то вытиливают. Это те таланты, которые здесь бы дремали, и никогда бы не было” (ДФГ, Москва).

Однако большинство опрошенных к людям, имеющим подобный социальный опыт, все же относятся отчужденно: практически все участники фокус-групп говорят, что бывшие “зэки” – люди не такие, как все остальные.

“Они живут по своим законам, которые они сами себе установили, тюремные какие-то – вот они по ним живут” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Вы знаете, есть люди, которые ..титулы имеют – там, “вор в законе” ..Он может так с вами разговаривать, что вы не поймете” (ДФГ, Москва).

Но даже несмотря на такое отчуждение, у многих респондентов бывшие заключенные и их опыт пребывания на зоне вызывают интерес, и это неудивительно: ранее говорилось, что сегодня такой социальный опыт воспринимается как значимый, ценный далеко не только для собственно криминального мира.

В целом же приведенные данные свидетельствуют о том, что сегодня, в условиях интенсивной экспансии уголовно-криминальной субкультуры в обыденную жизнь россиян, у социума остается немного каких-либо социальных ограничителей, позволяющих противостоять этой экспансии. Нормативная система преступного мира, активно ретранслируемая через СМИ и продукцию массовой культуры, находит благодатную почву в обществе, испытывающем дефицит социальных ценностей (ценностную аномию), а традиционное для российской культуры непочтительное отношение к формально-юридическому закону только облегчает такое “вторжение”: сегодня в представлении многих граждан именно воровской закон олицетворяет собой справедливость.

Одновременно тюрьма перестает восприниматься как пенитенциарный институт, призванный выполнять функцию наказания преступивших закон: сегодня исправительные учреждения видятся россиянам как еще одна проблемная зона, страдающая теми же недугами, что и общество в целом (коррупцией, невыносимыми социально-бытовыми условиями и в целом неэффективностью функционирования). Тюрьма перестает быть и “социальным ограничителем” влияния уголовной системы норм и ценностей на общество; более того, среди населения усиливается нетерпимость и неприязнь к уже осужденным преступникам на фоне отсутствия правового неприятия правонарушителей, находящихся на свободе и представляющих куда большую опасность для общества, чем заключенные.

Единственным фактором, который сегодня несколько снижает влияние уголовной субкультуры на повседневную жизнь россиян, становится рост легитимности политической власти в стране (что отличает правление Путина от президентства его предшественника), а внятная артикуляция властью правил игры в социальном пространстве предоставляет обществу возможность структурирования не по уголовным “понятиям”, а по иным нормам – разумеется, лишь в том случае, если между ними есть явные различия. ■

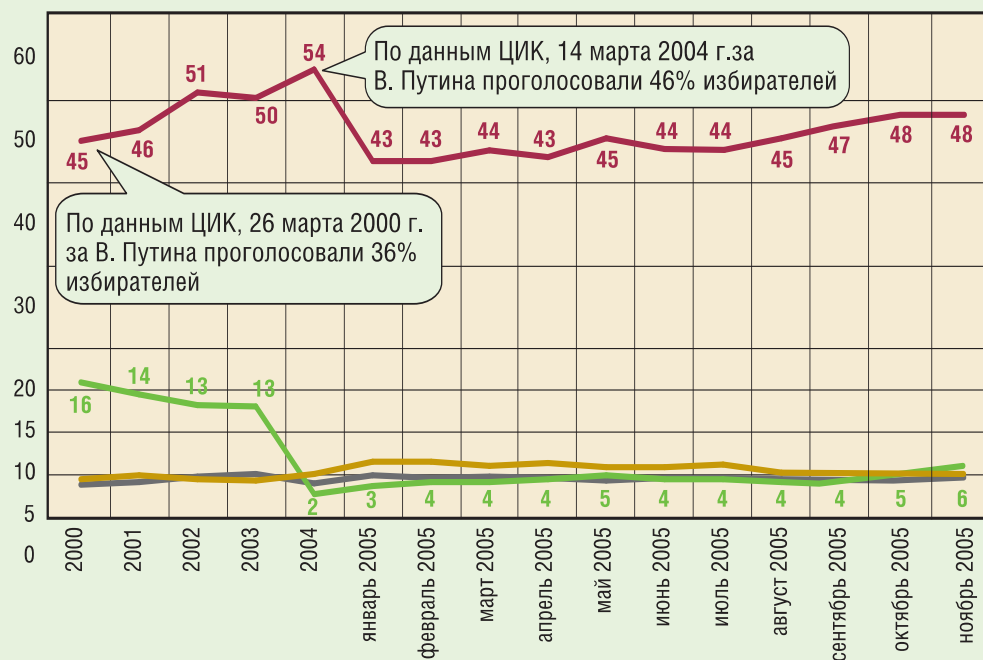
**Последние шесть лет
единственный герой нашей
страны – бандит. Современные
отечественные сериалы, за
исключением последних военных,
где стоят другие задачи, и почти
все российское кино от “Брата-2”
до “Антикиллера” и “Бумера”, все
наши хиты проката – это фильмы
про насилие. В эти дни на НТВ
каждый час представляют фильм
недели “Бумер” – один из
чемпионов прошлого года. Там
есть слоган: “Это не мы, это
жизнь такая”. Отсюда – мы все
бандиты, ничего от нас не
зависит и ничего кроме этого не
интересно.**

*Даниил Дондурей.
Террор: Война за смысл*

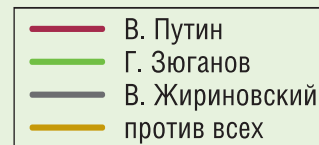
Электоральные рейтинги

Еженедельные опросы населения. 2000–2005 годы. Выборка: 3000 человек.

Политики

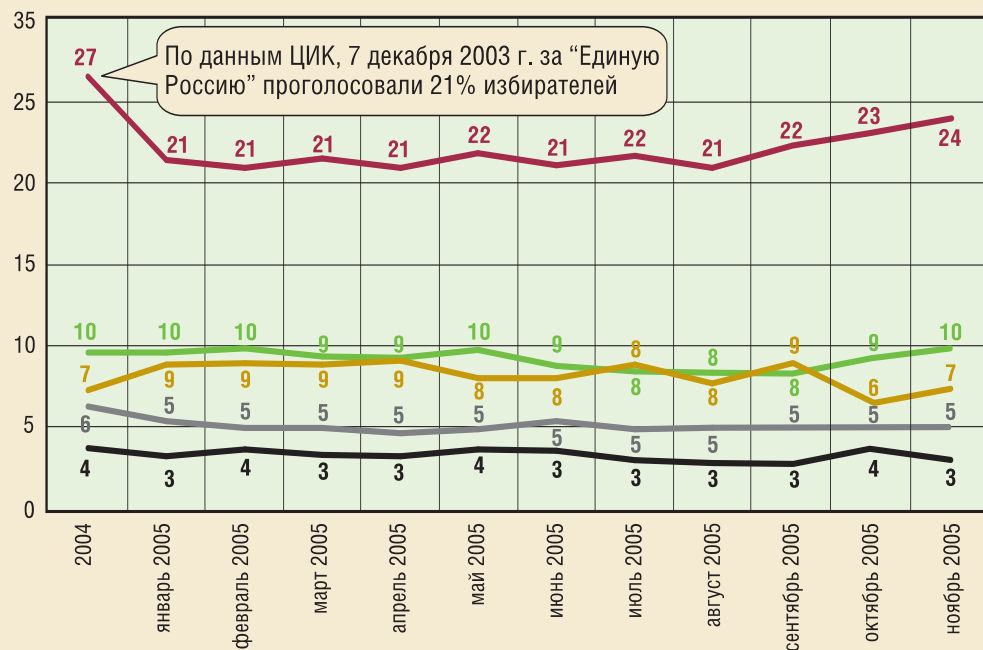

Представьте себе, что в ближайшее воскресенье состоится выборы президента с участием перечисленных политиков. За кого из этих политиков Вы бы проголосовали? (Карточка, один ответ)

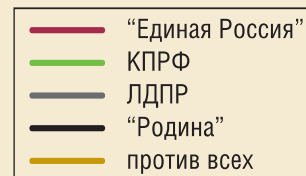

Приведены рейтинги политиков, превышающие 2%.

Политические партии

Если бы в ближайшее воскресенье состоялись выборы в Государственную Думу, то за какую из перечисленных партий Вы бы скорее всего проголосовали? (Карточка, один ответ)

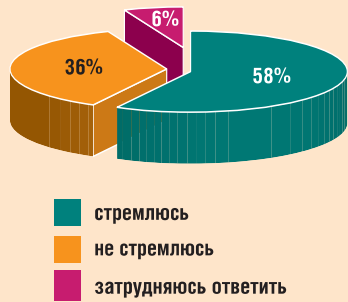

Приведены рейтинги партий, составляющие не меньше 3%.

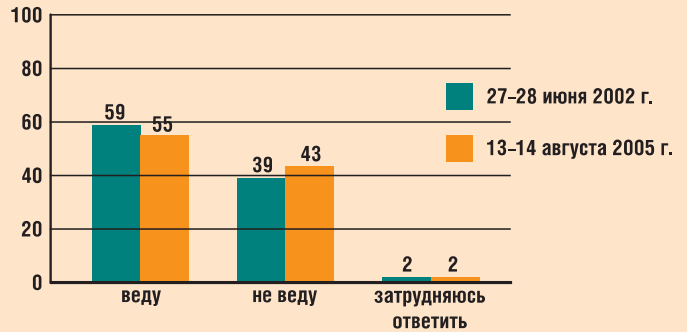
Деньги в жизни россиян

Опрос 20–21 августа 2005 г. Выборка: 1500 человек.

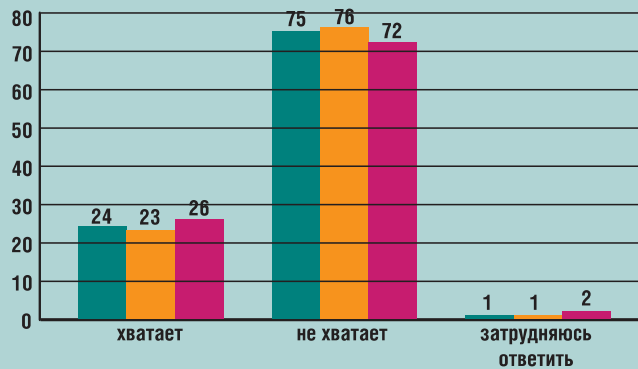
Одни люди стремятся иметь как можно больше денег. Другие не стремятся к этому. А лично Вы стремитесь или не стремитесь иметь как можно больше денег?

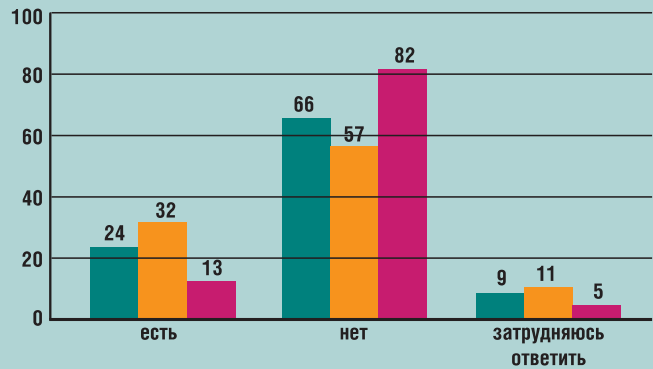
Одни люди планируют и тщательно подсчитывают свои расходы. Другие люди этого не делают. А Вы лично ведете или не ведете учет своих расходов?

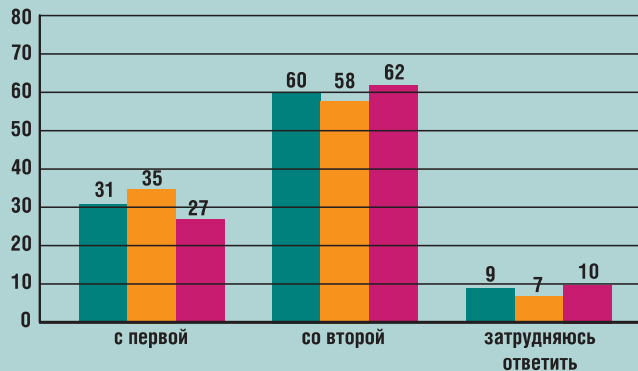
Денег, которые Вы (Ваша семья) сейчас получаете, Вам хватает или не хватает на жизнь?

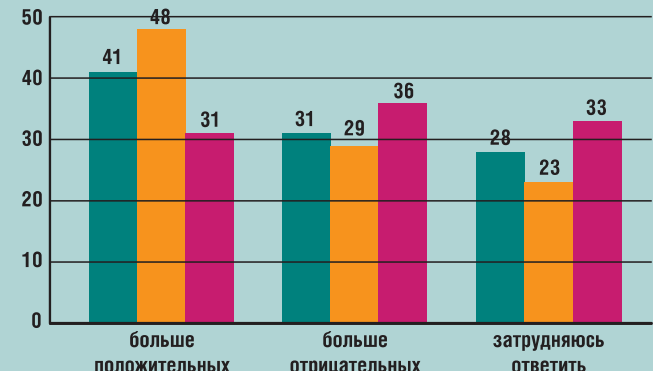
Как Вам кажется, у Вас есть шансы стать человеком, имеющим много денег, или таких шансов нет?

Одни считают, что сегодня у людей, которые могут и хотят работать, достаточно возможностей прилично зарабатывать. Другие полагают, что у людей, которые могут и хотят работать, нет возможности прилично зарабатывать. С какой точкой зрения – первой или второй – Вы согласны?

Если число богатых людей в России будет увеличиваться, то, по Вашему мнению, каких последствий для страны будет больше – положительных или отрицательных?

все опрошенные

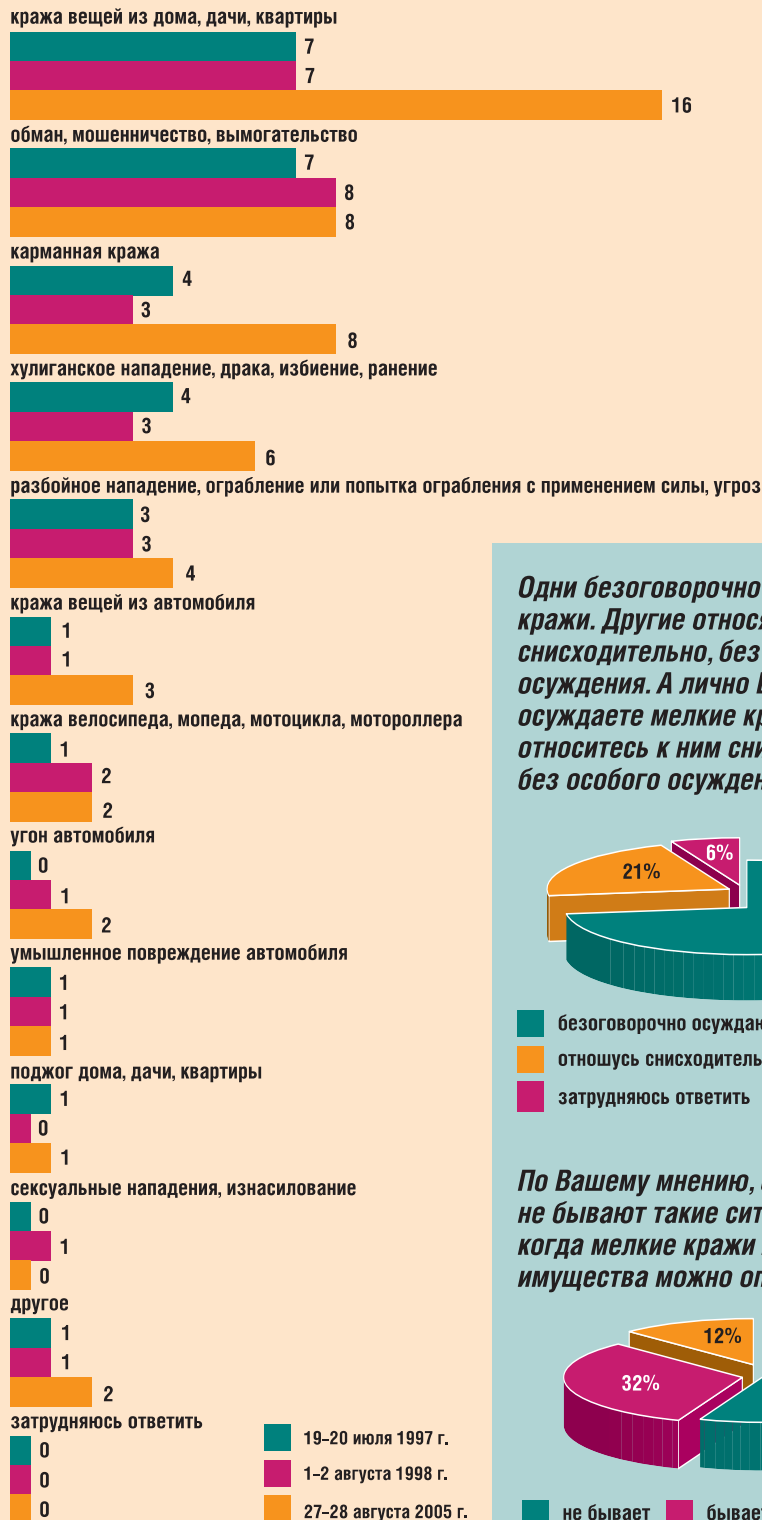
стремящиеся иметь больше денег

не стремящиеся иметь больше денег

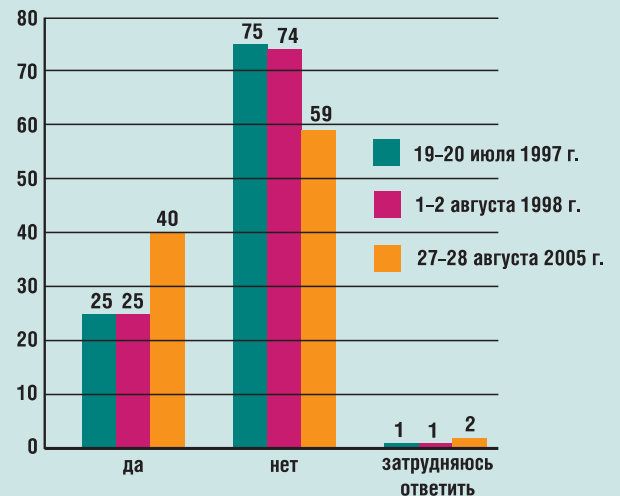
Отношение россиян к мелким кражам

Опросы 19–20 июля 1997 г., 1–2 августа 1998 г., 27–28 августа 2005 г. Выборка: 1500 человек.

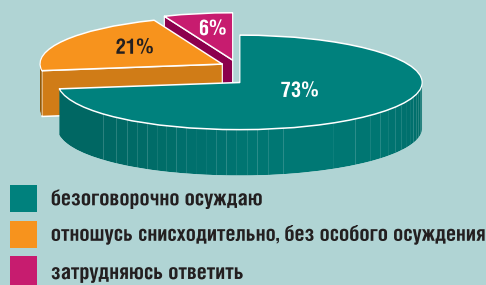
Какие именно преступления были совершены против Вас за последние пять лет? (Карточка, любое число ответов. Ответы заявивших, что за последние пять лет они были жертвой каких-либо преступлений)

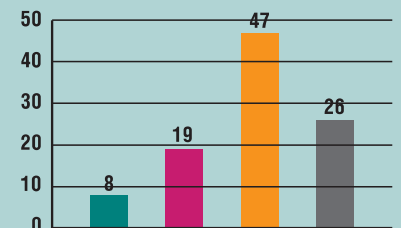
Скажите, пожалуйста, были ли Вы за последние пять лет жертвой каких-либо преступлений: обмана, мошенничества, хулиганского нападения, краж, разбоя и т.п.?

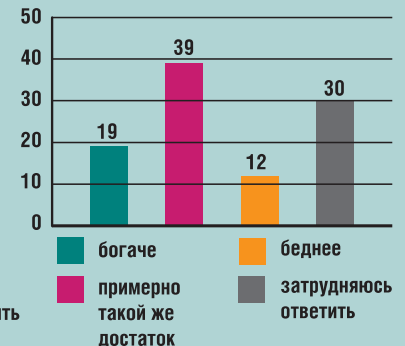
Одни безоговорочно осуждают мелкие кражи. Другие относятся к ним снисходительно, без особого осуждения. А лично Вы безоговорочно осуждаете мелкие кражи или относитесь к ним снисходительно, без особого осуждения?

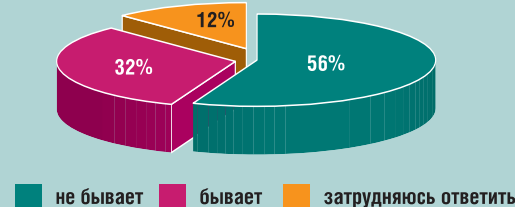
Как Вы думаете, люди, которые сегодня совершают мелкие кражи, обычно богаче Вас, беднее Вас или у них примерно такой же достаток, как у Вас?

Как Вы думаете, люди, которые сегодня чаще всего становятся жертвами мелких краж, обычно богаче Вас, беднее Вас или у них примерно такой же достаток, как у Вас?

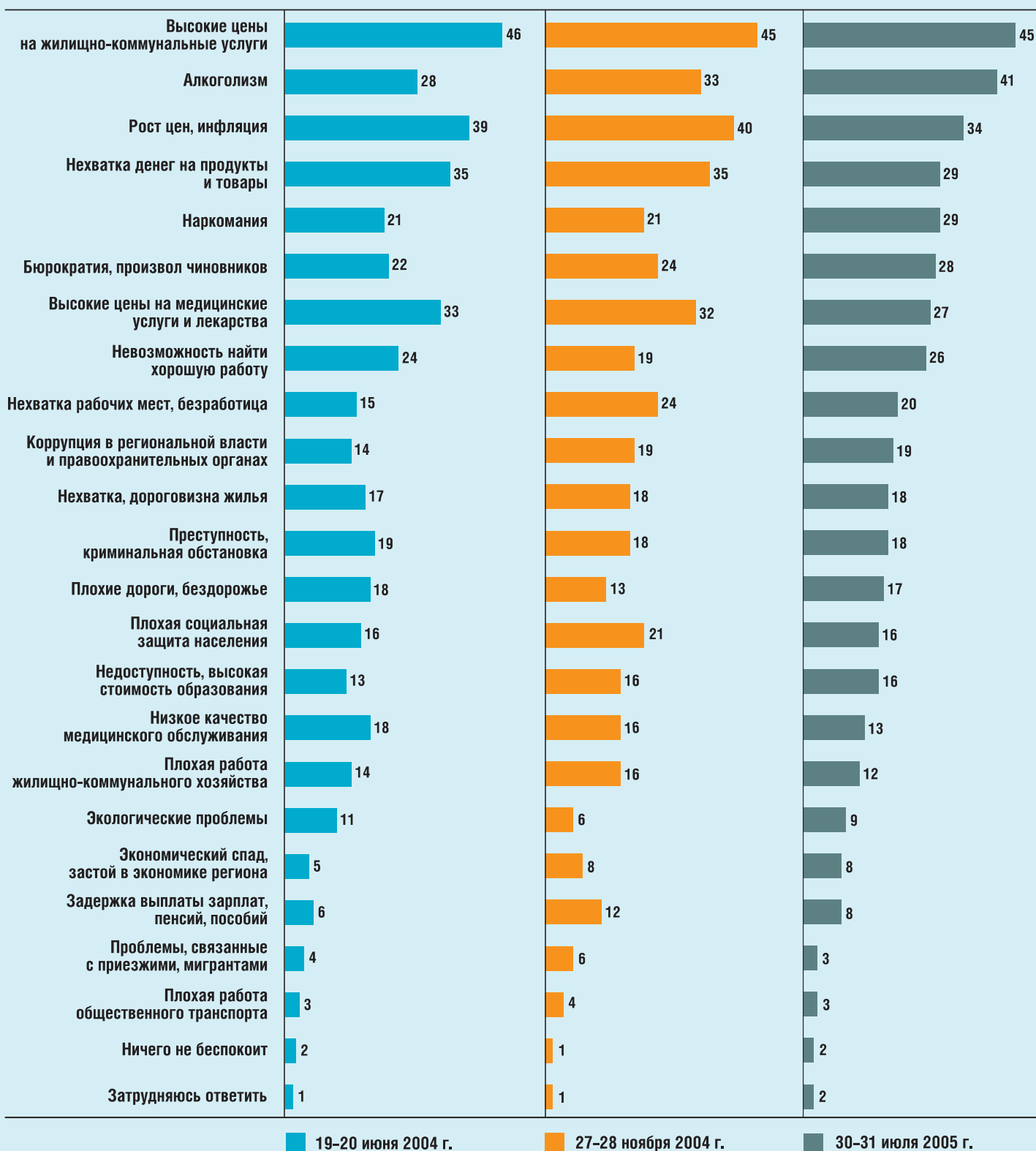
По Вашему мнению, бывают или не бывают такие ситуации, случаи, когда мелкие кражи личного имущества можно оправдать?

Проблемы россиян

Опросы 19–20 июня 2004 г., 27–28 ноября 2004 г., 30–31 июля 2005 г. Выборка: 1500 человек.

Укажите, пожалуйста, основные проблемы Вашего региона, которые Вас беспокоят, мешают жить Вам и таким людям, как Вы (Карточка, не более пяти ответов)

Северный Кавказ знаком многим россиянам не понаслышке: 30% опрошенных заявили, что бывали хотя бы в одном из северокавказских регионов (еще 10% респондентов являются жителями Северного Кавказа). Впрочем, около половины респондентов этой группы в последний раз приезжали на Северный Кавказ более 10 лет назад – то есть до того, как в массовых представлениях он стал ареной постоянных боевых действий. Сегодня у большинства опрошенных связаны с Северным Кавказом прежде всего именно такие ассоциации – война, беспорядки, терроризм, насилие: “бесконечная война”; “мысли о войне”; “боевые действия” (28% ответов на открытый вопрос об ассоциациях, вызываемых словосочетанием “Северный Кавказ”); “центр терроризма”; “террористы” (7%); “нестабильность”; “беспредел” (5%); “кровопролитие”; “насилие” (3%).

И теперь уже скорее можно удивляться тому, что у 8% опрошенных первыми ассоциациями, связанными с Северным Кавказом, оказались горы, море, хорошая природа, а также курорты, отдых.

Респонденты достаточно уверенно разбираются в конфессиональной принадлежности жителей Северного Кавказа. Большинство опрошенных правильно указали,

Северный Кавказ: знания и представления о нем

что православные преобладают в Краснодарском, Ставропольском краях и Ростовской области, а мусульмане – в большинстве северокавказских республик. Нет ясности лишь в отношении Северной Осетии. Как оказалось, неверное представление, будто большинство осетин являются мусульманами, разделяют 18% опрошенных, тогда как к православным их отнесли лишь 8% респондентов (остальные не взяли себя определить преобладающую конфессиональную принадлежность жителей этой республики).

В целом можно сказать, что сегодня в массовом сознании доминирует образ “воюющего”, “нестабильного” Северного Кавказа. События в Чечне и Дагестане затмили образы курортов КавМинВод и черноморского побережья Краснодарского края. При этом, когда респондентам был предъявлен список субъектов РФ, составляющих Северный Кавказ, они достаточно уверенно выделили нестабильные, неблагополучные в материальном плане, причем мусульманские, Чечню, Дагестан и Ингушетию, с одной стороны, и спокойные, благополучные, причем христианские, Краснодарский край, Ставрополье и Ростовскую область – с другой. Образы остальных северокавказских республик (Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Адыгеи и Северной Осетии) у большинства населения, похоже, не сформированы.

■
П. Бавин

Опрос в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик России. Интервью по месту жительства. 6–7 августа 2005 г. 1500 респондентов. Статистическая погрешность – 3,6%.

PARVU

А. Ослон

Дух денег в России: очерк становления и могущества

Часть 1

Предварительные замечания о духах

В нижеследующем тексте происходящее и недавно происходившее в России рассматривается “глазами” **духа денег**. По ходу дела возникает необходимость говорить о желаниях, намерениях, решениях и даже о действиях этого нематериального и как бы несуществующего существа. *Дух денег* и впрямь не является существом в обычном смысле, но его внечеловеческое присутствие и надчеловеческая активность настолько очевидны, что приходится признавать его реальность. В таком смысле говорят, например, о том, что *дух денег* овладел каким-то человеком и он ради него забросил семью, друзей, старые увлечения. Так в языке обозначается влияние *духа*, то есть возникновение особого “строя мышления”, порождающего в человеке определенные интересы, желания и предрасположенности к характерным действиям. Иными словами, понятием “дух” обозначают то, что приводит к формированию в субъективном мире человека особого рода ментальных конструкций, наделяющих смыслами окружающий мир, собственное существование в этом мире и существование других людей. *Дух* всегда имеет социальное происхождение, он возникает и проявляется в ходе коммуникаций между людьми. Под воздействием *духа* и в конкуренции с другими *духами* происходит передача между людьми характерных понятий, идей, представлений, теорий¹ – аналогично тому, как в живой природе органические структуры, например вирусы определенного вида, распространяют те или иные заболевания². Распространение социального “заражения” приводит к возникновению общностей людей, приверженных одним и тем же *духам*. Мировоззрения людей одной общности, их мотивации и действия стано-

вятся сходными, согласованными, коллективными. При этом базовым является *дух языка*, благодаря которому возможны взаимодействия между людьми и совместное сотворение общего мира, социальное конструирование реальности³.

Например, знаменитое сочинение Макса Вебера “Протестантская этика и дух капитализма” уже в заглавии содержит имя “главного героя” – *духа*, возникшего, по версии автора, в глубинах протестантского мировоззрения⁴, овладевшего умами и душами массы своих приверженцев и создавшего их руками самое успешное и комфортное в истории человечества устройство общества⁵. Известны также и другие влиятельные *духи*: *власти, науки, карьеры, насилия, мести* и пр. Один из таких всемирно известных *духов* – “призрак коммунизма” – с подачи К.Маркса и Ф.Энгельса уже сто пятьдесят лет “бродит по Европе”⁶, заражает умы и временами вызывает настоящие эпидемии, сопровождаемые революциями и высокой смертностью своих приверженцев и противников. Есть, наконец, *дух времени*, дыхание которого все мы стараемся уловить, чтобы “не отставать” от него.

Золотой телец

Это было осенью 92-го года. На заднем сиденье автобуса где-то возле Нового Иерусалима сидел человек в телогрейке и разглядывал столларовую купюру. По-детски улыбаясь, он водил заскорузлыми пальцами по лицу невозмутимого Франклина. Было ясно, что этот человек переживает свое первое соприкосновение с иной реальностью, неведомой и манящей. Я тогда подумал, что, наверное, именно ради такого момента властители дум конца 80-х “жгли глаголом”, а реформаторы-экономисты, пришедшие к власти после несостоявшегося путча 91-го года, взывали к “невидимой руке рынка”, чтобы она вывела страну на дорогу, ведущую в светлое капиталистическое будущее.

С момента отмены госконтроля над ценами в январе 92-го года бытовавший десятилетиями советский

Окончание читайте в следующем номере.

жизненный уклад переменялся не на словах, а на деле, и не для каких-то отдельных социальных групп, а буквально для всех и каждого. Ибо ценники в магазинах, на которых заплясали невиданные числа, стали тотальным сигналом отмены привычного мироустройства. Тотальным как в смысле охвата: сигнал дошел до всех (ценники – часть жизни каждого человека), так и в смысле глубины: ценники гораздо лучше зажигательных статей в “Огоньке” и обличительных речей на митингах донесли, что произошел слом всей конструкции советской идеологии. То, что было нельзя, стало можно, а того, что нельзя, не стало вовсе. Вместо требований пришли желания, вместо запретов – возможности, вместо контроля и наказаний – свобода делать, что пожелаешь.

А желали советские люди жить как-то иначе, но обязательно лучше. Лучше – значит богаче, богаче – значит с деньгами. Еще вчера деньги (так называемые “деревянные” рубли) были довольно условным платежным средством, так как запрещалось иметь их много и купить на них можно было далеко не все. Наряду с деньгами было множество иных инструментов обмена и накопления⁷: доступ к “пайкам” и “спецраспределителям” (успешная советско-партийная, производственная или творческая карьера), “блат” (включенность в теневой обмен услугами), “фарцовка” (участие в теневой экономике), “загранкомандировки” (зарплата в валюте и ее суррогатах) и т.д. Но советская обменная система могла существовать только в условиях дефицита, запретов, жесткого контроля и разделения населения на “касты” с разными возможностями доступа к товарно-денежным ресурсам. В одночасье это сложнейшее социальное устройство разрушилось, все условные “валюты” потеряли смысл и остались только обесценивающиеся рубли и “твердые” доллары.

Снова в школу жизни

Переход в новую рыночно-капиталистическую реальность произошел столь внезапно и решительно, что все знакомые с детства правила разом оказались отмененными. Поэтому можно сказать, что 2 января 92-го года свершилась настоящая **революция**. Хотя и не было штурма Бастилии и выстрела “Авроры”, но случилось главное из присущего всем революциям: жители страны в одночасье оказались перед необходимостью выяснять, каковы новые правила, и заново осваивать “искусство жизни”. Как и положено после революции, правила изобретались по ходу дела – и тут же по отношению к ним возникало контрреволюционное противодействие. Поэтому в первые постреволюционные годы политическая

борьба, безусловно, была идеологической – она происходила между сторонниками диаметрально противоположных ответов на один и тот же вопрос: “Как жить дальше?” В основе любой системы социальных правил всегда лежит некоторое мировоззрение. У революционеров-реформаторов, взлетевших на волне протеста против советской системы мироустройства, никаких предложений, кроме “будем жить, как на Западе”, не было. А западное мироустройство представлялось в революционной простоте в виде свободы делать деньги, богатеть и, как следствие, хорошо кушать и процветать.

Отпуск цен, отмена контроля, приватизация, стихия купли-продажи – все это привело к формированию относительно небольшого **Активного класса**, наэлектризованного открывшимися возможностями самореализации и обогащения. Оказалось, что коллективистское советское общество носило в себе значительный потенциал индивидуализма, так как только с таким качеством можно было без оглядки броситься в омут тогдашнего российского бизнеса, в котором каждый сам устанавливал себе правила – подобно пионерам Дикого Запада в эпоху освоения Америки. Остальные – **Пассивный класс** – со смесью недоумения и любопытства наблюдали, как воронка *духа денег* затягивает в себя множество людей: как далеких, непонятных телевизионных персонажей, которые “крутят деньги” и “делают миллионы”, так и старых добрых знакомых, ставших в одночасье бизнесменами, банкирами, челноками и т.д.⁸

Обучение в школе новой жизни происходило через телевизор, в котором новости пугали, показывая, как страшно жить в мире жестоких капиталистических нравов, реклама представляла этот мир как рай земной и заманивала в него, а политики своими запутанными речами размывали границу между тем и другим и создавали привычку жить и выживать в новой реальности. Но главным предметом изучения, конечно, стал **дух денег**, и прежде всего – само понятие денег: что они означают, как с ними обращаться и как жить ради них⁹.

Первый круг

В начале 90-х Активный класс вообрал в себя самых сильных, шустрых и сообразительных. Эти люди выбрали деньги как смысл жизни и работали без устали, чтобы непреклонно двигаться к Успеху. На этом пути они не только зарабатывали или теряли деньги (а то и жизни), но и публично изо всех сил доказывали правоту своих ценностей и устремлений. За кулисами оставались изматывающий труд и истощенные нервы, предательство и жестокие разборки, долги

и невозвращенные кредиты, подкупы чиновников, журналистов, судей, а на сцене демонстративно блистали шикарные атрибуты вождя богатства: одежда, автомобили, дома, офисы и т.д. Огромная масса наблюдающих публично торжество денег была разнородной: в ней были завистники, были ненавистники, но эта масса непрерывно поставляла тех, кто примеривал на себя одежды денежного Успеха и вливался в бурный поток устремившихся за деньгами. Главным признаком принадлежности к Первому кругу были не сами деньги, а всепоглощающее стремление к их обладанию и сосредоточение жизненных сил на этой цели. Таких людей в бывшей советской стране становилось все больше. Расширение Первого круга происходило по мере того, как в реальную жизнь входили новые понятия, смыслы, образцы поведения, воплощающие *дух денег*. Их основным поставщиком в 92–94-м годах была реклама¹⁰. Миллионы людей в ответ на ее гипнотический зов чувствовали предпринимательский зуд, пробовали себя в бизнесе или просто несли свои сбережения в финансовые пирамиды, подобно тому как Буратино закапывал и поливал свой золотой на Поле чудес, чтобы утром выросли целых пять.

Осенью 94-го финансовые пирамиды лопнули¹¹, произошел первый финансовый кризис – “черный вторник”, и кроме того, началась бессмысленная война в Чечне. Наивные иллюзии о “волшебном рынке” стали рассеиваться, их сменило разочарование. До жизни “как у них” оказалось очень далеко. Произошел перелом в общественных настроениях: в конце 95-го коммунисты выиграли выборы в Думу, Зюганов стал реальным претендентом на пост президента, что означало вероятный возврат к советской системе, в которой не было места для *духа денег*. Но осенью 95-го произошло событие, имевшее глубокий символический смысл: верхушка Активного класса (будущие “олигархи”) через залоговые аукционы получила значительный объем собственности¹². Это означало, что Активный класс получил общественное признание и новый социальный статус, а после того как он поддержал переизбрание Б. Ельцина¹³ на выборах в 96-м, – привело к политическому доминированию. Сомнения в необратимости перемен стали исчезать, идеологические бои завершились, Активный класс победил и стал бурно расширять свой Первый круг.

Конец революции

Любой переходный процесс имеет колебательный характер, так как после первоначального импульса система некоторое время раскачивается, как бы оты-

скивая для себя новое, наиболее подходящее стационарное состояние. Восемь лет после январской революции 92-го года жизнь в России шла по синусоиде. Политический вектор направлялся то влево, то вправо, психологический вектор устремлялся от разочарований к надеждам и обратно, экономический вектор, как насос, то втягивал в страну капиталы, то “отправлял” их за границу. До 2000 года было неясно, как поведет себя дальше синусоида: то ли пойдет вразнос и жизнь станет долгим переходным процессом, то ли приведет к какому-то устойчивому состоянию через очередное социальное потрясение.

Иногда говорится, что между Сциллой первого варианта и Харибдой второго страна проскочила благодаря появлению на политической сцене В. Путина¹⁴, который сфокусировал на себе неутоленные никакими иными политиками симпатии населения, перевел деятельность Думы из перманентного политического бунта в законотворческую плоскость, “равноудалил” олигархов, обуздал губернаторов, “отстроил” чиновников, создал “вертикаль власти” и пр. Такое толкование похоже на миф о подвигах Геракла, но не может служить серьезным объяснением того, почему в 2000 году Россию перестало

раскачивать и почти всеобщий облегченный вздох обозначил окончание революции. При всей своей популярности один человек не в состоянии произвести изменения такого масштаба, тем более что В. Путин не имел какого-то феноменального политического, административного, идеологического или силового влияния на страну.

Есть только одно удовлетворительное объяснение. Общество, включая большинство политических конкурентов и противников, само хотело окончания революции. Более того, оно само хотело В. Путина, и, следовательно, осенью 99-го года политическая борьба велась скорее по инерции, а в 2000 году, когда борьбы как таковой уже не было, решительные действия В. Путина, быть может, и вызывали удивление, но уж никак не отторжение и не сопротивление. Почему? Ответ таков: сама фигура В. Путина и его действия попали в резонанс с доминантным интересом сформировавшегося в 90-е годы Активного класса, набравшего вес и готового к следующим этапам своего взросления и жизненного становления. И этот доминантный интерес – **деньги**, ставшие в России уже не только реальным инструментом экономического обмена, но и символом су-

ществования первых выпускников “школы капиталистической жизни”, главным смыслом их жизни.

Дух денег

В Активном классе *дух денег* не только утвердился как основа системы ценностей, но и обусловил придание высшей значимости процессам “делания денег”. Поэтому в 2000 году доминантный – денежный – интерес требовал, чтобы передача власти не остановила эти процессы и не помешала им. Именно поэтому произошел безболезненный переход от эпохи Б. Ельцина, разрушившего советские преграды на пути *духа денег*, к эпохе В. Путина, настроенного на развитие страны в союзе с *духом денег*. Вследствие этого Активные “верхи”, ожидая от В. Путина позитивных в смысле своего доминантного интереса сдвигов, не слишком будоражили Пассивные “низы”. Важнейшую стабилизирующую роль сыграла несомненная популярность В. Путина в Пассивном классе, уставшем от перемен и потрясений постреволюционных 90-х годов. Эта – самая массовая – группа населения признала в В. Путине нового лидера, желающего и способного “позаботиться о народе”, и, не смущаемая “верхами”, проголосовала за него¹⁵.

И Активный, и Пассивный классы в общем не обманулись в своих ожиданиях, о чем свидетельствовал предновогодний сюрприз в виде зафиксированного в конце 2000 года экономического роста. Он означал, что денег стало больше: в Активном классе – намного, а в Пассивном – немножко. Тогда же опросы показали, что вырос оптимизм относительно ближайшего будущего¹⁶. Это обстоятельство свидетельствовало о возникновении в обществе необходимой для устойчивого роста положительной обратной связи: рост порождает оптимизм – оптимизм стимулирует активность – активность обуславливает рост.

С исторической точки зрения появились основания утверждать, что постреволюционная эпоха завершилась тем, что расчистила на территории России место для *духа денег*, уже ставшего для многих и мировоззрением, и идеологией, и даже религией. Он настоятельно требовал более рационально и более активно делать деньги. Иными словами, *дух денег* подталкивал к новым реформам и к расширению круга своих адептов. В 2001 году были декларированы многие реформы: налоги, пенсии, армия, образование, здравоохранение, административное управление и пр. В данном контексте важно не то, что их результаты неудовлетворительны (всегда хочется большего и лучшего), а то, что они превратились тогда в перманентный процесс обновления. Еще бо-

лее важно то, что идеологический компонент ушел на периферию политической борьбы. На первый план вышла борьба между оппонентами, не разделенными идеологической пропастью, то есть, по сути, между конкурентами, но в то же время – единомышленниками с точки зрения *духа денег*.

Второй круг

В начале нового века *дух денег* создал еще одну петлю положительной обратной связи: экономический рост привлекает новых адептов *духа денег* – новые адепты усиливают суммарную деловую активность – возрастание активности способствует росту экономики. В результате возник самоподдерживающийся кадровый приток в Активный класс.

Одна часть этого притока – молодые люди, проходившие первые этапы “школы жизни” уже в 90-е годы и поэтому не обремененные проблемой преодоления опыта существования в советскую эпоху. Им сейчас 20–30 лет, их легко распознать в банках, офисах, торговых залах, ресторанах по речи, внешнему виду, выражению лица. Они заметно отличаются от своих родителей и сверстников, оставшихся в Пассивном классе, деловитостью, рациональностью, мобильностью, кругозором и самое главное – целеустремленностью. *Дух денег* нашептывает им, чего следует хотеть, и они хотят именно этого. В ментальном плане эти люди – пополнение Первого круга.

Другая часть “новичков” Активного класса – Второй круг – это такие же бывшие советские люди, как и пионеры капитализма 90-х годов, но с некоторой задержкой развития, из-за которой их пребывание в “школе жизни” несколько затянулось. Они не оказались тогда достаточно энергичными и сообразительными, чтобы схватить за хвост птицу денежного счастья. В них дольше сохранялись советские “нельзя” и “лучше не высовываться”, не было той бесшабашности и готовности идти на риск, без которых в условиях “дикого капитализма” невозможно было ни выжить, ни добиться Успеха. Когда они почувствовали, что постреволюционная социальная пена оседает, что *дух денег* утвердился и поклонение ему не только не наказуемо, но и социально одобряется, они начали присоединяться к Активному классу. Но оказалось, что берега денежных рек были уже заняты и даже огорожены их более шустрыми сверстниками, успевшими пройти огонь, воду и медные трубы нелегкого бизнес-труда. Они отстали и, даже читая “Коммерсантъ”, не вполне понимали смысл специальных экономических терминов, но чувствовали, что эти термины связаны с вожделенными деньгами, и воспринимали их как музыку.

Поэтому Второй круг Активного класса стал осваивать относительно свободные берега денежной реки под названием Бюджет, благо экономический рост превратил ее из слабого ручейка в полноводный поток. Дел с Бюджетом оказалось много: пополнять, распределять, направлять, контролировать и проч. Таким образом, Второй круг связал свои надежды с Государством.

Возвращение Государства

В советские времена Государство было высшей инстанцией, а государственные интересы – сверхзначимым основанием для любых действий. Эпоха “гласности” конца 80-х годов развенчала символический смысл Государства, определила его как “командно-административную систему”, объявила причиной застоя и душителем свободы. Так возникли условия для январской революции 92-го года, суть которой, независимо от сопутствующей или последующей риторики, состояла в разрушении конструкции советского Государства. В первые постреволюционные годы само понятие “государство” утеряло свой смысл, так как были разрушены олицетворяющие его институты, а государственные мужи были заняты почти исключительно политической междуусобицей. К середине 90-х годов сложился симбиоз чиновников и “новых богатых” (обозначаемых с весны 97-го года как “олигархи”), причем последние занимали явно главенствующие позиции и никакие важные государственные решения не принимались без их участия – разумеется, при полноценном учете их денежных интересов. Понятие “государство” стало устойчиво ассоциироваться с бессилием, безволием и безденежьем. Престиж госслужбы был на нуле, а чиновники, тянувшие ляжку и потихоньку “пилившие” тощие бюджеты, ощущали себя неудачниками, неспособными на большие дела и большие деньги.

Из многих несомненных особенностей эпохи В.Путина важнейшей является радикальное изменение массовых представлений о Государстве: его образ трансформировался от слабости к силе, от негатива к позитиву по всем направлениям. Расхожие объяснения этого феномена основаны на явных положительных сдвигах в стране, происходивших с 2001 года и особенно впечатлявших тогда на фоне бурных 90-х годов. Сюда входят и политическая стабильность, и экономический рост, и выплаты пенсий и зарплат бюджетникам¹⁷, и энергичный авторитетный президент, постоянно демонстрирующий, что для него Государство является высшей и даже, можно сказать, сакральной ценностью.

Но все это следствия, предьявляемые в качестве причин. На самом деле истинная – подспудная – причина возвращения Государства состояла (и состоит) в том, что только оно (и это общемировая тенденция) может быть реальным гарантом, арбитром, координатором и кредитором по-настоящему большого бизнеса. Этот закономерный процесс, кроме всего прочего, привел к тому, что Второй круг, увлекаемый *духом денег*, отправился “делать деньги” на государственную службу, а не в рыночный сектор экономики.

Служение и деньги

Согласно прописным моральным правилам совмещение чиновником государственной службы и занятий бизнесом считается недопустимым, так как приводит к тому, что человек начинает преследовать совершенно разнонаправленные интересы. В итоге “долг” и “выгода” либо борются друг с другом и не дают человеку нормально работать, либо вступают в сговор и навязывают ему коррупционные модели поведения. В ментальности “нового человека” Второго круга чаще всего реализуется последний вариант: в нынешнем чиновнике без проблем сочетаются, казалось бы, несовместимые системы ценностей и правил, или, иначе, в нем одновременно присутствуют этос “служения”, характерный для “государева человека”, для чиновника, и этос “денег”, характерный для предпринимателя, бизнесмена¹⁸.

Этос “служения” предполагает приоритет не собственных, индивидуальных, а общих, государственных, интересов, добросовестное выполнение требуемых извне действий, а не стремление индивидуально реализовать внутренние импульсы. От чиновника требуется считать Успехом карьерный рост, повышение в чине, а не обогащение. И вообще, обязательным является соблюдение определенных стандартов по отношению к деньгам: чиновник должен исходить из принципа “не корысти ради” и, кроме того, подчиняться требованиям вести себя “как положено”, например вести аскетический образ жизни, получая скудное содержание, или, наоборот, “кормиться” от должности и получать подношения¹⁹. В любом случае действует запрет на выпячивание своего “Я”, на инициативное отличие от заданного стандарта.

В этосе “денег” во главу угла ставятся не внешние интересы, а, наоборот, именно собственные, эгоистичные, корыстные. Деньги здесь играют роль не инструментального средства поддержания жизнедеятельности, а становятся главной мотивацией, определяют высший смысл жизни, обозначают степень достигнутого жизненного Успеха. Ради денег предприниматель должен быть индивидуалистом, созда-

ющим свой “мир”, то есть антиподом чиновника, немислимого вне “системы”, которой он служит.

Советская “школа жизни” навязывала этос “служения”. В 90-е она изменилась, и в ней стали преподавать этос “денег”. Представители Второго круга были хорошими учениками в обеих “школах”: с советским опытом они не расстались и поэтому в 90-е годы отстали, а *дух денег* осваивали, наблюдая со стороны, как в 90-е годы делали деньги первые “новые богатые”.

Явление ЧИПа

Совмещение в одной персоне этоса “служения” и этоса “денег” приводит к возникновению гибрида чиновника-предпринимателя (для краткости – ЧИП). Как бизнесмен ЧИП делает все возможное, чтобы способствовать рыночному успеху причастных структур, в которых он явно или тайно является либо совладельцем, либо одним из топ-менеджеров. С одной стороны, благодаря чиновному рангу и статусу ЧИП обладает уникальными возможностями содействовать бизнесу, лоббировать его интересы, обеспечивать защиту как от конкурентов, так и от государственного и общественного контроля. С другой стороны, ЧИП, как и всякий приверженец *духа денег*, нацелен на активное и изобретательное “делание денег” и получение удовольствия от пользования деньгами²⁰.

Можно представить себе добросовестного ЧИПа, который видит свою бизнес-деятельность через призму государственных интересов и общественного блага, сохраняя тем самым равновесие императива чиновника (“долг”) и зова *духа денег* (“выгода”). Например, ЧИП, ответственный в городе за строительство жилья, распределяет бюджетные средства в контролируемые им фирмы и обосновывает это тем, что именно благодаря такому контролю жилье будет строиться вовремя и качественно. Он говорит себе: я для людей стараюсь, делаю благое дело (“служение”). Ну и, конечно, получаю много – но по справедливости (“корысть”). Ненормальность этой типичной ситуации “конфликта интересов” не рефлексируется и не осознается, так как в российском обществе распознавание таких ситуаций и понимание их недопустимости еще не стало очевидным и общепринятым. Обучение в “школе капиталистической жизни” еще не закончено.

Западные наблюдатели часто удивляются, как это в России многие ЧИПы живут с сознанием, раздвоенным “конфликтом интересов”. Они не задумываются о том, как их дедушки и прадедушки мучились, изучая этот предмет в течение долгих лет становления капитализма. Для них большая популяция ЧИПов однозначно свидетельствует о коррупционном характере

экономики, так как они не верят в идиллическую картинку, когда чиновник стремится делать добрые дела, пользуется для этого своей властью и получает за это вознаграждение. И правильно делают, что не верят. На самом деле симбиоз “служения” и “денег” рано или поздно с неизбежностью приводит к тому, что вознаграждения превращаются во взятки и “откаты”, а действия “во имя общественного блага” становятся действиями “во имя себя”, прикрываемыми риторикой о государственных интересах и служении.

Популяция ЧИПов

Парадоксальное раздвоение личности ЧИПа приводит к важным последствиям.

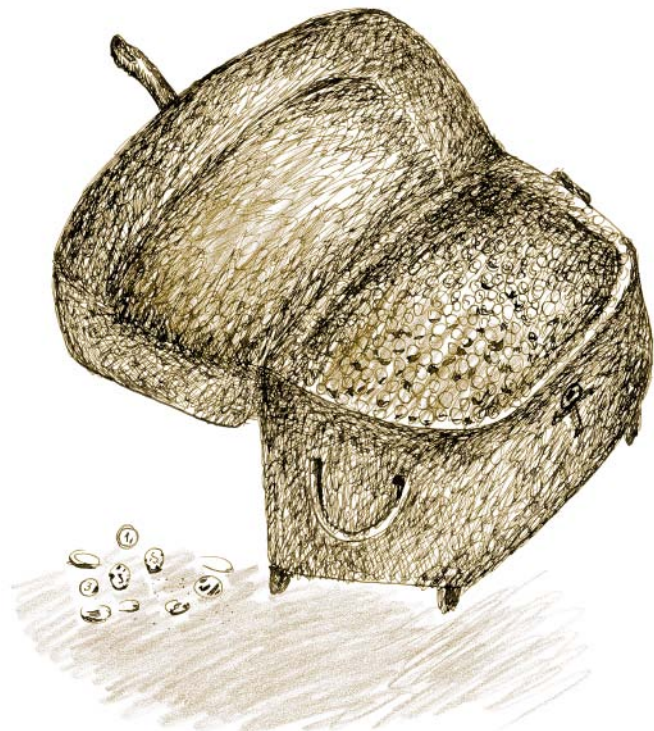
Первое из них связано с тем, что ЧИПы, будучи предпринимателями, вынуждены, как и все прочие предприниматели, участвовать в конкурентной борьбе. Но у них, в отличие от обычных бизнес-собратьев, есть дополнительные средства в виде той власти (power), которая вверена им государством. Поэтому для ЧИПов проще добиваться побед над конкурентами при посредстве силы (power), а не права. Эта сила в современном языке даже получила особое наименование – Административный ресурс. Она включает в себя как начальственное давление (“телефонное право”), так и принуждение с помощью вооруженных людей (“маски-шоу”). При довольно большой популяции ЧИПов и довольно слабой системе судебной защиты верховенство ЧИПов практически неизбежно. В бизнесе конкурентные столкновения обычно приводят к тому, что победитель присваивает капиталы и рынки побежденного и часто, в отличие от военных и спортивных единоборств, делает побежденного младшим партнером. ЧИПы, обладая властными возможностями, чаще всего поступают именно так (особые случаи, когда несговорчивый конкурент проигрывает, оказавшись под следствием или в тюрьме, следует рассматривать отдельно). В итоге такой “конкуренции” популяция ЧИПов усиливается и расширяется за счет рекрутирования в нее бывших конкурентов, а ныне – младших партнеров. Кстати, по такой схеме в сопряженные с ЧИПами бизнес-круги оказываются вовлеченными (после соответствующих процедур понижения статуса) и предприниматели откровенно криминального типа. Их капиталы и рынки с точки зрения *духа денег* ничем не хуже, а сами они при должных усилиях по наведению цивилизованного глянца теряют часть своих “чисто конкретных” особенностей²¹ и вписываются в границы обычного бизнеса²².

Вторая характерная особенность ЧИПов – их особое отношение к тем, кто в 90-е годы очертя голову

бросился в мутные рыночные воды и составил Первый круг адептов *духа денег*. Именно от них ЧИПы заразились стремлением “делать деньги” и переняли их “открытия”, как “делать деньги” в постсоветских условиях. Но ученики, вышедшие на большую дорогу жизни, часто обесценивают собственных учителей как устаревших и отживших свой век. На отношение ЧИПов к своим более шустрым предшественникам влияет еще и то, что те успели занять самые выгодные места “делания денег”. Поэтому конкуренция с ними ведется особенно жестко, и к ней расхожая поговорка предпринимателей “ничего личного – это только бизнес” чаще всего не относится.

ЧИПы и дух денег

Третье следствие раздвоения сознания ЧИПов состоит в том, что их поклонение *духу денег* также носит раздвоенный характер и, следовательно, оно не всегда искреннее и не обязательно долговременное. Любые *духи* – будь то религии, идеологии и т.д. – требуют, чтобы адепты отдавались им полностью, без остатка, чтобы у них не оставалось валентностей на служение чему-то иному. Например, при взгляде на западных бизнесменов не возникает сомнений в том, что они верны *духу денег* на всю жизнь. Им по наследству от отцов, дедов и прадедов досталась жесткая программа отношения к деньгам, закрепленная чуть ли не на генетическом уровне. Поэтому они, как гребцы на галерах, навсегда прикованы к *духу денег* и постараются, чтобы в свое время на их место у весел сели их дети. Другое дело – Россия, в которой отношения с ду-

хам денег исторически складывались совсем иначе, что связано со специфической трудовой этикой, в которой мирно уживаются два взаимоисключающих императива: “время – деньги” и “время – праздник”²³.

Что касается ЧИПа, то у *духа денег* есть все основания считать его ненадежным, так как вторая половина его персоны связана с совсем иными мотивациями, нежели деньги. Кроме соображений карьеры, за которую “никаких денег не жалко”, есть еще один фактор. Любой ЧИП находится в зависимости от административной системы и остро осознает шаткость своего статуса. Поэтому он должен торопиться, у него нет времени, он должен успеть “снять” прибыль до перемен в своей судьбе. Таким образом, “конфликт интересов” не только раздваивает сознание ЧИПов, но и специфическим образом перечеркивает чувство перспективы в их отношении к деньгам. Поэтому у ЧИПов обычно плохо получается все, что связано с инвестициями, в основе чего лежат представления о результатах, отложенных на будущее, и, наоборот, хорошо получается все, что связано с управлением бюджетными средствами, позволяющими получить прибыль “здесь и сейчас”.

“Конфликт интересов”, который ЧИПы неизбежно носят в себе, приводит к тому, что иногда предприниматель в ЧИПе отступает на второй план – и тогда производятся действия наперекор *духу денег* и даже во вред ему. Например, ЧИП отказывается от бизнес-партнерства, тормозит проекты, затягивает решение проблем, хотя при этом теряет деньги и, следовательно, поступает иррационально по отношению к логике *духа денег*. Предприниматель может недоумевать, почему ЧИП мешает ему и к тому же наносит денежный вред самому себе, почему ЧИП нарушает договоренности и по ходу дела меняет правила. Он видит в этом прихоть или произвол и не понимает, что сталкивается с имманентным свойством природы ЧИПа, преданность которого *духу денег* частична и временна.

Очередная российская развилка

Дух денег преследует тех, кто не отдается ему без остатка, и в этом смысле социальный тип ЧИПа глубоко антипатичен *духу денег*, так как в силу своей раздвоенности его устремленность к деньгам не так сильна и не так устойчива, как у “чистых” предпринимателей. Но есть еще более весомая причина необходимости (с точки зрения *духа денег*) морального и правового осуждения ЧИПов. Она состоит в том, что у ЧИПов отсутствует столь необходимая *духу денег* неутолимость желания “делать деньги”, они склонны к насыщению, за которым следует замедле-

ние бизнес-активности и даже переключение на иные сферы интересов, сопряженных с обладанием властью, как-то: карьера, паблисити, интриги, упоение властными возможностями, или просто имитация активности, скрывающая усталость и недееспособность. Исходя из этого, а также учитывая, что популяция ЧИПов стремится к экспансии, *духу денег* в обществах, где этой популяции удастся занять главенствующую роль, грозит замедление развития, застой, отставание, конкурентный проигрыш. Именно поэтому западные моральные системы, сформированные в интересах *духа денег*, так настойчиво разводят ролевые модели чиновника и предпринимателя, так настойчиво требуют изживать “конфликты интересов”²⁴.

С началом нового века в России начался бурный рост популяции ЧИПов. В первые два года (2001–2002) это сказалось благотворно на социально-экономической ситуации в стране, так как первые шаги ЧИПов на командных позициях были направлены в первую очередь на снижение общего уровня хаоса, унаследованного от постреволюционных 90-х годов. Это было вполне рационально с точки зрения *духа денег* и делалось во имя его, что подтверждают, например, декларированные установки на улучшение инвестиционного климата и удвоение ВВП к 2010 году. В 2003 году возникли первые явления, связанные с характерной двойственностью природы ЧИПов. С одной стороны, они активно способствовали экономическому росту и, как истинные поклонники *духа денег*, радостно отмечали рост бюджета и его профицитный характер, десятикратное увеличение золотовалютного запаса, накопление средств в стабилизационном фонде. С другой стороны, их популяция поглощала все больше бизнесов Первого круга и тем самым постепенно отпугивала *дух денег*. К концу 2004 года, когда завершились политические пертурбации, связанные с парламентскими и президентскими выборами, стало ясно, что *дух денег* оказался на очередной исторической развилке, так как ослабление нечиновной части Активного класса и, наоборот, усиление ЧИПов стало угрожать будущему *духа денег* в России.

Духу денег нужен Третий круг

Вывавшись на свободу после январской революции 92-го года, *дух денег* несколько раз переживал драматические моменты, когда решался вопрос, быть ему или не быть. В 93-м году, чтобы выжить, *духу денег* пришлось пойти на силовые меры и устроить стрельбу из танков в Москве, в 96-м году он вместо танков применил дотоле невиданное в России политтехнологическое оружие и не отдал власть

коммунистам, в 99-м году он смог найти выход из политического тупика и обеспечить передачу властной эстафеты от Б. Ельцина В. Путину. Проблема-2005, вставшая перед *духом денег*, состоит в том, что, с одной стороны, его адепты, составляющие Первый круг, находятся в угнетенном состоянии и не могут полностью реализовать свой потенциал “делания денег”, а, с другой стороны, адепты из Второго круга при всей их глубокой и искренней любви к деньгам своей деятельностью не способствуют, а иногда и мешают процессам “делания денег” – в силу раздвоенности мировоззрения.

В такой ситуации *дух денег* мог бы инициировать в обществе поход за моральное очищение ЧИПов, за то, чтобы часть из них, особо преданная *духу денег*, ушла бы в бизнес, оставшиеся (и вновь приходящие) – избавились от бизнес-устремлений и служили бы государству за вознаграждение, а нежелающие преодолеть “конфликт интересов” наказывались бы посредством общественного или даже

судебного осуждения. Такая стратегия хороша в странах, где преданность *духу денег* прошла закалку в нескольких поколениях и некоторое сокращение поля его приверженцев за счет сепарации чиновников и бизнесменов не наносит особого ущерба *духу денег*. В России же при достаточно радикальных попытках борьбы за моральную чистоту ЧИПов и отлучения их от бизнеса под предлогом, например, борьбы с коррупцией возможны непредсказуемые исходы. *Дух денег* пока еще слишком слаб, и есть все основания опасаться, что в пылу борьбы с ЧИПами вместе с водой будет выплеснут и ребенок, то есть искоренен, как это не раз бывало в российской истории, и сам *дух денег*.

С позиции *духа денег* рациональнее создать Третий круг своих приверженцев. Так могут быть достигнуты сразу две цели: во-первых, общее поле сторонников *духа денег* расширится, и, во-вторых, возникнут условия, в которых легче будет противостоять чрезмерному усилению популяции ЧИПов.

Примечания

¹ **Всевозможные знания и представления составляют особый мир теорий**, создаваемый людьми в ходе коммуникаций, доступный им при посредстве коммуникаций и существующий до тех пор, пока продолжаются коммуникации. В этом состоит знаменитая концепция Кар-

ла Поппера о “трех мирах” (Поппер К. Эпистемология без субъекта знания // Объективное знание. М.: УРСС, 2002).

“Во-первых, мир физических объектов или физических состояний; во-вторых, мир состояний сознания, мыслительных (ментальных) состоя-

ний и, возможно, предрасположенностей, диспозиций к действию; в-третьих, мир *объективного содержания мышления*, прежде всего содержания научных идей, поэтических мыслей и произведений искусства... Обитателями моего третьего мира являются прежде всего *теоретические систе-*

мы; не менее важными его жителями являются *проблемы и проблемные ситуации*. Однако наиболее важными его обитателями – это я буду специально доказывать – *критические рассуждения* и то, что – по аналогии с физическим состоянием или состоянием сознания – можно назвать *состоянием дискуссий* или *состоянием критических споров*; конечно, сюда относится и содержание журналов, книг и библиотек” (с. 108–109).

Мир теорий – живой мир, в нем постоянно происходит воспроизводство теорий и их борьба за выживание – см.: *Ослон А.* Мир теорий в эпоху “охвата” (Отечественные записки. 2003. № 4. С. 31–43), где мир теорий описывается как конкурентная среда, в которой теории стремятся к тому, чтобы как можно глубже “захватить” и как можно шире “охватить” своих приверженцев. Вообще, идеи эволюции в мире теорий породили огромный корпус текстов; см., например: *Поттер К.* Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. М.: УРСС, 2000; *Кун Т.* Структура научных революций. М.: АСТ, 2001; *Цокалов С.* Дискурс радикального конструктивизма. Мюнхен, 2000.

2 Эпидемиологические аналогии нашли свое отражение в широко известной книге *Р. Докинза* Эгоистичный ген (М.: Мир, 1990), где вводится особое понятие социального вируса под названием “мем” (иногда – “мим”, от греческого “mimesis” – подражание), получившее широкое распространение (см., например: *Броди Р.* Психические вирусы. М.: Центр психологической культуры, 2001).

3 Одна из ключевых социологических книг XX века – *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности (М.: Медиум, 1995) описывает, как люди создают социальный мир и как социальный мир создает людей. Одно из основных ее понятий – “смысловой подуниверсум”, играющий для группы людей

роль той смысловой “призмы”, через которую они видят то, что считают реальностью. Это близко к тому, что в данном тексте обозначается понятием *дух*. Под влиянием этой книги и в приложении к проблематике социологических опросов см. текст, написанный в жанре интервью: *Ослон А.* Человек – миноритарный акционер своей картины мира // Отечественные записки. 2002. № 3. С. 203–219.

4 Для М. Вебера понятие духа было вполне естественным: для него дух воплощен в образе мышления людей, объединенных общим делом, а само дело есть следствие движущей силы духа. (*Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма / Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990).

“Мы... применяем здесь понятие “дух (современного) капитализма” для определения того строя мышления, для которого характерно систематическое и рациональное стремление к законной прибыли в рамках своей профессии... обосновываем это тем историческим наблюдением, что подобный строй мышления нашел в капиталистическом предприятии свою наиболее адекватную форму, а капиталистическое предприятие в свою очередь нашло в нем наиболее адекватную духовную движущую силу” (с. 85).

5 В. Зомбарт в полемике с М. Вебером дал свою версию становления капитализма, но она имеет ту же – духовную – природу: капитализм порождается хозяйственным духом. Вот как описано это базовое понятие в книге: *Зомбарт В.* Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь (М.: Айрис-пресс, 2004).

“Если говорить образно, то можно относиться к хозяйственной жизни как к организму и утверждать о нем, что он состоит из тела и души. Хозяйственное тело образуют те внешние формы, в которых функционирует хозяйственная жизнь: хозяйственные и технические формы, мно-

гообразные организации, в среде которых и с помощью которых осуществляется хозяйственная жизнь... Хозяйственный дух – это совокупность душевных свойств и функций, сопровождающих хозяйственную деятельность. Это все проявления интеллекта, все черты характера, открывающиеся в хозяйственных стремлениях, но это также и все задачи, все суждения о ценности, которыми определяется и управляется поведение хозяйствующего человека” (с. 8–9).

И далее. “Экстенсивное развитие определенного хозяйственного духа находит выражение в количестве индивидуумов, которые исполнены его в каждом случае; определенный дух может проявлять весьма высокую интенсивность развития в отдельном хозяйствующем субъекте, на найдя себе широкого распространения, – наоборот, многие полинялые черты общего хозяйственного духа или некоторые немногие сильно развитые черты могут быть найдены у большого числа индивидуумов. Определенный дух “господствует” в известное время тогда, когда он вообще имеет широкое распространение, он *преобладает*, когда он определяет собою хозяйственные действия большей части хозяйствующих субъектов” (с. 13–14).

6 Заявление об особом духе коммунистической идеологии, обладающем реальной силой, содержится в первых фразах “Манифеста коммунистической партии”, опубликованного К. Марксом и Ф. Энгельсом в 1848 г.

“Призрак бродит по Европе – призрак коммунизма. Все силы старой Европы объединились для священной травли этого призрака... Коммунизм признается уже силой всеми европейскими силами”.

7 О советских “платежных средствах” см.: *Кордонский С.* Рынки власти. Административные рынки в СССР и России. М.: ОГИ, 2000.

“Так же, как и рубли, административная валюта была наличной или безналичной (валюта прямого приказа или опосредованного в системе интересов распоряжения), разной номинальной стоимости (бумаги на партийных бланках ценились выше, чем на бланках советских органов) и т.д.” (с. 103).

8 Понятия Активного и Пассивного классов являются, в сущности, метафорами, обозначающими скорее не наличие/отсутствие денег; а две разные ментальные установки: деньги – ценность/не ценность. Поэтому могут быть предложены различные операциональные основы для грубой оценки их объема среди населения современной России. В одном из опросов Фонда “Общественное мнение” (20–21 августа 2005 г., городское и сельское население 100 населенных пунктов в 63 субъектах РФ, выборка 1500 респондентов) для этого был использован своего рода тест, состоящий из четырех вопросов. Вот их сокращенные формулировки: “Хватает ли Вам денег на жизнь?”, “Стремитесь ли Вы иметь как можно больше денег?”, “Есть или нет сегодня у людей, которые хотят и могут работать, возможность прилично зарабатывать?”, “Есть ли у Вас шансы стать человеком, имеющим много денег?” Доля респондентов, хотя бы на три вопроса из четырех давших ответы “в пользу” *духа денег*, составила 17%. Это и есть примерный объем группы приверженцев *духа денег* в России, уже состоявшихся в смысле денежного успеха или нацеленных на такой успех. Интересно, что в этой группе 70% людей в возрасте 18–35 лет (при том что в среднем по выборке – 35%), 57% мужчин (в среднем – 47%), 25% с высшим образованием (в среднем – 17%).

9 Дух денег явился в страну, где население было в неведении относительно многих аспектов самого понятия “деньги”. На Западе оно формировалось в течение нескольких столетий и привело к обширному

смысловому пространству “множественных денег”; см., например: *Зализер В.* Социальное значение денег. М.: ГУ ВШЭ, 2004. В России история денег всегда была в большей или меньшей степени сопряжена с крестьянским менталитетом: *Мионов Б.* Социальная история России. Том 1. СПб.: Изд-во Дмитрий Буланин, 1999.

“К власти и славе, в современном понимании этих слов, крестьянин относился равнодушно, к богатству – противоречиво. С одной стороны, он понимал, что деньги могут дать власть, силу и материальное благополучие. С другой стороны, он считал, что богатство аморально, так как всегда нажито не по совести и правде, в ущерб и за счет других. Оно не приносит душевного спокойствия, наоборот, обладание им сопряжено с большими хлопотами, волнениями и страхом за свое будущее на том свете, в вечной потусторонней жизни” (с. 327–328).

Бурное промышленное развитие в конце XIX–начале XX века вызвало распространение *духа денег* европейского толка, но одновременно

“...поток мигрантов из деревни повлек за собой окрестьянивание городского населения как по социальному составу, так и по образу мысли и образу жизни... В результате за 49 лет [1858–1907 гг.] численность крестьян-горожан возросла в 4,6 раза, а прочих жителей городов – лишь в 1,5 раза” (там же, с. 341).

Этот фактор способствовал победе большевиков, при которых западный *дух денег* был объявлен вне закона. За 75 лет существования СССР сформировались и получили массовое распространение специфические советские представления о деньгах. Основные на идеологической риторике презрения к деньгам (Ленин мечтал об изготовлении унитазов из золота), они порождали типичное советское двоемыслие: включали в себя одновременно жажду денег и страх иметь их.

Поэтому после революции 92-го года, когда *дух денег* занял в россий-

ской ментальности главенствующее положение, оказалось, что россияне, включая новоявленных предпринимателей, по-взрослому хотели денег, но были по-детски наивны во всем остальном, связанном с деньгами. Держать деньги “в кубышке”, а не в банке, не возвращать вовремя долги, тратить больше, чем зарабатываешь, вкладывать деньги в авантюрные проекты, не платить налоги, не различать “чистые” и “грязные” деньги, выставлять свои деньги напоказ, предпочитать наличные, верить доллару и не верить рублю, тщательно считать малые суммы, но бездумно тратить и “прожигать” большие, вести “черную” бухгалтерию, обращаться с жалобами на кредиторов не в суд, а к бандитам и т.д. и т.п. – вот живописный и далеко не полный перечень следствий из примитивного понимания денег, возникшего в постсоветском вакууме и так удивлявшего западных людей.

10 О рекламе начала 90-х как об учителе жизни написано много, например: *Сальникова Е.* Эстетика рекламы: культурные корни и лейтмотивы. М.: Ин-т искусствознания, 2001.

“...Реклама выполняла и <кроме информирования> грандиозную чисто психологическую функцию для огромных масс телезрителей... Они воспринимали рекламу как пришествие новой, спонтанно формирующейся идеологии. Она состояла из той системы ценностей, в которой открытым текстом провозглашалась первостепенная ценность личного благополучия и успеха, индивидуального комфорта, интимных удовольствий” (с. 197).

“Реклама первых <постреволюционных> лет представляла не предметы общего массового потребления, но предельно элитарные и недоступные массовому потребителю товары. Для российского народа реклама являлась тем пространством, где кучкуются “другие” кухни, “другие” корабли, “другие” пылесосы, все “другое” (там же, с. 201).

“Реклама стремилась показать то, что все жаждали видеть и иметь. Среди этого были прежде всего деньги. Они фигурировали в роликах по любому поводу, их считали, дарили, ими что-то оплачивали, их экономили, вынимали из сейфа или прятали там и, конечно, их “выдавали” счастливым вкладчикам, рискнувшим доверить свои сбережения финансовой компании или коммерческому банку. Прагматичная западная реклама показывает деньги лишь в крайнем случае, чтобы не напоминать о прагматике купли-продажи. В наших традициях мечтаемого умозрения по-

казать деньги – означало лишний раз дать их человеку хотя бы в виде визуального образа” (там же, с. 202).

11 Число пострадавших осенью 94-го года от разорения множества финансовых пирамид, начавшегося со скандального фиаско самой знаменитой из них – “МММ”, составляло, по опросам Фонда “Общественное мнение”, не менее 20 млн человек. Но практически все население страны переживало если не потерю денег, то по крайней мере потерю иллюзий и надежд на чудесные перемены. Сей-

час даже трудно представить, какова была в то время глубина массового разочарования. Это была одна из тех редких в истории ситуаций, когда десятки миллионов людей одновременно переживают сильные и во многом совпадающие чувства. Немудрено, что в 95-м году социальная атмосфера в стране существенно изменилась.

12 Залоговым аукционам конца 1995 года сейчас придается значение крупнейшего акта передачи государственности в частные руки “олигархов” за “смешные” деньги. По экономичес-

Деньги в нашей жизни

Стремление к деньгам, еще недавно всемерно порицавшееся в нашей стране – причем отнюдь не только официальной идеологией, – обрело, по всей видимости, определенную культурную легитимацию. Сейчас россияне не видят в нем ничего предосудительного, и большинство опрошенных (58%) заявляют, что стремятся иметь как можно больше денег, причем среди молодежи о таком стремлении заявляют 78%. Лишь немногим более трети респондентов (36%) говорят, что не стремятся к этому (чаще

других – люди пенсионного возраста, у которых, нельзя не заметить, и возможности реализовать такое стремление весьма ограничены).

Но только каждый четвертый респондент (24%) говорит, что у него есть шанс стать человеком, имеющим много денег (среди тех, кто к деньгам стремится, – 32%), тогда как две трети (66%) считают, что у них подобного шанса нет. Очень характерна дифференциация мнений по этому вопросу в зависимости от возраста: молодые чаще склонны усматривать для себя шанс

стать людьми с деньгами, чем отрицать его (47% против 38%), тогда как среди респондентов среднего возраста только 18% считают, что такая перспектива для них не закрыта. Что же касается оценки уже не своих собственных перспектив, а условий для достижения материального благополучия в современной России в целом, то треть (31%) опрошенных полагают: у людей, которые могут и хотят работать, достаточно возможностей прилично зарабатывать. Противоположного мнения придерживаются 60% участников опроса.

На сегодняшний день только четверти опрошенных (24%), по их словам, хватает денег на жизнь, тогда как большинству – 75% – не хватает. Кстати, чаще денег не хватает людям среднего возраста – среди них об этом заявили 81%. Очевидно, это связано с тем, что представителям среднего поколения приходится кормить не только себя, но еще и несовершеннолетних, а нередко – и совершеннолетних, детей, некоторым же – и престарелых родителей.

Елена Вовк

Фонд "Общественное мнение". Всероссийский опрос городского и сельского населения в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик всех экономико-географических зон. Метод опроса - интервью по месту жительства. Статистическая погрешность не превышает 3,6%. 13-14 августа 2005 года. 1500 респондентов.

ким масштабам это, как показывают факты, конечно, миф. В ноябре–декабре 95-го частичное (!) разгосударствление коснулось лишь 12 предприятий, в том числе шести нефтяных компаний, трех заводов и трех пароходств. См., например: *Кох А., Свиначенко И.* Ящик водки. Том 3. М.: ЭКСМО, 2005.

“В общей сложности было получено в бюджет около 1 млрд 100 млн долл. ...Сейчас, когда капитализация наших крупных компаний измеряется миллиардами долларов, мы уже и не помним, что осенью 1995 года акции этих самых компаний стоили копейки. Вот, например, сколько стоили в РТС 38% акций “Норильского никеля” в день проведения аукциона 17 ноября 1995 года? Ни за что не догадаетесь. 147 млн долларов. Да и откуда взяться высоким ценам в стране, где отечественный капитал еще не набрал сил, а иностранный — смотрел с опаской на Россию, в которой вот-вот к власти придут коммунисты. Да и участвовать в аукционах им запретили”.

13 Об истории переизбрания

Б. Ельцина. В декабре 1995 года после победы на парламентских выборах партии коммунистов во главе с Г. Зюгановым и увольнения из правительства А. Чубайса шансы Б. Ельцина на переизбрание стали практически нулевыми, а избрание Г. Зюганова и, как следствие, реставрация советского порядка и преследование *духа денег* считались экспертами (особенно западными) неизбежными. Однако *дух денег* мобилизовал самых крупных предпринимателей Первого круга, уже получивших собственность через приватизацию и залоговые аукционы. Они сумели преодолеть разногласия и, создав “аналитическую группу Чубайса”, переломили ситуацию. Подробнее об этом см.: *Ослон А.* Выборы-96: социология и политика / Десять лет социологических наблюдений. М.: Институт ФОМ, 2003. С. 379–396.

14 Социологическая хроника взлета популярности В. Путина

осенью 99-го и в течение 2000 года описана в статье: *Ослон А.* “Путинское большинство” как социальный факт (Десять лет социологических наблюдений. М.: Институт ФОМ, 2003. С. 335–345). Тогда, по опросам, электронный рейтинг В. Путина (доля населения, выражающая готовность голосовать за него на выборах) увеличился с 1–2% в августе (после назначения на пост премьер-министра) до 45% в декабре и сохранялся на этом уровне с небольшими колебаниями в течение всего 2000 года.

15 **В. Путин выиграл президентские выборы** 26 марта 2000 г. в первом туре, набрав 52,7% голосов избирателей. На второй срок он был избран 14 марта 2004 г. с результатом 71,3%.

16 **С целью мониторинга уровня социального оптимизма** в конце года в опросы ФОМа включается вопрос: “Как Вы думаете, наступающий год будет для России в целом лучше, хуже или таким же, как уходящий год?” Вариант “лучше” собрал рекордные доли ответов респондентов именно в 1999 и в 2000 годах. Вот полный ряд имеющихся данных: 1994 год – 14%, 96-й – 27%, 97-й – 27%, 98-й – 16%, 99-й – 46%, 2000 – 47%, 2001 – 31%, 2002 – 33%, 2003 – 33%, 2004 год – 27%.

17 **Задержки выплат пенсий и зарплат** работникам бюджетной сферы приобрели массовый характер в 1995 году. Сейчас уже трудно представить себе, какой это вызвало шок у десятков миллионов людей, так как в советское время стабильность выплат была “священной коровой” и было немисливо, например, чтобы старики возвращались из Сберкассы в день пенсии ни с чем. Как показывали опросы, эта проблема осенью 96-го стала первой по значимости и оставалась таковой до осени 99-го года, когда выплаты начали произво-

диться вовремя и стали погашаться долги за предыдущие годы.

О масштабе проблемы и ее решении свидетельствуют, например, следующие данные: в январе 99-го года 72% пенсионеров утверждали, что государство задолжало им пенсии, в апреле их оказалось 58%, в июле – 50%, в октябре – 9%, в январе 2000 года – 6%.

18 **О соотношении этоса “денег” и этоса “служения”.** *Согомонов А.* Генеалогия Успеха и Неудач. М.: Солтэкс, 2005.

“Деньги и Карьера – не просто явления разнопорядковые, но и дихотомичные. Носителю идеи карьерного успеха для демонстрации своей преданности биографической идее карьеры (в первую очередь, политической) необходимо постоянно акцентировать свою индифферентность и даже негативизм к деньгам и накопительству. И напротив, “слуги” денежного успеха демонстрируют свое презрение к карьерным мотивам (прежде всего, карьере государственной и политической), а также независимость от любых внеличностных факторов своего успеха во имя денежной репутации. В идеале современного типа биографического проектирования Деньги и Карьера – достигательно несовместимы” (с. 237–238).

19 **Современный чиновник уходит корнями в историю** и, сам того не сознавая, во многом воспроизводит практики давно ушедших времен. О последних можно прочитать, например, в книге: *Миронов Б.* Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.). Том 2. СПб.: Изд-во Дмитрий Буланин, 1999, глава “Отличие российского чиновника от идеального чиновника”.

“...В XVII–первой половине XVIII в. подношения чиновникам являлись составной частью их содержания. Закон преследовал только те подношения, которые провоцировали чинов-

ника на нарушения закона. Такие незаконные подношения назывались “посулами”, в то время как законные, способствующие быстрому и благожелательному рассмотрению дела в соответствии с законом и обычаем, – “почестями”. “Почесть” символизировала уважение и желание просителя попасть под покровительство чиновника, “посул” – предложение нарушить закон... Для высших должностных лиц на местах – воевод вплоть до 1760-х гг. повсеместно практиковался и хорошо сохранился обычай древнего кормления, который осуществлялся следующим образом. От трех до четырех раз в год (Рождество, Пасха, Петров день и Масленица) крестьянские общины, проживавшие на подвластной территории, по очереди приносили корм, или взятки, которые определялись традицией” (с. 164).

20 Для своего бизнес-участия ЧИПы выработали множество практических схем. Наиболее известны самые ходовые, например легальная схема – формально законное “избрание” в совет директоров компании (особенно если это компания с государственной долей собственности), теневая схема – оформление своих партнерских долей в бизнесе на подставных лиц и т. д. Вообще, эта тема еще ждет своих исследователей. В данном случае речь не идет о банальных взятках, “крышевании” или воровстве, когда через приписки или манипуляции с финансовой отчетностью организуется денежный ручеек на личный счет. И тем более – не о явно криминальных способах увода денег через, например, невозвращенные фиктивные кредиты. Все гораздо серьезнее, когда ЧИП своими действиями реально приносит пользу своему бизнесу, развивает его и, таким образом, “зарабатывает деньги”. Эти практики получили распространение уже в “эпоху Путина”, в отличие от 90-х годов, когда все было грубее

и проще: бизнесом занимались предприниматели, а чиновники сидели у них на зарплате.

21 В языке 90-х годов для обозначения персоны, находящейся на полпути от состояния криминального “авторитета” к состоянию легального предпринимателя, даже возник специальный термин: “авторитетный предприниматель”. См.: *Моченов А. и др.* Словарь современного жаргона российских политиков и журналистов. М.: Олма-Пресс, 2003.

22 Об интеграции криминального бизнеса в легальный см.: *Волков В.* Силовое предпринимательство. СПб. – М.: Европейский ун-т – Летний сад, 2002.

“Те ОПГ (организованные преступные группировки), которые не смогли адаптироваться к легальной экономике, сохранили свой статус преступной группировки – и потеряли прежнее влияние, а те, немногие, которые пошли по пути переопределения прав собственности в пользу экономических субъектов, активно использовали возможности легальных форм собственности и заключили неформальный пакт с региональными властями – по сути перестали существовать как ОПГ. Обусловленность дальнейшего успеха рядом новых принципов, начиная с осознания экономической нецелесообразности высокого уровня насилия и заканчивая более сложной зависимостью от профессионального менеджмента, создало предпосылки для превращения ОПГ в региональные бизнес-группы” (с. 180).

23 Об особенностях национальной трудовой этики пишет Б. Миرون в цитированном выше томе 2 “Социальной истории...”.

“Согласно принципам минималистской трудовой морали, работать следует до удовлетворения традиционных, скромных по своему составу потребностей семьи и не стремиться

к накоплению; напротив, максималистская трудовая этика ориентирует человека на достижение максимально возможного результата в своей работе, а предпринимателя – на максимальную прибыль” (с. 305).

“...Российский народ вплоть до 1917 г. жил по принципам традиционной трудовой этики или по христианским заповедям, т. е. не превращал трудолюбие, деньги и время в фетиши, которым следует поклоняться. Время – не деньги, был он уверен, время – праздник!” (там же, с. 317).

С другой стороны, М. Вебер в самом начале упомянутого выше трактата “Протестантская этика и дух капитализма” приводит в качестве ключевой для его темы выдержку из труда Бенджамина Франклина (1736).

“Помни, время – это деньги; тот, кто мог бы ежедневно зарабатывать по десять шиллингов и тем не менее полдня гуляет или лентяйничает дома, должен – если он расходует на себя всего только шесть пенсов – учесть не только этот расход, но считать, что истратил или, вернее, выбросил сверх того еще пять шиллингов” (с. 71).

24 К представлениям о вредности “конфликтов интересов” дух денег приучал западный мир в течение долгого времени и изживал из общества тех, кто допускал для себя такие ситуации. В первую очередь это касалось и касается чиновников, которые, поступая на государственную службу, должны публично обещать не быть ЧИПами, отречься от духа денег с использованием особых ритуалов, например отказ от постов в корпорациях, передача своих акций в траст, декларирование финансового состояния и его источников, принесение присяги и т. д. Явные нарушения этих неписаных законов в тех обществах, где царит дух денег, расцениваются как один из самых тяжких грехов и жестоко наказываются. Российская же бизнес-культура пока не доросла до понимания того, что “конфликт

интересов” просто экономически вреден. У нас это вызывает снисходительные улыбки. Сообщение <http://www.businesspress.ru> 23 мая 2003. “Госдума неожиданно приняла в первом чтении Кодекс поведения госслужащих, на который правительство прислало парламентариям отрицательное заключение. Авторы законопроекта хвастают тем, что впервые ввели понятие конфликта интересов на государственной службе. Если кодекс обретет силу закона, чиновники

должны будут сообщать о своих коммерческих интересах, а заодно и об интересах коллег в специально уполномоченные органы. Кодекс предписывает госслужащему “не допускать, чтобы его частные интересы сталкивались с его публичными служебными обязанностями”. Он должен “информировать” неназванные “уполномоченные органы” о своих бизнес-интересах и о нарушениях кодекса, которые допускают другие чиновники. ...Нынешние госчиновники считают

депутатов и общественных деятелей мечтателями. “Там написано почти все о том, что нужно делать, чтобы быть хорошим мальчиком, – иронизирует замруководителя аппарата правительства Алексей Волин, считающий информацию, содержащуюся в проекте, “бесполезной или избыточной”. – Я мог бы еще добавить в этот проект при втором чтении, что высшим госчиновникам не следует переходить улицу на красный свет и заплывать за буйки”

Словосочетание “азартные игры” знакомо практически каждому взрослому жителю нашей страны – только 2% опрошенных услышали его впервые в ходе опроса. На практике же с азартными играми знакома треть россиян: 63% опрошенных заявили, что никогда в них не играли.

В карты на деньги играли 20% респондентов, среди мужчин – 35%. Вторые по популярности – игровые автоматы: опыт “общения” с ними имеют 16% опрошенных. Причем у молодежи игровые автоматы популярнее карт (28% против 22%), тогда как у “игроков” среднего поколения популярнее карты (24% против 13%). В другие азартные игры (рулетка, кости и т.д.) играли сравнительно немногие – в целом не более 10% опрошенных.

Россияне довольно оптимистично оценивают результаты своего участия в азартных играх: доля тех, кто заявил, что чаще проигрывал, лишь вдвое превосходит долю тех, кто заявил, что чаще выигрывал (12%

Азартные игры

против 6%). Еще 15% опрошенных полагают, что с материальной точки зрения они остались в итоге “при своих”. Неудивительно, что соотношение удачливых и неудачливых игроков среди “картежников” (15% – чаще выигрывали, 26% – чаще проигрывали) заметно отличается от того, которое фиксируется среди любителей игровых автоматов (17% и 49%).

Что касается распространенности игровых автоматов в России, то их сегодня можно встретить, по всей видимости, на каждом шагу. Во всяком случае, три четверти опрошенных (74%) сказали, что рядом с местом их жительства стоят “однорукие бандиты”, как было модно называть игровые автоматы в то время, когда они казались почти сугубо американской реалией. В городах этот показатель превышает

85%, однако и в селах данный бизнес представлен довольно широко (31%). Большинство респондентов (58%) отмечают, что за последний год количество игровых автоматов у них в населенном пункте увеличилось. Репутация у них не самая лучшая: 48% опрошенных (или две трети тех, у кого автоматы есть рядом с домом) выступают за то, чтобы количество игровых автоматов в их населенном пункте было уменьшено, и только 18% говорят, что для них эта проблема не имеет значения.

Петр Бавин

Опрос населения в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик России. Интервью по месту жительства 30-31 июля 2005 г. 1500 респондентов. Статистическая погрешность не превышает 3,6%.

MAN POWER &

Г. Любарский

Чиновники и госслужащие: когда монету ценят за герб и ругают за решку

Противоречия, сплошные противоречия – вот чем наполнены мнения людей о чиновниках. Гражданин хочет видеть чиновника законопослушным и ответственным. Действие чиновника – эффективным, сообразным, прозрачным и логичным. Основную задачу чиновника формулирует как неравнодушие, вхождение в заботы “маленького человека”, постоянную ему помощь, и вообще – человеческое отношение.

Гражданин обвиняет чиновника в неэффективности и взяточничестве, в отсутствии человеческого отношения (зависимости его от взяток)...

46% респондентов в ходе опроса ФОМа за 2004 год* заявили, что чиновники стали работать хуже, чем в советское время. “Нет, не хуже”, – возразили им 38%.

Чиновников ругают, как ругали всегда. Впрочем, мнения наших сограждан контрастны. В резких тенях теряется рассматриваемая фигура. Давайте установим еще один источник света – взгляд государства, стоящего за спиной любого чиновника, и в этом освещении попробуем рассмотреть, что есть современный чиновник.

Государство говорит законами, реформами, уложениями, методичками, концепциями “разъясняющих” кампаний информационного сопровождения новаций.

Вот пример из “Концепции информационного сопровождения федеральной программы” (2003): “...В силу незавершенности мероприятий по административной реформе и сохраняющейся отчужденности значительной части населения от процесса экономических и политических реформ, вокруг темы реформирования системы государственной службы сформировался целый ряд стереотипов восприятия”.

И что же за беда со стереотипами? А, вот: “...Недифференцированное восприятие чиновничества в обществе, отсутствие понятийного и психологического разделения общества на чиновничество разных уровней (федерального, регионального и муниципального)”. Замминистра, значит, путают с теткой из ЖЭКа.

“...Превращение в восприятии общества управленческого аппарата в главный тормоз на пути реализации реформ...” И дальше: “Происходит формирование устойчиво негативного образа управленца...” Что еще не так?

“...Медийное и психологическое сращивание ощущения неэффективности деятельности управленческого аппарата с понятием “коррупционность”, распространение мнения о незаинтересованности чиновничества в наведении порядка...” В общем, “мнения о чиновниках в обществе еще не сложились”.

“...Наличие тиражируемых опасений в среде государственных служащих относительно основных направлений... Возникновение в среде государственных служащих ощущения нестабильности своего положения...” Здесь пиарщики радеют о чиновниках.

Что же предполагает делать государство, чтобы все было не так плохо? “Задача: показать, что реформа системы государственной службы является важнейшим элементом укрепления российской государственности на новом этапе... Проект основывается на медийном сопровождении реальных успехов и достижений в реализации... программы реформирования системы государственной службы с целью повышения ее привлекательности”.

Между тем (и опросы – тому свидетельство), народ свято верит, что находится в чрезвычай-

* Опрос населения в семи субъектах РФ от 15–29 ноября 2004 года. Метод опроса – интервью по месту жительства. 7000 респондентов. Опрос проводился в рамках мониторинга общественного мнения по вопросам реформирования государственной службы.

ной зависимости от чиновников, что они им управляют. А чиновники свято верят, что они могут совершать управляющие воздействия, способные изменить настроения народа. Надо только найти правильный подход...

Со всех сторон – святая вера. И еще есть вера, что с одной стороны – с какой? – собрались тупицы и негодяи, не способные понять...

Обе стороны верят в эффективное управление – его ведь так не хватает... Если бы “те” наконец поняли, все было бы иначе. За верой в эффективное управление стоит мольба о понимании: ну поймите же, что мы хорошие, а вы так плохо о нас думаете... Кто это говорит? Народ? Чиновники?

Наш российский чиновник – фигура просто мифологическая. Сразу вспоминаются образы Гоголя и Щедрина. Ведь сотни лет этим проблемам, а выглядят как новые! Кое-что изменилось, но по большому счету – ведь на то же самое жалуемся.

Народ свято верит, что находится в чрезвычайной зависимости от чиновников. Чиновники свято верят, что они могут совершать управляющие воздействия, способные изменить настроения народа. Со всех сторон – святая вера

Сколько нужно чиновников?

Самый больной вопрос: сколько у нас чиновников? Кого ни спроси: много... И сократить их число хотят 81% россиян*, и по статистике выходит, что в современной России стало их в 1,8 раза больше, чем в СССР. А территория – поменее, а народу-то убавилось... Ах они, крапивное семя!

Там, где мифы поддерживает статистика, только она и может с ними справиться. В книге

Б.Н. Миронова “Социальная история России” приведена статистика по чиновничеству с конца XVII века. Все это время число чиновников росло, причем скорость увеличения управленческого аппарата почти всегда обгоняла скорость роста населения. На 1 000 жителей страны чиновников было: в конце XVII века – 0,39; XVIII – 0,57; в 1857 году – 2; в 1880 – 1,4; в 1897 – 1,24; в 1913 – 1,63. За весь императорский период истории России сокращение бюрократии произошло единственный раз – при Павле I.

Вот-вот! – можно радоваться: все как ожидалось. Так и хочется вставить: я же говорил! Но тут подлая статистика сообщает иное. Например, при Николае I чиновников в России (пересчет на 1 000 жителей) было меньше, чем в большинстве стран Западной Европы. Причем меньше раза в два – вот тебе и николаевская бюрократия! Да... Чиновники – они как деньги, только наоборот:

вечно кажется, что их слишком много. Только взглянув на соседа, можешь понять что-то о себе.

Как считать чиновников, ясности не было никогда. До революции к ним относили врачей и ветеринаров, после – из их числа исключали партработников; сейчас – присчитывают охрану, секретарш и шоферов с программами. Но оставим головную боль статистикам – нам бы хоть примерно прикинуть.

В СССР чиновников стало больше по сравнению с дореволюционными временами раз в пять – десять: на 1 000 жителей Союза в 1922 г. их было 5,2; в 1928 – 6,9; в 1940 – 9,5; в 1950 – 10,2; в 1985 – 8,7. А сейчас в России объем управленческого аппарата еще примерно раза в полтора больше, чем в СССР: в 2001 г. – 7 на тысячу жителей (извините, что цифры не сходятся, я же говорю – статистика...).

И опять: по данным на середину 1990-х, чиновников в России меньше (на тысячу жителей), чем в любой развитой стране Европы. Например, в 10 раз меньше, чем в Швеции. Так что, их у нас не хватает?.. Впрочем, в Польше чиновников меньше, чем у нас. Эх, нам бы образец какой – норму бы понять. Но нет нормы. В США чиновников в пять раз больше, чем у нас. И что – это норма?

Ну вот, мы их подсчитали. И миф об их крайней многочисленности съезжился – да, чиновников в России много и становится все больше, но если на другие страны смотреть, так мы чуть ли не отстаем...

Социальные характеристики чиновничества

А как оно вообще было? Что мы помним про историю чиновничества? Ежели мнения, то – “кувшинные рыла”, николаевские мундиры, “150 000 одних курьеров”, нескончаемые бумаги...

Пару слов об этой части мифа. Основные этапы развития бюрократии в России: Петр I – создание законодательного поля и специализация учреждений; Александр I – введение принципа разделения властей; судебная реформа 1864 г. Александра II и учреждение парламента

* Опрос населения в семи субъектах РФ от 15–29 ноября 2004 года.

в 1906 г., при Николае II, – это завершение разделения властей. А ведь недавно было, мы еще и переварить не успели...

Кто были чиновники? Составим образ. До 1860-х годов половина чиновников были дворянами. Ко времени революции чиновники наполовину самовоспроизводились – то есть выходили из семей чиновников. В СССР добрая их доля были членами КПСС...

Да, сильно менялось чиновничество: от “мундиров” и “курьеров” до тетечки из ЖЭКа... Впрочем, далеко не все чиновники – тетечки. Высшие должности российского бюрократического аппарата на 80% заняты мужчинами. Высший чиновник – одна из самых маскулинных профессий. Министры – они почти как десантники... А в низовом чиновничестве 80% – женщины. Причем каждая десятая – пенсионерка. Молодых – 20%.

Кстати, как у них там с возрастом? Больше половины чиновников у нас – со времен Брежнева и Горбачева, а на старших должностях доля “старослужащих” возрастает до 75%. Молодые – ельцинских-путинских времен – на младших должностях сидят. Ясное дело – чиновник растет выслугой лет. Старшие – они старшие и есть. Так что закономерно, но запомнить стоит.

Что касается образования чиновников, то треть из них – со средним. Остальные – с высшим. Естественников и математиков почти нет. Но много гуманитариев (не только экономисты с юристами, но и филологи – они в пресс-атташе годятся). Учителя. Кое-кто – с техническим образованием. Много – с сельскохозяйственным.

А как с организационной структурой? Раз чиновники, то, небось, пирамида, 150 000 курье-

ров с клерками... Как же! Армию вспомните, где на двух офицеров – один рядовой. В чиновничестве сейчас соотношение вышших – средних – младших чинов равно 1:2:1.

Отчего ромб вместо пирамиды? Средняя зарплата чиновни-

Кстати, попытки решения ужасают не меньше, чем сама проблема. С одной стороны – рассказы о волоките, взятках, произволе. А с другой? Народ против чиновников и хочет “Адольфа Виссарионовича Пиночета”

ков в 1990-х – примерно 3 000 рублей. Хочешь поддержать сотрудника – повысь зарплату, но деньги увязаны с должностью. Отсюда ergo – тянут вверх по чинам, чтоб хоть 500 надбавить.

Так, может, им зарплату поднять? А то неудобно – ведь там потому и полно пожилых, что молодежь в частные фирмы идет, не желает на 3 000 рублей. А откуда зарплату? Государство-то бедное... А другие как вывертываются? Так же. В Англии в 1990-х зарплата чиновников упала ниже средней по стране. И те же проблемы – кадровый застой: на верхних должностях сидят сколько могут, и критерии продвижения непрозрачны. Читай: блат, услуги, интриги...

Вот мы посмотрели на чиновников. Сначала подсветили их мнением населения – увидели правдивый силуэт. Куда правдивее – народ говорит... Потом подсветили их мнением государства – проявился рельеф. А потом подсветили историей – и обнаружилось что-то реальное.

Чиновники о своей работе

Что же это за дела такие, когда сотни лет не решить проблему, отравляющую жизнь?.. Кстати, попытки решения ужасают не меньше, чем

сама проблема. С одной стороны – рассказы о волоките, взятках, произволе. А с другой? Народ против чиновников хочет “Адольфа Виссарионовича Пиночета” (высказывание одного из участников фокус-группы): крови, расстрелов, отрубания рук... Крови!

А теперь давайте спросим самих чиновников, как им живется...

При опросах молодых чиновников (Магун, Брим с соавт.) выяснилось, *что* им нравится в работе: общаться с коллегами и когда работа интересная. Не нравится же – низкий заработок, напряженность труда и постоянные переработки.

Почему же они работают, при низких-то зарплатах? Насколько можно понять, для многих это мостик для перехода в статусные коммерческие структуры. Временно они тут, пока опыт не накопится, да знакомства не подберутся. Старым брежневским волкам нет смены.

А на что молодые чиновники не обращают внимания в своей работе? На соответствие работы законодательству, на ее результат, на степень полезности своих действий для населения и для страны... Именно поэтому они крайне мало чувствительны к моральным стимулам: для них очень малое значение имеет престиж должности, организации и госслужбы. Отсюда ясно, что кампания по повышению престижа госслужбы и чиновников – это *игра* государства, а не внутреннее требование чиновников. Это – по бедности: денег нет – отдаримся

престижем. А чиновники молча намекают: советов не надо, лучше помогите материально.

В чем проблемы у самих чиновников? Не вовне – с “клиентами” (населением), – а внутри: лишние бумажки, низкая компьютеризированность, старые организационные формы, чужие недоработки. Как всегда и везде, у любой организации.

Интересно, как из этих проблем выкручиваются другие страны? Почти везде у госслужащих зарплата меньше, чем в частных фирмах. Зато им дают социальные льготы: медобслуживание, льготные отпуска, пенсии выше, гарантированное... Почему

Кампания по повышению престижа госслужбы и чиновников – это игра государства. Это – по бедности: денег нет, дадим престижем, говорит государство, а чиновники молча намекают: советов не надо, лучше помогите материально

у нас не получается на это дать? Нетрудно ответить. Наше общество нестабильно: в медобслуживание мы не верим, а отсроченные блага не в цене. Сейчас важнее зарплата в руки, чем пенсия через 35 лет. Кто ее будет платить? И кому? Дожить надо.

Вот так. Молодые чиновники – они совсем такие, как мы. На младших постах стаж работы – от года до пяти. И видно, как из условий работы и общечеловеческих устремлений кристаллизуются равнодушные к просьбам населения, к нуждам страны, к главенству закона, приоритет материальной заинтересованности, желание уйти в коммерческие структуры, обзаведясь знакомствами.

Причем это недостатки “идеального” чиновника. А ведь надо еще учитывать, что даже “идеальный” имеет корпоративные интересы, – и молиться, чтобы эти интересы совпадали с интереса-

ми хотя бы государства, не говоря уже о народе!..

Публичное и приватное: где место чиновника?

Как нам выйти за пределы веры и неверия, отчаяния и упорства? Может быть, поможет какая-нибудь теория?

Область правовых отношений – та, где свободные равные граждане, осознавая конфликты личных интересов, договариваются о правилах поведения, которым обязаны следовать все.

Чиновничество есть механизм, призванный осуществлять надзор за исполнением этих правил. И еще – чиновники сами часть

этого механизма. Чиновничество – это правило государственной жизни. Хотелось бы сказать – “живое правило”, но сказано – “механизм”, значит, правило не очень живое. Чиновники – кости государства.

Граница государства, граница права проходит не только через равнины и реки, она проходит внутри каждого человека. В каждом есть приватное – и тем самым негосударственное и неправовое, куда совать нос государству и праву запрещено.

Где граница приватности? Это же не решено, это надо решить. Может быть, нельзя считать деньги в чужом кармане? Тогда нельзя сопоставлять доходы и расходы чиновников, чтобы выяснить, кто живет не по средствам. Может быть, вера человека не подлежит контролю? Тогда религия не должна быть поддерживаемой государством. Может быть, госу-

дарству нельзя заглядывать к гражданам в спальню? Может быть. Если мы с этим согласны.

Есть публичное – где человек живет в гражданском обществе. Это совсем не приватная сфера – но и не государственная. А есть в человеке и государство – там, где ему не позволено нарушать законы, там, где за его действиями могут последовать насилие и кара.

В мире теории свои горести – мы пока не можем и вдвоем договориться, а о всеобщем договоре свободных и равных, том договоре, который подразумевает право, нечего и мечтать. А жить-то надо. И потому мы живем по законам, под которыми не подписывались. Так, как жизнь выучила – не нас, так предков, – лучше плохой закон, чем беззаконие. Смуты – ответы на деспотизм абсолютной власти; тирания – разрешение, данное народом тирану после урока смуты. Иван Грозный пользовался тем, что народ очень хорошо выучил при его дедах и не успел забыть. Смута конца XVI–начала XVII века – последствие власти Ивана. Революции начала XX века произошли потому, что до этого три поколения жили спокойно и захотели свою жизнь сразу изменить. Советский режим стоял, потому что гражданская война научила... Есть и такое прочтение русской истории. Что ж, в нем свои ошибки и своя правда. Нынешний рейтинг Путина – ответ на безвластие 90-х. А девяностые – ответ на Сталина.

Может быть, надо оглянуться по сторонам? Другие страны ведь тоже как-то решают схожие проблемы.

Вот отрывок из типичного разговора наших сограждан: на Западе, в Америке – сплошное доноительство, у русского человека возникает чувство гадливости, когда вокруг бес-

стыдно стучат. Доносительство у нас не приветствуется. И вместе с тем у нас изумительное для Запада беззаконие и коррупция. Связаны ли эти вещи? Там стучат, потому что закон – “свой”. У нас стучать нельзя, потому что он – “чужой”. Власть и закон в России не ощущаются народом как “свой”; и, как неприятное необходимое следствие, у нас проблемы с демократией и законностью. А у них демокра-

тии и законности поболее, и стук нравственно узаконен. Демократия доносительна?

Ответа нет. То, что одни назовут законопослушанием, другие – доносом. Что же, демократия законопослушна в той же мере, в какой доносительна? Если нечто называть “законностью и ее поддержанием”, то слову “стук” нет места. Но слово есть...

Сравним хотя бы Америку с Францией – любимый пример

со времен Токвиля. Право и приватность для граждан этих стран разграничиваются по-разному: можно сказать, что во француза государство проникло глубже, чем в американца.

Но ведь все еще сложнее. В той же Европе сравнить Францию и Германию – и опять разница. В немцев, похоже, глубоко залез закон, а государство проникло не так глубоко. С французами – наоборот. Вообще, в случае с каж-

Зарплата: “по ведомости” и “в конверте”

Борьба государства за то, чтобы все работающие получали исключительно “белую” зарплату, судя по данным наших опросов, пока не приносит заметных успехов. Если в 2001 году, согласно этим данным, полностью или частично получали заработанные деньги неофициально, “в конверте”, 8% россиян (или 15% от всех работающих), то и в 2005 году их доля осталась прежней (9%, или 17% от всех работающих). Особенно такая практика распространена в больших городах (17% жителей, или 34% от всех занятых, получают здесь зарплату “в конвертах”).

Около половины участников недавнего опроса (48%) говорят, что негативно относятся к неофициальной оплате труда. Одобряют ее 15% опро-

Отношение к оплате труда “в конвертах”	Не работают	Получают зарплату	
		всю официально	всю или часть неофициально
Одобрят	11	15	30
Безразличны	24	22	15
Не одобряют	46	52	47

шенных (остальные заявляют, что им это безразлично, либо затрудняются с ответом). Но представители наиболее ресурсных социально-демографических групп чаще других с одобрением отзываются о практике выплаты зарплаты неофициально: среди молодежи – 24%, среди респондентов с высшим образованием – 22%, среди лиц с относительно высокими доходами – 20%. Особенно же часто, как видно из таблицы, заявляют о положительном отношении к этой практике сами получатели “серого нала” (данные в %).

Абсолютное большинство россиян полагают, что

работающим выгоднее получать зарплату официально, по ведомости (57%). Всего 13% опрошенных считают, что работнику выгоднее полностью или частично получать ее неофициально, “в конверте”. Вместе с тем, по мнению половины респондентов (49%), в случае конфликта с работодателем работники не смогут настоять на

своем, если захотят получить “белую” зарплату. Уверенность в том, что им это по силам, выражается вдвое реже (25%). Причем сами получатели “серого нала” гораздо чаще, чем респонденты в целом, считают безуспешными попытки бороться с практикой выплаты зарплат “в конвертах” (69%).

Анна Петрова

Опрос населения в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик России. Интервью по месту жительства. 25–26 июня 2005 г. 1500 респондентов. Статистическая погрешность не превышает 3,6%.

дым демократическим, законопослушным народом, какой ни возьми, соотношение личного и государственного в человеке иное, и внешние, социальные государственные службы везде устроены по-своему. А как в России?

Отвечали на этот вопрос многие, и ответов набралось немало. Ну вот хотя бы такой: россияне – народ внегосударственный. Люди в России очень отчужденно относятся к государству, власти, праву – и к чиновничеству. И именно из-за отчужденности, внутренней непричастности к власти, согласны терпеть “необходимое зло”. Американец тянется подправить покосившееся право – чай, свое, не чужое, а россиянин отстраня-

Люди согласны иметь таких чиновников – и готовы их вешать, для борьбы с ними согласны хоть на фашизм, и сами стремятся устроиться на хлебное место, причем под “хлебным” подразумевается отнюдь не зарплата (70–80% респондентов считают, что профессия чиновника сейчас престижна; примерно 50% имеют близких и друзей, которые охотно пошли бы в чиновники). И чиновники – такие, какие могут быть у такого народа: вороватые слуги под масками “государевых людей”. Если быть “ближе к людским нуждам”, будет сплошной блат – и прощай эффективность, рациональность, законность. Если быть честным

Если в процессе реформирования принимаются дурацкие решения – это наши дурацкие решения. И если народ к этой реформе относится без понимания – это наше непонимание

ется: все одно – хорошо не поправишь, *право добрым не бывает*. Так пусть уж лежит нетронутое, как есть.

Что же, в конце концов, можно сделать?

Противоречие, нестерпимое противоречие... Зло невозможно терпеть – и его невозможно исправить. Чиновники работают не так, как мы хотим, потому что мы хотим от них взаимоисключающих действий – и они хотят от нас странного. Зло нетерпимо и оправданно; чиновник с бездушными глазами – враг человека, но его место – желанная ступень в карьере сына. Омерзительно, что они “берут”, но, если бы на их месте оказались мы, – дураками были бы, если б не брали.

чиновником, будешь бездушной машиной, которую все осуждают, и притом – дураком, который не берет, когда дают.

Вспомним – что люди считают недостатками чиновника? Не помогает, неэффективен, не входит в положение, взяточник... А давайте посмотрим на государственную структуру управления глазами историка, выводя общую линию ее развития.

Итак, недостатки российской государственной системы.

Во-первых, недостаточная скоординированность работы разных учреждений. Причина: центральная власть всегда стремилась оставить за собой руководство. Если этот недостаток исправить (что трудно), чиновничество будет более независимым от изби-

раемой центральной власти. Народ этого хочет?

Во-вторых, совмещение разных ветвей власти в одном учреждении. Причина: управление ориентировано не на форму власти, а на предмет управления. Если это исправить (что трудно), чиновничество будет более формальным, менее понятным населению. Народ этого хочет?

В-третьих, слабость контроля над чиновничеством. Причина: общие принципы организации госаппарата, которым прокуратура подчинена в той же степени, что и контролируемые ею органы. Если исправить данный недостаток (что трудно), власть потеснится перед законом, организация станет формальнее, чиновничество будет более независимым от избираемой центральной власти. Народ этого хочет?

Всюду клин

Теоретики, известное дело, со своими мыслями далеки от живой жизни. А что предлагает народ?

Контроль, неусыпный контроль, проверки и ревизии... Пробовали. “Ревизор” – контролируют другие чиновники, которые взятки берут в гораздо большем размере. Народный контроль? Пробовали. Либо опять блат и взятки, либо, опять же, жалобы по начальству.

Увеличить престиж профессии чиновника и поднять госслужащим зарплаты, чтобы не брали взятки? Пробовали, и не раз... Вообще-то, элементарные рассуждения показывают, что это приведет лишь к увеличению суммы взятки. Народ же, опрашиваемый прямо по месту проведения “реформы госслужбы”*, сообщил,

* Опрос населения в семи субъектах РФ от 15–29 ноября 2004 года.

что повышение зарплат приведет к привлечению в госструктуры более квалифицированных кадров (46%), и в то же время – что уровень коррупции среди чиновников не снизится (72%). Повысить квалификацию посредством подъема зарплат надо бы, только к взяткам это не имеет никакого отношения. Берут же не по бедности, а оттого, что взять можно. Так отчего же не взять?..

Прозрачность законов? Можно устроить по-разному. Один путь – всевластная лига юристов-адвокатов, которые одни разбираются в хитросплетении законов. Но есть у нас сомнения, что адвокатура по-американски в России придется по сердцу. Другой путь – ясные, простые законы, понятные и известные каждому человеку. Однако это – недифференцированность и жесткость законов, подминание жизни со всеми ее сложностями под навязанную простоту. Это – такой выход, когда всем одинаково плохо (кроме очень немногих, кому совсем не плохо). Зато всем не так обидно. Если отрубать руку за любое воровство – хоть за копейку, хоть за миллиард, – так ведь все будем колчерукие.

Какое решение ни возьми – плохое. Что же можно сделать? Чем можно помочь народу, чувствующему рабскую зависимость от чиновников (это 58% россиян*), и той части этого народа, которая пошла служить государству (их примерно процентов пять)?

Самое печальное, что волшебника, который бы разрулил ситуацию каким-то оригинальным

способом, не существует. Придется идти скучной дорогой – придумывать оригинальный способ самим. Придется учиться у Запада, не перенимая конкретных форм. Придется понять, что чиновничество во Франции, Германии, США – совсем разное и играет в каждой стране особую роль. И поэтому нельзя просто “скопировать” все на шведский, аргентинский или американский манер. Придется учиться творению форм государственно-правовой жизни, форм, которые бы подходили именно нам. Таким, какие мы есть, – и какими нам придется себя сделать. Или будем отрубать себе руки – других вариантов нет.

А как же это творчество нормальных – для нас – форм будет называться? “Программа реформирования системы государственной службы”? В частности – та самая, которая идет сейчас? Что ж, если в процессе этого реформирования принимаются дурацкие решения – это наши дурацкие решения. И если народ к этой реформе относится без понимания – это наше непонимание.

А может быть... – Да, вот это попробуйте

А может быть, задача окажется значительно глобальнее, нежели то, что можно втиснуть в рамки любой “программы реформирования...”. Много раз использованные домашние средства вроде государственной кампании в СМИ, придания особых полномочий “государевым людям” или повышения оным денежного довольствия принципиально ничего не изменят. Придется думать.

Может быть, сферу государственного управления придется кардинально сократить: ряд функций регистрации передать структурам частным, работниками которых “людьми государевыми” уже не будут. Тогда и населению придется устраиваться в жизни самому, без отеческой государственной опеки. А опеки от частника ждать и в голову никому не придет... Ведь так? Придется каждому внутри себя отчетливее провести границу – где в нем расположена приватность, где публичность, а где дозволяется быть государству. И пусть здесь разбираются социологи вместе с социально ответственными чиновниками – основательно и без спешки.

Но до конца разойтись с государством нет возможности. Так что, какие бы глобальные реформы всего общества мы ни начали, как бы ни устраивали свое, российское право и государство, все равно придется взаимодействовать с этим неистребимым племенем чиновников, которые, при всем ужасе, ими вызываемом, – просто одни из нас. ■

Литература

- Кертман Г.* Лицом к лицу с чиновником // Отечественные записки. 2004. № 3. С. 287–299.
- Магун В., Брим Р. с соавт.* Молодые специалисты на российской государственной и муниципальной службе. М., 2003.
- Мионов Б.* Социальная история России. Т. 2. СПб., 2003.
- Реформирование государственной службы Российской Федерации.* Концепция информационного сопровождения федеральной программы. М.: КРОС, 2003.

* Общероссийский опрос населения от 5–6 августа 2000 года в 56 населенных пунктах 29 областей, краев и республик всех экономико-географических зон страны. Метод опроса – интервью по месту жительства. Статистическая погрешность не превышает 3,6%. 1500 респондентов.

Георгий Ильичев

Интервью с обозревателем отдела политики газеты "Известия"

– Скажите, пожалуйста, интересуют ли Вас – и если да, то постоянно или время от времени – данные социологических опросов?

– Да, я постоянно интересуюсь данными социологических опросов всех ведущих научных центров страны, потому что, во-первых, я изучаю общество, во-вторых, это моя прямая обязанность по работе: в "Известиях" я в отделе политики отвечаю именно за публикации наиболее интересных данных социологических опросов.

– В чем выражается Ваш интерес к таким данным?

– Интересоваться я всем этим начал давно, потому что еще после школы у меня был выбор: идти на философский факультет изучать общество или идти в журналистику изучать общест-

во другим путем – непосредственно. Я выбрал второй путь, но цель-то остается прежней: мне интересно понять, почему это общество так себя ведет и что с ним может быть дальше, управляемо ли оно в принципе, как и насколько. В поиске ответов на эти вопросы и заключается смысл моей профессиональной деятельности, и данные социологов в этом деле мне оказывают определенную помощь.

– Какие данные Вы используете?

– Я отсматриваю все то, что появляется на сайтах в открытом доступе. Кроме того, я ежедневно делаю несколько звонков знакомым социологам, и они сообщают мне об опросах, которые могут появиться в ближайшее время, о тех исследованиях, которые ведутся, о том, что может быть предоставлено нам эксклюзивно. Кроме того, когда при прочтении данных тех или иных опросов у меня возникают вопросы, то я задаю их уже конкретным людям, которые имеют отношение к подготовке этих опросов, т. е. именно социологам.

– Что Вас удовлетворяет и что не удовлетворяет в наших социологических опросах?

– Цифры не сходятся. Последнее время от этой болезни наши социологи избавляются. Но я в "Известиях" четыре года занимаюсь публикацией опросов, и три с половиной из них я пересчитывал цифры. Когда говорит-ся о 100%, математическая опера-

ция округления часто выполняется весьма произвольно.

Если же говорить о серьезных вещах, то, конечно же, меня не устраивает, что очень часто вопросы задаются так, что ответ является предугадываемым, вопрос определяет ответ. Кроме того, часто не очень устраивает аналитический аппарат. Не буду говорить о конкретных фирмах, но некоторые, входящие в число ведущих, считают, что можно ограничиться отписками, краткими комментариями типа: возможно, это объясняется тем-то, а может быть, и не тем, а совсем другим.

Дело в том, что я очень жестко разделяю социологию и социометрию. Я воспринимаю социометрию и опросы как самый грубый, самый неряшливый, но самый распространенный и доступный инструмент социолога, и относиться к нему нужно соответственно. Это не истина в последней инстанции, это, может быть, вообще ничего, это лишь повод к началу исследований. Анализ этих цифр бывает, во-первых, качественный, во-вторых, некачественный, в-третьих, бывает заказной. Поскольку мы говорим в данном случае о политике (я – политический обозреватель), то часть наших социологов до сих пор даже не научились делать так, чтобы не сильно торчали уши заказчика из результатов их данных. Это не устраивает очень сильно.

– Поскольку Вы выступаете и в роли главного потребителя данных социологических опросов, и в роли эксперта, пробовали ли Вы когда-ни-

будь довести эти Ваши мысли до тех людей, которые делают опросы?

– Да, конечно, и неоднократно.
 – Ну и?..
 – Некоторые стали работать лучше, некоторые хуже. Есть же много факторов, которые определяют те решения, которые мы принимаем. Бум социологической информации сыграл очень злую шутку и с потребителями, и с журналистами. То, что Киселев начал в середине 1990-х годов делать в "Итогах" – еженедельно давать цифры рейтингов политиков, – это своего рода шаманство, и, к сожалению, пока что это шаманство имеет достаточно большой вес, потому что оно дорого стоит, за него платят хорошие деньги.
 – **Как Вы думаете, изменилась ли сама социология за это время?**

– Я очень надеюсь, что наша социология будет развиваться и дальше в том направлении, которое она постепенно сейчас начинает принимать. Это направление заключается в том, что опросы должны в конечном итоге приводить к ответу не на вопрос "что?", а на вопросы "почему?" и "камо грядеши?" Это то, что пытаются сейчас делать ФОМ: более развернутые комментарии, открытая база данных.

Социология делает постепенный переход от цифрового шаманства к попытке объяснить. Глубокоуважаемый и почитаемый мною Юрий Левада всегда отвечает на это так: надо посмотреть, что будет дальше. Еженедельные замеры и частота их публикаций на самом деле смазывают картину, она затуманивает взор, и я, даже поступаясь своими интересами, настаивал бы на ограничении социологических публикаций в прессе и на повышении их качества.

– Как изменилось Ваше представление о нашей социологии и опросном деле?

– Я теперь знаю кухню, как все это делается, поэтому представление изменилось очень сильно: просто стало больше информации. Это не говорит о том, что отношение изменилось в лучшую или худшую сторону, это не эмоциональная оценка – я к социологии отношусь как к любимой, но науке.

Мне неинтересно публиковать цифры и диаграммы – мне интересно объяснить людям, что с ними происходит, почему это происходит и к чему это может при-

Мне неинтересно публиковать цифры и диаграммы – мне интересно объяснить людям, что с ними происходит, почему это происходит и к чему это может привести. И главное – мне интересно понять, что они сами думают

вести. И главное – мне интересно понять, что они сами думают. И здесь еще одна проблема всех опросов – кардинальная, фундаментальная, нерешаемая принципиально, на мой взгляд: люди лгут, люди очень часто говорят неправду, отвечая на вопросы социолога. (Я уже не говорю о мафии фокус-групп. Я лично знаю с десяток людей, которые меняют все, вплоть до внешности и паспортов, и ходят по фокус-группам ежедневно по разным фондам. Это хорошо сложившаяся микромафиозная организация, которая зарабатывает свои несчастные маленькие деньги, это своеобразный клуб.) Поэтому опросы – лишь один из инструментов, которые есть в наборе у социолога. Мне порой какие-то данные чисто экономические, статистические говорят гораздо больше, чем результаты какого-то опроса, о том, кто к какому слою себя относит, а уж

данные закрытых баз налоговой службы позволят мне еще более четко понимать, что на самом деле происходит. Когда результаты опроса накладываются на другие матрицы – экономические, культурные и т.д., – то картина получается несколько более интересная.

– Вы хотите сказать, что если бы у Вас была постоянная возможность иметь параллельно данные социальной статистики и социологии, то это давало бы Вам значительно более объемную картину?

– У меня такая возможность есть, она дает мне достаточно

объемную картину. Я считаю, что эта возможность должна быть у самих социологов. Я думаю, что помимо опрашивания, пересчитывания цифр, подготовки вопросов, тяжелой, нудной, утомительной, но такой важной работы с заказчиками опросов социометрия должна все-таки помогать, а не мешать социологии.

– Что Вам самому, лично, интересно в данных соцопросов?

– Меня интересует что-то неожиданное, что расходится с моими представлениями о происходящем на самом деле.

– И бывало у Вас, что Вы находили такое неожиданное?

– Так было одно время с опросами ФОМа по скинхедам: вы вдруг одними из первых дали подробные данные о том, что это достаточно распространенные настроения в обществе, и мы стали разматывать эту тему.

– *Есть ли такие темы, о которых Вам хотелось бы написать на социологическом материале, но Вы не можете этого сделать? И если да, то почему, что Вам мешает? Когда Вы годами копаетесь в этих цифрах, и думаете, и представляете, и домысливаете на этих цифрах социальные процессы, то у Вас обязательно возникают свои темы! Хотели бы Вы написать о них?*

Вся проблема социометрии в том, что одну и ту же цифру можно интерпретировать 122 раза и эти 122 раза будут непохожи друг на друга

– Это периодически бывало и бывает. Скажем, в редакции обсуждается какая-то тема и спрашивается, есть ли какая-то социология на этот счет. И очень часто оказывается, что нет свежей. Нет, вообще социология есть про все, у меня ни разу не бывало случая, чтобы я не мог отыскать где-нибудь какого-нибудь опроса, пусть косвенно, но относящегося к заданной теме, за редчайшим исключением – какие-то частные вопросы, мелочи, допустим отношение к конкретному спортсмену. Но уж если берется тема, то надо все-таки вести ее динамику – с этим большая проблема. А использовать в ежедневной газете опросы двух-, трехлетней давности просто недопустимо. За исключением тех случаев, когда известно, что мнение общества по данному конкретному поводу достаточно статично. Вот это проблема, с которой мы сталкиваемся постоянно.

– *Значит, Вы хотели бы, но не могли написать, потому что нет свежих данных на эту тему?*

– Нет свежих данных, или, наоборот, есть только свежие данные, но нет сравнения, динамики.

– *Очень интересно. У Вас получается, что Вы всегда находите материал, который Вас интересует, что в социологии есть про все. Вот уж не подумал бы!*

– Я тоже так не думал, но вот жизнь и ежедневная работа доказывают это. Есть масса закрытых исследований – я же пользуюсь не только открытыми источни-

ками. Я пользуюсь данными всех ведущих опросных организаций. Я стараюсь их дозировать, чтобы они примерно в равных пропорциях шли в газете, но за счет качества и количества чаще других все-таки выезжают ФОМ, ВЦИОМ, Левада. РОМИР сейчас меньше, они сейчас уходят в бизнес-исследования.

– *А что бывает, если Вам не хватает ответов на возникающие у Вас вопросы?*

– Тогда я набираю номер, звоню и выпытываю. Если я не получаю удовлетворяющего меня ответа, я иду, конечно, на науч-

Мое дело – сообщить новость. Новость заключается в том-то и том-то – я журналист в первую очередь, а не публицист. Я работаю почти без вольностей

ное, но не совсем хорошее действие с точки зрения соблюдения корпоративной этики: я прошу прокомментировать эти цифры человека со стороны, из другой конторы. Такое бывает, но это бывает редко.

– *Результаты опросов ФОМа представлены в различной*

форме: есть большие тексты, есть короткие, есть графики, есть таблицы и т. д. – как Вы с ними работаете?

– Я их изучаю все в комплексе, и только после этого я пишу текст.

– *Вы даже копаетесь в наших таблицах?*

– А как же не копаться в ваших таблицах? Мне страшно интересно разделение мнений в зависимости от пола, возраста, места жительства респондентов. Сначала я читаю текст, потом я смотрю цифры, потом я снова читаю текст и понимаю, что по цифрам у меня получается немножко другое, немножко другие акценты. Так что сказать, что у меня есть предпочитаемые формы, нельзя.

Вся проблема социометрии в том, что одну и ту же цифру можно интерпретировать 122 раза и эти 122 раза будут непохожи друг на друга – вот вопрос интерпретации. Поскольку я журналист, у меня есть некие ограничения, я сам эти цифры интерпретировать большого права не имею, поэтому я вынужден это делать с помощью социологов и прочих "говорящих голов".

– *А точно ли Вы не имеете такого права?*

– Мое дело – сообщить новость. Новость заключается в том-то и том-то – я журналист в первую очередь, а не публицист на данном этапе. Я работаю почти без вольностей.

– *Даже не знаю, как к этому отнестись. С одной стороны, конечно, мы читаем все,*

что Вы пишете. Вы законодатель если не моды, то осознания направления интерпретации социологических данных – не только для простых читателей, но и для других журналистов. Не знаю, хорошо или плохо, что Вы не допускаете этих самых вольностей? Конечно, я не могу сказать, что Вы их совсем не допускаете, Вы – это Вы, и там видно, что это Ильичев, а не кто-то еще.

Вечный вопрос – это репрезентативность. ФОМ опрашивает 100 пунктов. Мне как профессионалу интересно, что это за 100 пунктов, как их выбирали

– Есть серия публикаций, за которые мне не стыдно, – там нет ни слова лжи, но, если бы была возможность у меня, я бы их не писал. Такой возможности у меня нет, там уже стоит моя фамилия – но там написана только часть правды.

– Скажите, пожалуйста, что у нас, у ФОМа, лучше и что – хуже, чем у наших соотечественников по ремеслу? На что нам надо обратить внимание?

– На оперативность. Вот происходит событие – и у вас все-таки через слишком большой промежуток времени данные появляются, поэтому очень часто приходится давать даже не очень хорошие данные, но свежайшие. Я понимаю, что вы настаиваете на более глубоком анализе, что все правильно посчитать нужно и т.д., но некая интенсификация в обсчете, видимо, возможна все-таки. Потом, вечный вопрос – это репрезентативность. ФОМ опрашивает 100 пунктов. Мне как профессионалу интересно, в первую очередь, что это за 100 пунктов, как их выбирали. Очень часто со-

здается ощущение, что это не полный срез. Но если сравнивать с коллегами, то у вас большой плюс: у вас в заголовке много всего, вы берете объемами.

– Что Вы имеете в виду?

– Объемы самих исследований. Это не один-два отдельных вопроса, это подробные исследования, которые ведутся годами.

В этом вы выигрываете у многих.

– Как Вы думаете, в чем общественный смысл социологических исследований и опросов?

– Смысл самих исследований вечен – это поиск истины, как оно есть на самом деле.

И опять-таки, что касается саморегулирующихся систем, каковой является общество, всегда неизбежно возникает вопрос: а дальше-то что? куда это может пойти? Это могут быть разные варианты, и задача опросного дела – во многом подсказывать, куда направлены тенденции и как эти тенденции могут переломиться вдруг, когда и что для этого должно произойти. Если задаться этими вопросами, а я ими задаюсь еже-

Нужны люди и структуры, которые связывают исследователей и журналистов, тогда будет меньше ляпов и вообще все пойдет по-другому

дневно, и копаться в этом, то я думаю, что можно добиться каких-то результатов.

– А какими Вы видите Ваших адресатов? Для кого предназначены эти публикации?

– У нас газета все-таки ориентирована на средний слой. А вообще мои публикации предназна-

чены в первую очередь для определенной политической прослойки. Во вторую очередь я адресую это широкому кругу читателей. Но изначально то, что я делаю, – это инструментальная работа, я работаю с инструментом строго по определенному направлению. Есть какие-то тексты – видно, что они для общего пользования, а есть текст, который пишется ради полтора фраз, запряженных в середине, – и те, кому они предназначены, обязательно их прочитают.

– А у Вас существует какая-нибудь обратная связь с Вашими читателями? Какая она?

– Да, пишут письма, звонят, у нас форум в интернете есть. Очень много откликов по социологии, ведется бурная полемика на нашем сайте.

– Что Вы можете посоветовать нам в области сотрудничества с журналистами?

– Надо работать с журналистами конкретно: собирать, объяснять, скандалить, ругаться почаще, когда перевирают ваши данные, учить работе с вашими материалами. Это должна быть пресс-служба, которая должна заниматься такими вещами. У Левады это отлажено довольно хорошо – есть специальные люди для работы с прессой, которые явля-

ются посредниками между социологами и журналистами. Нужны люди и структуры, которые связывают исследователей и журналистов, тогда будет меньше ляпов и вообще все пойдет по-другому.

– Большое спасибо, Георгий Владимирович.

Интервью провел Л.Блехер

WAGTIFPCRAF

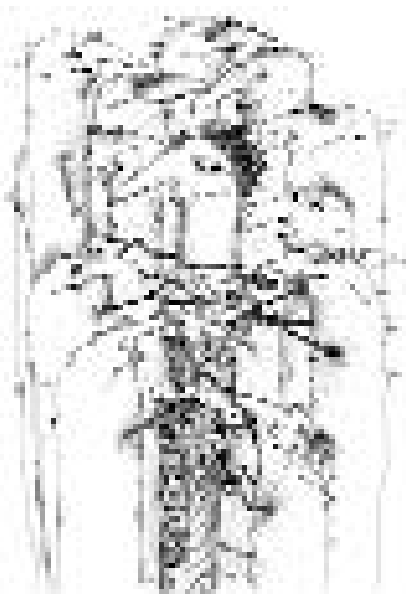
И. Климов

Социальный запас знания

Хотим мы этого или не хотим, нам постоянно приходится сталкиваться с проблемой – как отличить “знание” от того, что лишь только им выглядит: предубеждение, фобия, “авторитетное мнение”, в котором, кроме авторитетности его носителя, ничего нет. Мы часто задаемся вопросом: насколько компетентен человек в том, о чем он говорит, пытаемся распознать зоны его компетентности и одновременно – сверяем его компетентность со своей. Тем самым одним из атрибутов нашей жизни, нашего общения оказывается постоянное, иногда осознаваемое, иногда нет, интеллектуальное упражнение, смысл которого состоит в том, чтобы различать два рода знания: экспертное и профанное. Одно представляется обоснованным, имеющим отношение к “реальности”, а другое – нет; одно мы готовы осваивать и принимать во внимание, а другое предпочитаем игнорировать. Вроде бы все правильно.

Только что-то внутри нас всякий раз начинает протестовать, когда речь заходит о “власти интеллектуалов”, и мы почему-то с готовностью соглашаемся, что меритократия – не самый лучший принцип общественного устройства.

Видимо, потому, что интуиция нам подсказывает: в обществе есть знание какого-то *особого рода*, более реальное и более фундаментальное, чем лабораторные теории и концепции. Оно представляется нам иногда неповоротливым, в чем-то – мифологичным и неполным, но безусловно – жизненным и связанным с “житейской мудростью”. Оно позволяет людям чувствовать, что они живут друг с другом и друг для друга, а не для правоты формальной логики и непротиворечивости концептуальных построений. *Социальный запас знания* – такое понятие для обозначения этого особого-рода-знания предложили социологи Питер Бергер и Томас Лукман.

Человек с улицы обладает практическим знанием во многих областях, это знание рецептов того, как в типичных ситуациях добиваться типичных результатов типичными средствами.

Рецепты предписывают процедуры, которым можно доверять, даже если они не доступны ясному пониманию.

Это знание, при всей его неопределенности, все же достаточно для данной практической цели. В вопросах, не связанных с практическими целями, человек руководствуется своими чувствами и страстями.

Под их влиянием он создает множество убеждений и неясных мнений, на которые опирается до тех пор, пока они не противоречат его стремлению к счастью.

Альфред Шютц

Знание “мое” и “наше”

Знание человека о мире – это всегда знание о том, *кто мы* в этом мире. Это значит, что на характер получаемого знания и на сам процесс его получения большое влияние оказывают характеристики, черты и свойства, имманентно присущие нашему мышлению и нам как существам человеческим. И самая главная наша особенность состоит в том, что человек, по выражению Аристотеля, суть “общественное животное”. То есть наше знание имеет социальную природу и несет на себе отпечаток того общества и того времени, которыми было порождено. Это утверждение – перифраз одного из базовых тезисов *социологии знания**: знание – есть функция от человеческого мышления и социального контекста, в рамках которого оно возникает.

Любой человек, любой социализированный член общества в известном смысле является вполне компетентным “социальным теоретиком”. Люди в своей повседневной жизни ведут “рефлексивный мониторинг действия” – осуществляют оценку и интерпретацию всех ситуаций и условий, в которых им приходится жить и действовать [Гидденс Э. 2003. С. 43–44]. Повседневная реальность принципиально открыта для обобщений и интерпретаций, служит источником значений и смыслов и самое главное – имеет для любого человека субъективную значимость в качестве цельного и субъективно непротиворечивого мира. Люди накапливают биографический и исторический опыт и с помощью целого ряда механизмов определяют, что должно быть забыто, а что следует сохранить в памяти. Альфред Шютц объяснял возникновение обыденных теорий механизмами *повседневной типизации*.

Каждый шаг нашего истолкования мира повседневности основан на запасе прошлого опыта – как личного, так и других людей, переданного родителями, учителями и т.д. Весь этот опыт превращается в определенную схему, в определенное единство в форме запаса знания, которое помогает на каждом шагу человеку в интерпретации мира. Так что предметы и события в жизненном мире с самого начала предстают в своей типичности [Шютц А. 1988. С. 129]. Создать типизацию означает найти смысловую связь накопленного опыта и некоторой проблемы, которую требуется решить: надевать теплые ботинки или не надевать, если за окном идет снег; давать деньги в долг соседу-пьянице или не давать; требовать ли, чтобы тебе выплатили зарплату, поскольку “от каждого по способности – каждому по труду”, или же не провоцировать конфликт, поскольку “всем сейчас тяжело”? В результате такого рода процессов, как показывает Т.А. ван Дейк, рождаются “ситуационные модели” [Дейк Т.А. ван. 2000. С. 82]. Это не абстрактные знания о стереотипных событиях и ситуациях, а *личностные знания*, в которых аккумулированы личный опыт, жизненные установки и намерения, чувства и эмоции. И самое главное в этом наборе – категории языка, слова, понятия, интерпретирующие схемы, которые используются человеком не только для описаний, но и для понимания ситуаций: люди действуют не столько в реальном мире и говорят не столько о нем, сколько о своих субъективных моделях явлений и ситуаций действительности.

Типизации, обыденные теории и повседневные идеологии могут затрагивать проблемы разного масштаба, но вместе они складываются в более или менее субъективно непротиворечивую картину мира. В результате такого накопления составляет социальный запас знания, передающийся от поколения к поколению, доступный индивиду в повседневной жизни. Любой человек знает, что другие разделяют по крайней мере часть этого знания и “они знают, что я это знаю”. Рефлексивная по своей природе (т.е. создаваемая размышлениями и впечатлениями человека от происходящего вокруг него) картина мира поддерживает “прозрачность” общественного устройства, определенность и привычность контекстов действия, в которых оказыва-

* Эта отрасль социологии изучает все то, что считается в обществе “знанием”, а также развитие критериальных систем, обосновывающих знание и отличающих его от не-знания.

ется человек. Это знание организовано не как жестко алгоритмизированная система, а как стратегически рефлексивная процедура, опирающаяся на определенные формы мышления, языковые категории и постоянно обновляемые навыки социального познания. Социальный запас знания предоставляет тем самым не только *знания как таковые*, но также и *средства интеграции* разрозненных элементов моих личных представлений, заблуждений, сведений, планов и намерений. Другими словами, “то, что знает каждый” имеет свою логику, и ее можно использовать для упорядочения разных вещей, которые мы знаем [Бергер П., Лукман Т. 1995. С. 75]. Для этого необходимо умение *работать* с запасом знания, и сделать его доступным помогают разные стратегии его *объективации*.

Объективация опыта и социальное распределение знания

Любой человек, живущий в обществе, является социальным исследователем. Он выступает в этом качестве всякий раз, когда задает своим собеседникам вопрос: “А как ты думаешь?”, или “Что бы ты посоветовал?”, или “Почему ты так считаешь?” Умение задавать вопросы, а главное – желание это делать, являются фундаментальным навыком среди других многообразных приемов социального познания. Когда я задаю вопросы, я ищу не только знания, но, что более важно, – я обращаюсь за *нормами мышления*, за образцами того, как другие люди поступают в ситуациях, похожих на мою, на основании каких рассуждений, доводов, опыта они принимают одно решение, а не другое.

За этими вопросами, точнее – за самим фактом их задавания, скрываются два очень важных обстоятельства, понимание которых, даже если и не в явном виде, присутствует в поведении и действиях любого человека.

Во-первых: *знания других людей принципиально поддаются объективации*.

Мое знание повседневной жизни, мое знание общества определяется, с одной стороны, моими непосредственными намерениями и проектами действий (навык обращения с банковской карточкой я получаю не потому, что решил научиться этому в принципе, а потому, что мне на нее перечислили зарплату), а с другой стороны – всей моей ситуацией в обществе (в шахтерском поселке, где зарплаты задерживали по полгода, банковская карта выглядела неуместным атрибутом чужого мира). То есть мое знание организовано в понятиях релевантностей – вещей, ситуаций, явлений и даже слов, обладающих для меня статусом объективных, поскольку они имеют непосредственное отношение к моей жизни здесь и сейчас. Но это – только половина дела.

Питер Бергер и Томас Лукман, занимавшиеся разработкой идеи социального конструирования реальности, показали, что любое взаимодействие между людьми основано на проведении аналогий между “мной” и “другими”. Я знаю, что другие люди также строят типизации, исходя из своего повседневного опыта, что они также организуют этот мир вокруг “здесь-и-сейчас” их бытия и имеют свои проекты повседневных действий в нем, а также, что “у других людей есть своя перспектива на наш общий мир, не тождественная моей: мое “здесь” – это их “там”, мое “сейчас” не полностью совпадает с их, что мои проекты не только отличаются, но могут даже противоречить их проектам” [Бергер П., Лукман Т. 1995. С. 43–44]. На основании таких аналогий каждый человек получает очень важное для себя знание: у людей, с которыми он общается и живет, есть *общее со мной понимание окружающей реальности*, есть общие слова и языковые категории, которые *постоянно имеют общее значение*. То есть знание человека о мире – это не только знание о том, с чем он постоянно имеет дело, но и *знание релевантных структур* других людей и *умение их выявлять*, сверяя со своими собственными.

Во-вторых: *знание в обществе социально распределено*, то есть разные индивиды и даже социальные типы индивидов обладают им в различном объеме.

Мое знание повседневной жизни организовано в понятиях релевантностей. Некоторые из них определяются моими непосредственными практическими интересами, другие – всей моей ситуацией в обществе. Однако, поскольку во многом мои релевантные структуры пересекаются с релевантными структурами других, есть вещи, “интересующие” нас взаимно, и нам есть что сказать друг другу. Важный элемент моего знания повседневной жизни – знание релевантных структур других людей.

Питер Бергер, Томас Лукман

Строго говоря, утверждать, что индивид мыслит, вообще неверно. Вернее было бы считать, что он лишь участвует в некоем процессе мышления, возникшем задолго до него. Он обнаруживает себя в унаследованной ситуации и пытается разработать унаследованные типы ответа [на нее] или же заменить их другими для того, чтобы более адекватно реагировать на новые вызовы, появляющиеся вследствие преобразований данной ситуации.

Карл Мангейм

Очень часто то, что представляется очевидным мне, оказывается не само собой разумеющимся для другого. И дело здесь не только в естественной ограниченности знания и опыта, хотя действительно “нельзя знать всего”. Каждый человек действует на основании уникальных мотивов, побуждений и намерений, которые в значительной мере определяют зоны очевидности. Так, например, родителю очевидно, что ребенку нужно сделать уроки по математике, поскольку от этого, по большому счету, зависит его будущее. А вот ребенку очевидно обратное, т.к. он знает, что учитель заболел и завтра контрольной не будет. В этом примере родитель и ребенок существуют в *разных социальных ситуациях*, и оценить их правоту или неправоту, понять принципы мышления можно лишь в связи с их жизненными и социальными обстоятельствами.

То же самое характерно для социальных групп и обществ. Карл Мангейм, с чьим именем связывают развитие социологии знания, писал, что человека лишь условно можно считать свободно и самостоятельно мыслящим. “Он говорит языком своей группы, он мыслит в формах мышления своей группы. В его распоряжении оказываются лишь определенные слова и их значения. Они не только в большой степени определяют его подход к окружающему миру, но одновременно показывают, под каким углом зрения и в какой сфере деятельности предметы до сих пор были доступны восприятию и использованию их группой или индивидом... Он лишь участвует в некоем процессе мышления, возникшем задолго до него” [Мангейм К. 1994. С. 8–9]. То есть в процессе обучения, освоения культуры и социального научения человек усваивает не только общедоступное знание, но также исторический и социальный опыт “своей” группы, ее язык, знания о ее ресурсах и, конечно же, нормы мышления. При этом некоторые сегменты социального запаса знания остаются в тени. Например, я знаю, что люди как-то выживают в условиях Крайнего Севера и в раскаленных солнцем пустынях, но я не знаю, *как именно* они это делают: *мое* знание организовано вокруг моих релевантностей. “Мое знание повседневной жизни напоминает инструмент, прорубающий дорогу в лесу и проливающий узкую полосу света на то, что находится впереди и непосредственно рядом, а со всех сторон дороги обступает темнота” [Бергер П., Лукман Т. 1995. С. 77].

Таким образом, социальный запас знания представляет собой коллективное накопление опыта, в котором совмещаются личные знания индивидов, ситуативно-историческое знание социальных групп и, естественно, особенности исторического развития социальной структуры общества, интеллектуальной и ментальной динамики разных его сегментов. В любом случае знание не скрыто для меня за глухими заборами чужой субъективности и не спрятано за крепостными стенами социальной иерархии. Я задаю вопросы – и это мой базовый познавательный навык. Я признаю (или предполагаю) компетентность другого и прошу объективировать ее, перевести в область интересубъективного – и это моя базовая исследовательская стратегия. Это обстоятельство – общая причастность к доступному социальному запасу знания – оказывает огромное влияние на повседневную жизнь каждого индивида. Его участие в обществе перестает быть индивидуалистическим проектом: знания определяют поведение человека в повседневной и привычной жизни, одновременно – сообщают уверенность и понимание, с чего начать в ситуациях нестандартных и непривычных, и, кроме того, дают надежду на то, что опыт мышления не оставит его беспомощным в условиях чрезвычайных и неожиданных.

Методом проб и ошибок

Значительная часть социального запаса знания представляет собой рецепты решения повседневных проблем. Точнее было бы говорить не “проблем”, а “задач”, т.к. проблема, для которой у меня есть правильное решение, не является таковой в чис-

том виде. Но что происходит, когда мы сталкиваемся с задачей, решения которой мы не знаем или же имеющееся решение нас не удовлетворяет? Поможет ли нам в этом случае наш “коллективный багаж”?

Любой человек, живущий в обществе, является экспериментатором. Мы экспериментируем с социальными ролями: в юности мы примеряем на себя образы “настоящего мужчины” и “настоящей женщины”, в пору профессионального определения – образы “человека профессии”, да и потом мы постоянно решаем, становиться ли “вкладчиком”, быть ли “гражданином”, и более того – “лояльным” или же “бунтарем”, и т.д. Мы экспериментируем с социальными практиками: как дать взятку, как проскочить на экзамене, как оформлять наследство, получать водительские права, устраиваться на работу и т.д. Больше того, и это является основным, мы экспериментируем с нормами и правилами, проверяем границу дозволенного и неприемлемого. (Могли бы потребовать выплаты причитающейся мне зарплаты без того, чтобы меня уволили? Могли бы украсть без того, чтобы меня посадили?) Очень часто у людей нет ответов на возникающие вопросы, и решение проблем/задач происходит методом проб и ошибок. Итог, положительный или отрицательный, всегда рождает *знание* – “уверенность в том, что феномены являются реальными и обладают специфическими (устойчивыми и свойственными именно им. – И.К.) характеристиками” [Бергер П., Лукман Т. 1995. С. 9]. Знание рождается из опыта и из моих обыденных типизаций и обобщений. К примеру, меня остановил гаишник – проблема. Удалось договориться, “разойтись миром” – удачный эксперимент. Обменялся впечатлениями – получил основания для обобщений. В результате рождается *теория* относительно этой области социальной жизни, она не претендует на доказательность и логическую выдержанность, но является лаконичной (отлитой, например, в анекдоты), жизненной (основанной на опыте) и действенной (я знаю, как следует поступать в будущем).

С точки зрения П. Бергера и Т. Лукмана, обычный человек – не философ, не студент, готовящийся к экзамену, – в своей повседневной жизни не затрудняет себя вопросами, что же для него “реально” и что он “знает” – до тех пор, пока не сталкивается с проблемой того или иного рода. Проблемы, безусловно, возникают в незнакомых областях (и там я либо пускаюсь в экспериментирование, либо прибегаю к услугам носителей экспертного знания), однако и привычный для меня мир, типичные ситуации могут обернуться большими неожиданностями. Например, мое ветеранское удостоверение всегда помогало мне не стоять в очереди и относительно просто решать множество других проблем. И вдруг я сталкиваюсь с враждебностью в свой адрес – сначала раз, потом другой, а потом все чаще. И в моем знании появляются уточнения: а) мое “старое” знание уже не релевантно действительности, так как б) сама действительность изменилась и в) в ней действуют другие правила.

Социальный запас знания, будучи явлением надындивидуальным, тем не менее содержится и обновляется благодаря огромной армии отдельных “теоретиков”, “исследователей” и “экспериментаторов”, от чьего пытливого внимания не укрывается ни один мало-мальски важный нюанс жизни, кто составляет сложные понятийные схемы, обсуждает и оптимизирует рецепты, приемы и стратегии. Карл Поппер говорил об эволюции знания как о построении все лучших теорий, все более приспособленных к тому, чтобы объяснять и по возможности прогнозировать жизнь человека в этом мире, в постоянно сменяющихся друг друга контекстах и ситуациях [Поппер К. 2000. С. 58]. “Все организмы постоянно решают проблемы”, – утверждает он, но люди отличаются тем, что догадываются о существовании “зазора” между областью *объективных* проблем и областью *осознанных* проблем (я задаю вопросы – и тем самым признаю, что чего-то относительно волнующей меня ситуации не знаю). Соответственно, этот “зазор” и осознание его людьми порождают особую стратегию решения проблем – методом проб и ошибок: осознание проблемы стимулирует развитие решений, за реализацией которых следует устранение ошибок и осознание но-

**Не сотворенное никем
в отдельности, общество
производится
и воспроизводится чуть ли не
с нуля участниками
социального события.
Оно возможно лишь потому, что
каждый член общества
является практикующим
социальным теоретиком:
осуществляя всякого рода
взаимодействия, он обычно
обращается к своим знаниям
и теориям; и именно
использование этих
практических ресурсов есть
условие осуществления
взаимодействия вообще.**
Энтони Гидденс

Уже сам факт, что люди вообще теоретизируют, является доказательством того, что их псевдосреда, их внутреннее представление о мире являются определяющим моментом в их мышлении, чувствах и действиях. Ведь если бы отношение между действительностью и человеческой реакцией на нее было прямым и непосредственным, а не опосредованным и производным, сомнения и ошибки были бы невозможны.
Уолтер Липпман

вой ситуации и новых проблем. Так рождаются не только знания, определяющие поведение в повседневной жизни, но также формы мышления, принципы принятия решений, и все вместе складывается в картину мира, имеющую “теоретические” обобщения и экспериментальную подтвержденность.

Pro et contra

Любое понятие – не важно, поставляемое “высокой теорией” или же выработанное обыденным языком, позволяет нам именовать сущности и явления, а следовательно, различать их, распознавать в калейдоскопе жизни, в потоке феноменологически единых впечатлений. Одновременно с этим слова и понятия “экранируют”, не “пропускают” некоторые особенности явлений, которые мы берем в интеллектуальный оборот. Например, наш язык позволяет различать нам лишь некоторые состояния снега, тогда как в языке эскимосов насчитывается до двух десятков обозначений. А в языке индейцев нутка есть слово, обозначающее общее понятие движения камня (на русский язык, по аналогии со словом “моросит”, это можно перевести как “камнит”), и отсутствует глагол, непосредственно соответствующий нашему понятию “падать”. Мы думаем-работаем только с теми вещами, которые в состоянии называть, дать им имя.

Если вспомнить метод проб и ошибок, описанный К. Поппером, можно предположить, что любая теория, любой концепт не только разрешает и объясняет некоторые трудности, но и *создает* новые проблемы. Следовательно, любой разговор о понятиях обязательно должен преследовать цель разобраться, в чем состоят эвристические возможности концепта, что он помогает нам понять в окружающей социальной реальности, и одновременно – какие процессы он закрывает от нас, формируя шоры концептуальной заданности. Точность и правильность наших выводов не точнее инструмента, который мы используем.

В чем, на наш взгляд, состоят сильные стороны понятия социальный запас знания? Какие возможности оно предоставляет в наше распоряжение? Попробуем обобщить сказанное.

Во-первых, понятие фиксирует *коммунитарность знания*, накапливаемого обществом. При том, что формируется такое знание индивидуальными усилиями частных лиц и социальных общностей самого разного объема, оно обладает *опытной* и *коммуникативной природой*. То есть оно формируется на основании повседневного опыта людей, обмена типизациями между ними и обеспечивает социальную интегрированность личных знаний индивидов.

Во-вторых, это идея *социального распределения знания*: в разных социальных группах, в разных частях социальной и пространственной организации общества накапливаются специфический опыт и знания и сохраняются они во множестве форм. Это обусловлено биографическими ситуациями представителей тех или иных социальных групп, общностей, поколений и т.д.

Из сказанного следует третье соображение – социальное распределение знания свидетельствует о его *социальной относительности*: для любых социальных контекстов, для разных сегментов общества характерны свои специфические агломераты “реальности” и “знания”, точнее – того, что здесь и сейчас принято относить к достоверному знанию о реальности. Это означает, что в одних контекстах и ситуациях эксперт остается экспертом, но в других может оказаться последним профаном, а самый, казалось бы, некомпетентный и неадекватный персонаж превращается в профессионала.

Четвертое. Социальный запас знания формируется *методом проб и ошибок*. То есть в нем содержатся сведения не только об удачных алгоритмах, но также и о неудачах, а также о формах мышления, об основаниях и способах принятия решений, которые привели к удовлетворительным и/или неудовлетворительным итогам.

Пятое. Концепт обращает наше внимание на принципиальную важность *языка*, выполняющего функцию называния, распознавания и классификации, объективации знания, являющегося средством построения абстрактных моделей, порождения интерпретаций и формирования установок и мотивов действия.

И последнее, шестое. Концепт позволяет зафиксировать происхождение социальных конфликтов и социальных проблем, порождаемых *существованием контрреальностей и конфликтностью теорий мира*, возникающих в разных частях общества.

Теперь, следуя заявленной логике, необходимо провести инспекцию проблем и трудностей, связанных с идеей социального запаса знания. Самая главная иллюзия, которая может возникнуть при работе с этим понятием, это *иллюзия компетентности*, представление, что в этих “закромах” можно найти ответ на любой вопрос и правильное решение любой проблемы. Вместе с тем в профессиональных областях социальной жизни, например в сфере науки, теологии, политики или военного дела, специалистам приходится решать такие проблемы, для самой постановки которых в социальном запасае знания ресурсов недостаточно. Правда, понимание обыденных представлений зачастую оказывается ключевым условием решения социальных задач и исполнения проектов: невозможно проводить реформу социальных льгот без учета всего комплекса представлений тех, кого она затронет.

Вторая ошибка – это *иллюзия рациональности*, представление, что социальный запас знания представляет собой мир, подчиненный законам формальной логики: если $A > B$ и $B > C$, тогда $A > C$. Представления людей складываются в *субъективно непропорциональную картину мира*, поэтому C может оказаться лучше A потому, например, что C – привычнее, связано с моей молодостью и вообще симпатичнее. Социальный запас знания подвержен влиянию массовых фобий (ксенофобия), психологическим синдромам (желание “победоносной войны”) и, конечно же, вытеснению негативного, забыванию.

Третья иллюзия – *иллюзия неразрушимости и связности*. Общество не всегда представляет собой сообщающиеся сосуды. Здесь могут возникать коммуникативные барьеры, обусловленные кастовостью, различной скоростью ментальной динамики отдельных социальных групп и даже скоростью происходящих перемен. В динамические периоды исторического развития опыт, полученный людьми в одних сегментах общества, очень часто не успевает или не может быть воспринят в других сегментах – из-за разницы языка, специфики биографической ситуации, остроты синдромов (страх, усталость и др.), в результате чего развивается аномия – ситуация культурной и ценностной неопределенности.

И еще одна, четвертая возможная ошибка. Идея *конструирования* социальной реальности подталкивает к *волюнтаристскому* пониманию общества. То есть к представлению, что воля и повседневная деятельность людей являются более сильными факторами, влияющими на формирование обществ, чем объективные ситуации и обстоятельства. И действительно, множество человеческих поступков лучше объясняются реальными обстоятельствами действия, ситуацией, объективными причинами и обстоятельствами, нежели смыслами и когнитивными процессами, происходящими в сознании людей*. Общество и социальные институты имеют принуждающую силу и выступают в качестве объективной реальности по отношению к воле и усилиям отдельных индивидов**.

* Психологи Э.Джонс и Р.Нисбет описали этот парадокс как “фундаментальную ошибку атрибуции” – склонность объяснять результаты действия субъективными факторами и игнорировать обстоятельства, объективную ситуацию. См.: [Андреева Г.М. 2000. С. 84–89].

** С другой стороны, как показывает Э.Гидденс, они же предоставляют возможности для активности людей, для реализации инновативных проектов, выходящих за рамки привычного воспроизводства социальных практик [Гидденс Э. 2003].

Все люди – решатели проблем, а проблемы рождаются вместе с рождением жизни... Животные и даже растения приобретают знания методом проб и ошибок. Это [утверждение] имеет силу для амебы, и это имеет силу для Эйнштейна. В случае амебы любая грубая ошибка может быть устранена устранением амебы. В случае же Эйнштейна дело обстоит не так: он знает, что будет совершать ошибки, и активно ищет их. Однако неудивительно, что большинство людей унаследовали от амебы сильное нежелание как совершать ошибки, так и признавать, что они их совершили!

Карл Поппер

Если говорить в целом, концепт социальный запас знания кажется вполне работающим, открывающим определенные познавательные возможности для исследований. Например, очевидно, что исследования общественного мнения напрямую обращаются к некоторым сегментам социального запаса знания и одновременно – являются одним из инструментов его объективации. Проблемы и трудности, о которых говорилось выше, не снижают ценности этой разработки. В частности, если общество и имеет принуждающую силу в отношении индивидуальных картин мира, нужно понимать, что и картины мира могут оказаться значимой реальностью, которая, если ее игнорировать, может преподать горький урок (можно черпать множество примеров из истории революций и реформ).

Идея социального запаса знания и его конструирования с момента своего возникновения получила существенное развитие, причиной чему – множество тех самых проблем и аномалий, связанных с использованием этой концепции. Например, появилась задача изучать приемы, которыми формируются те или иные представления, – от научного факта до “одна бабка сказала”, *методологию* когнитивной деятельности, лежащей в основе различных форм знания и убеждений. Как можно описать способы хранения и задействования знания? Как осуществляется работа с информацией об этом мире? Какая разница между дискурсом и знанием, с одной стороны, и знанием и здравым смыслом – с другой? Какие механизмы обслуживают процесс конструирования социального мира? Каково соотношение коллективных практик и индивидуальных действий? Ответы очень часто приходят из смежных областей научной практики – из социальной психологии (когнитивная психология и психология социального познания) или от социолингвистики (прагматика, порождение и понимание текста, теории дискурса).

Здравый смысл подсказывает еще один вопрос: не увеличиваем ли мы энтропию нашими теоретическими изысками?

Но можем ли мы полагаться только на здравый смысл? ■

Литература

- Андреева Г.М.* Психология социального познания. М.: Аспект-пресс, 2000.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995.
- Гидденс Э.* Устройство общества. Очерк теории структуризации / Пер. с англ. И. Тюриной. М.: Академический проект, 2003.
- Дейк Т.А. ван.* Эпизодические модели в обработке дискурса // Язык. Познание. Коммуникация / Под ред. В.И. Герасимова. Благовещенск, БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000.
- Литтман У.* Общественное мнение / Пер. с англ. Т.В. Барчуновой. М.: Институт Фонда “Общественное мнение”, 2004.
- Мангейм К.* Идеология и утопия / Пер. с англ. М.И. Левиной // Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.
- Поттер К.* Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
- Шютц А.* Хорошо информированный гражданин / Пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой // Смысловая структура повседневного мира / Под ред. Г.С. Батыгина. М.: Институт Фонда “Общественное мнение”, 2003.
- Шютц А.* Структура повседневного мышления / Пер. с англ. Е.Д. Руткевич // Социологические исследования. 1988. № 2.

* В парадигме социального конструирования реальности невозможно найти четкой и удовлетворительной проработки главного понятия – “знание”. Следуя логике исследователей, им оказывается любая форма когнитивной деятельности, любая форма содержания убеждений. Таким образом, в “знание” попадают и разные формы “не-знания”, и оно становится аналогом простого “здорового смысла”.

Язык и знание в повседневной жизни

Благодаря своей способности выходить за пределы “здесь-и-сейчас” язык соединяет различные зоны реальности повседневной жизни и интегрирует их в единое смысловое целое. Выходы за пределы (трансценденции) имеют пространственное, временное и социальное измерения. Благодаря языку я могу преодолеть разрыв между моей зоной манипуляции и зоной манипуляции другого; я могу привести в соответствие мою и его биографические временные последовательности; и я могу беседовать с ним о людях и группах, с которыми у нас не было взаимодействия лицом к лицу. В результате этих трансценденций язык может “создать эффект присутствия” множества объектов, которые в пространственном, временном и социальном отношении отсутствуют “здесь-и-сейчас”... Проще говоря, с помощью языка весь мир может актуализироваться в любой момент... Благодаря лингвистической объективации, даже когда я говорю “с самим собой” в уединенном размышлении, – весь мир может предстать передо мной. Что касается социальных отношений, язык “делает наличными” для меня не только отсутствующих в данный момент людей, но и тех, кто относится к моим воспоминаниям и реконструируемому прошлому, а также людей будущего, представляемых мной в воображении.

Язык вообще может выходить за пределы реальности повседневной жизни... Язык конструирует грандиозные системы символических представлений, возвышающиеся над реальностью жизни, подобно явлениям из иного мира.

В рамках созданных семантических полей можно объективировать, сохранять и накапливать биографи-

ческий и исторический опыт. В результате составляется социальный запас знания, передающийся от поколения к поколению, доступный индивиду в повседневной жизни. Я живу в обыденном мире, имея специфические системы знания. Кроме того, я знаю, что другие разделяют по крайней мере часть этого знания и они знают, что я это знаю. Поэтому на мое взаимодействие с другими в повседневной жизни постоянно оказывает влияние наша общая причастность к доступному нам социальному запасу знания.

...Так как в повседневной жизни преобладает прагматический мотив, важное место в социальном запасе знания занимает знание рецептов, то есть знание, сводящееся к практической компетентности в обыденных делах. Например, я знаю, что я должен делать для оформления паспорта, но все, что меня интересует, – это получение паспорта по истечении определенного времени. Меня не волнует и я не знаю, какой путь проходит мое заявление при оформлении паспорта в административных службах, кем и после чего дается согласие, кто ставит печать в документе. Я не изучаю правительственную бюрократию – я лишь хочу провести каникулы за границей... *Mutatis mutandis*, значительная часть социального запаса знания представляет собой рецепты решения повседневных проблем. Обычно я мало заинтересован в том, чтобы выходить за рамки этого практически необходимого знания, посредством которого можно решать мои проблемы.

...Социальный запас знания дифференцирует реальность. Он дает сложную и подробную информацию о тех секторах повседневной жизни, с которыми я часто имею дело, и гораздо более общую и неточ-

ную – об удаленных секторах. Моё знание повседневной жизни организовано в понятиях релевантности. Некоторые из них определяются моими непосредственными практическими интересами, другие – всей моей ситуацией в обществе. Мне неважно, каким образом моя жена готовит мой любимый гуляш, если он получается хорошо. Меня не интересует то, что акции общества падают, если я не владею этими акциями... Однако поскольку во многом мои релевантные структуры пересекаются с релевантными структурами других, есть вещи, “интересующие” нас взаимно, и нам есть что сказать друг другу. Важный элемент моего знания повседневной жизни – знание релевантных структур других людей... Я обнаруживаю, что знание в повседневной жизни социально распределено, то есть разные индивиды и типы индивидов обладают им в различной степени... Таким образом, социальное распределение знания начинается с того простого факта, что я не знаю всего, что знают мои партнеры, и наоборот; это достигает кульминации в необычайно сложных и эзотерических системах знаний.

Знание того, как распределяется социально доступный запас знания (по крайней мере, в общих чертах), представляет собой важный элемент этого самого запаса знания. В повседневной жизни я знаю (хотя бы приблизительно), что и от кого я могу скрыть, от кого я могу получить информацию, которой не располагаю, и вообще какого рода знаний можно ожидать от разных людей. ■

П. Бергер и Т. Лукман

Социальное конструирование реальности

А. Ослон

Мир теорий в эпоху “охвата”

Я считаю само собой разумеющимся и предполагаю: другой считает так же; что, если я поменяюсь с ним местами и его “здесь” станет моим, я буду находиться на том же самом расстоянии от объектов и видеть их в той же самой типичности, что и он в настоящий момент. Более того, в пределах моей досягаемости будут находиться те же самые вещи, что и у него сейчас.

Альфред Шютц

Мир теорий и “личные знания”

Социальный мир можно рассматривать как множество *теорий*, произведенных и усвоенных взаимодействующими людьми*. Теории представляют собой типизированные схемы мышления/суждения/действия для решения типизированных задач в типизированных ситуациях. Совокупность усвоенных индивидом теорий образует “личное знание”, которое носит субъективный характер. Однако теория X из состава “личного знания” индивида может быть *объективирована* в виде порождаемых ею суждений/действий, предназначенных для других индивидов.

В реальных коммуникациях адресант (отправитель) суждений/действий предполагает, что адресат (получатель) сумеет понять, что означают его суждения/действия, так как теория X присутствует и в его “личном знании”. Альфред Шютц называет это допущение общим тезисом о взаимозаменяемости перспектив [Абельс Х. 1999]. Только в этом случае действия участников коммуникации могут быть скоординированными. На самом деле адресат может ошибочно предполагать, что адресант исходит из теории Y, а не из теории X. В этом случае его ответные суждения/действия будут неадекватны, в чем ему придется так или иначе убедиться. Если адресант хочет быть понятым, то он должен обеспечить такую объективацию теории X, чтобы адресат сумел сконструировать ее в своем “личном знании”, т. е. должна произойти *репликация* (создание похожего экземпляра) теории X в “личном знании” адресата**.

Имея в виду мириады коммуникаций, происходящих между людьми, можно говорить о том, что “личные знания” людей – это среда, в которой рождаются, реплицируются, видоизменяются и исчезают теории. В ходе процессов репликации происходит преобразование теорий из субъективной формы в доступную другим людям объективную форму – текст, состоящий из некоторых знаков, нанесенных на доступный для восприятия материальный носитель. Адресаты производят обратное (возможно, неточное) преобразование текста в субъективную форму – таким образом, происходит “круговорот теорий в природе”***.

Социальные институты как теории

Для любого *проекта* с участием многих людей необходимо оснащение “личных знаний” участников “экземплярами” теории этого проекта, чтобы каждый участник знал

Опубликовано в журнале “Отечественные записки” [Ослон А.А. 2003]. Печатается в сокращении.

* Возможны, конечно, и другие точки зрения. Ср., например, тезис П.А. Сорокина: “Социальное пространство есть некая вселенная, состоящая из народонаселения земли... Соответственно, определить положение человека или какого-либо социального явления в социальном пространстве означает определить его (их) отношение к другим людям и другим социальным явлениям, взятым за такие “точки отсчета” [Сорокин П.А. 1992].

** Процессы репликации лежат в основе нашумевшей в 70–80-е годы XX века неodarвинистской теории Ричарда Докинза, касающейся не только эволюции генов и, как следствие, человека, но и эволюции культуры [Докинз Р. 1993].

*** Теория К. Поппера о “трех мирах” [Поппер К. 2000].

“свое место и свой маневр” в совместной деятельности. Это означает, что в теории проекта должны быть:

- определены необходимые для проекта функциональные роли с “прописанными” для них *ролевыми теориями* (что и как должны думать и делать исполнители роли);
- зафиксированы статусы ролевых позиций (кто кому подчиняется);
- определены механизмы контроля и санкций за нарушение норм и правил ролевого и статусного поведения;
- определен компонент, задающий высшие *смыслы* проекта, его *ценности*.

Что же касается участников, то они должны интернализировать (усвоить, принять как свою личную) теорию проекта, то есть усвоить отвечающие их статусам части теории проекта, а иногда и маркировать в своих “личных знаниях” теорию проекта как “несомненную”, “высокозначимую”, “обязательную к исполнению” – словом, как догму.

Проект бывает успешным и долговечным, если у него “сильная” теория, способная стать догмой, четко определить рамки деятельности и взаимодействия участников, мобилизовать их, обеспечить их солидарность. Для проекта с “сильной” теорией контингент его участников вообще-то безразличен: догма управляет ими, а они, руководствуясь догмой, хранят ее и передают, готовят себе смену, заботятся о превращении ее в традицию, придают ей исторический и даже сакральный смысл. Участники проекта, интернализовавшие его теорию, действуют по ее ролевым “прописям” ей “во благо”: усиливают ее, адаптируют, развивают, защищают, а также принуждают к этому других участников и контролируют их.

По описанной схеме возникают, существуют и исчезают многочисленные *социальные институты*, которые есть не что иное как “сильные” теории, организующие те или иные виды проектов, рекрутирующие для своей реализации исполнителей и трансформирующие “под себя” их “личные знания”. Догма института, интернализированная в “личных знаниях” ее адептов, направляет их ментальную, вербальную, мыслечную и прочие виды активности на конструирование суждений/действий для пользы и во имя института, а также против носителей других теорий, т.е. против других институтов. Столкновение, конфликт, война только внешне происходят между людьми, но за кулисами зримых коллизий всегда стоят противоборствующие институты.

Социальная эволюция теорий

Любая теория, будь то теория космоса или теория приготовления котлет, силами своих уже состоявшихся приверженцев стремится, с одной стороны, увеличить свой “охват”, т.е. распространить свое влияние и свою значимость на новых, прежде не охваченных ею людей, и, с другой стороны, она одновременно усиливает “захват” своих приверженцев, стремится к более прочному проникновению в “личные знания” своих сторонников. Для рекрутирования некоторого индивида в ряды своих сторонников теория должна добиться, чтобы он перестал быть сторонником другой теории, действующей в том же поле. Эту борьбу можно с полным основанием назвать “борьбой за выживание”, так как теория с большим “охватом” живет, а теория с нулевым “охватом” – мертва. “Сильные” теории выживают за счет того, что, во-первых, поглощают сторонников более “слабых” теорий и, во-вторых, эффективно удерживают своих сторонников.

“Сила” теории основана на том, в какой мере она привлекает и мотивирует сторонников, в какой мере она соответствует их интересам или же способна навязать собственное понимание интересов, которые ее сторонники примут в качестве “своих”. Так создается особого рода силовое поле теории: попавшие в него люди видят мир, себя, свои интересы через призму теории и действуют “по прописям” теории. Одновременно они втягивают в это поле других людей.

Французский социолог Пьер Бурдьё называл этот феномен *символической властью* теории и объяснял, что теория стремится “изменить категории восприятия

*Благодаря тому, что там
[в Канзас-сити]
заинтересованные в изменении
своей самоидентификации
молодые люди проходят
посвящение в студенты, городок
стал своего рода аппаратом для
социально-психологической
“перегонки”, через который...
проходят парни и девушки –
благонамеренные жители
Среднего Запада на входе
и форменные выродки на выходе.
То, что позволено до, непристойно
после, и наоборот...
Питер Бергер*

*Рабочие и представители
общественности стали с гоном
рассаживаться по вагонам.
Ударили тонкие звоночки,
и первый вагон, которым
управлял сам Треухов, выкатился
из депо под оглушительные
крики толпы и стоны оркестра.
Илья Ильф,
Евгений Петров*

и оценивания социального мира, когнитивные и оценочные структуры: категории перцепции, системы классификации” [Бурдые П. 1994]. Те, кто попал в силовое поле теории, видят и описывают мир ее словами и терминами, приписывают смыслы и значения всему, что они воспринимают, исходя из ее объяснительных конструкций. А вот то, что теория не наделяет “именем”, ее сторонники просто не воспринимают. Такова невидимая сторона символической власти теории. Но есть и сторона вполне зримая, проявляющаяся в публичных действиях людей, демонстрирующих свою приверженность и многочисленность. Борьбу между теориями, наделенными символической властью, Бурдые называет символической, и проявляется она в разных формах: от публичных дебатов до драки в парламенте, от политических убийств до уголовных преследований оппонентов и ввода войск на территории, занимаемые сторонниками другой теории.

Можно утверждать, что шансы теории выжить в борьбе с другими теориями тем выше, чем она ближе к статусу социального института – форме, в которой “силовое поле” теории преобразуется, согласно Бурдые, в ее “социальное поле”. Поэтому все теории стремятся вырасти до социального института, сформировать отряд приверженцев и сторонников, создать управляющую и направляющую “матрицу теории”, состоящую из особого языка, мифов, ритуалов, писаных и неписаных законов, норм, правил, кодексов, регламентов, а также декларирующую определенные социальные ценности в качестве высших приоритетов. Таковы, например, “прогресс” для институтов науки, “порядок” для властных, “правда” для политических, “справедливость” для правовых, “здоровье” для медицинских, “образование” для педагогических, “успех” для экономических, “влияние” для медийных, “истина” для религиозных институтов и т.д.

Если же смотреть на схватки теорий как на эволюционный процесс (в природе выживают и имеют преимущественные шансы на продолжение рода наиболее адаптированные особи), то социальное выживание теорий происходит по закону максимизации “захвата” и “охвата”. Чем глубже “захват”, тем труднее “дезертировать” из отряда сторонников, изменить своей теории, перейти на сторону конкурирующей теории. Чем шире “охват”, тем выше конкурентное преимущество теории, что для институтов науки выражается “авторитетом”, для политических институтов – “подчинением”, для экономических – “прибылью”, для медийных – “влиянием”, для религиозных – “послушанием” и т.д.

Если проводить биологическую аналогию дальше, то можно сказать, что социальные поля, как и биологические виды, взаимодействуют между собой (наука, политика, религия, право, экономика, медиа, повседневность и т.д.), но конкурентная напряженность между ними существенно ниже, а уровень сотрудничества – значительно выше, нежели внутри них. Совокупность таких функционально разных социальных полей аналогична относительно автономному биоценозу, и ее можно назвать “культуроценозом”. В последнем можно выделять ареалы – гомологически подобные, но существенно различные культурно-институциональные устройства. Например, представим себе музей “истории теорий городского транспорта”, посетители которого увидели бы не экспозицию видов транспорта – от конских экипажей до монорельса, но познакомились бы с эволюцией совсем в ином, социальном смысле, отраженной в динамике “захвата” и “охвата” людей разными теориями перевозок и перемещения. Положим, рассказывая о трамвае, музей выставил бы не разные типы вагонов, а показал бы начальный этап бытования теории “трамвая” в обществе – радостное возбуждение от первой, престижной поездки на первом в городе трамвае, далее – период равнодушно-рутинного передвижения в неудобных и “еле ползающих” вагонах и, наконец, облегченный вздох при виде разбираемых трамвайных путей и забвение старомодного чудовища. Здесь главной была бы информация о том, как изменялись число сторонников “трамвайной теории” и степень приверженности ей.

Борьба за приверженцев

Борьба теорий происходит на специфических площадках – в головах и в повседневных практиках индивидов: люди, глубоко “захваченные” какой-либо теорией, стремятся передать ее другим, убедить их принять эту теорию и тоже стать ее последователями. Методы борьбы теорий – самые разные*, но бесспорно, что принятие или отторжение навязываемых теорий – сложный процесс взаимодействия уже сложившегося “личного знания” и поступающих “предложений” по его модификации, по включению в него новых знаний, изменению или удалению старых. К факторам, влияющим на этот процесс, безусловно, относятся личностные особенности индивида, в том числе его склонность к конформизму, а также убедительность аргументов, обосновывающих новую теорию. Кроме того, важную роль играют “захваты”, осуществленные другими теориями в ходе первичной социализации человека и уже подкрепленные биографическим опытом, обычаями, верованиями, канонами, привычками. Но чаще всего наиболее значимыми для изменения “личного знания” оказываются социальные факторы – когда индивид в силу жизненных обстоятельств подпадает под власть норм, правил и законов некоторого социального института, а возможностей к сопротивлению со стороны человека оказывается крайне мало. В таких ситуациях институциональная принуждающая сила может делать “предложения, от которых невозможно отказаться”, требуя существенным образом трансформировать “личное знание”.

Большинство “мягких” форм воздействия основаны на механизмах вовлечения – на желании человека присоединиться к некоей субъективно важной, значимой для него группе, удовлетворить которое невозможно без присоединения к бытующим в ней теориям. Здесь действует “закон доброго имени” Джона Локка – я думаю о том, что думают обо мне другие. Каждый индивид находится в фокусе внимания своего социального окружения, которое формирует некоторые оценочные суждения о нем, судит его с точки зрения принятых здесь и сейчас норм и правил. И каждый индивид озабочен тем, каковы эти суждения, и учитывает их, даже если они звучат только в его воображении. В то же время он и сам участвует в этом бесконечном процессе взаимооценок. Поэтому, чтобы не быть “белой вороной” и не получить низкие оценки от своих, он сам должен судить других, исходя из тех же критериев, что и остальные. Следовательно, он пытается отрефлексировать “личные знания” других в целом, а не только их представления о нем самом, и такие рефлексии оказываются расширением и развитием породившей их теории.

Немецкая исследовательница Элизабет Ноэль-Нойман обозначает эту особую чуткость к чужому мнению метафорой “социальная кожа” и говорит о “квазистатистическом органе”, с помощью которого каждый человек ведет “статистику мнений”, поступающих из всех доступных ему источников. Она объясняет этот феномен инстинктом человека избегать социальной изоляции и стремлением присоединиться к тем мнениям, которые, как ему кажется (“по данным” субъективной статистики), имеют широкий “охват”.

Другой тип принуждения реципиента к принятию теории – давление – основан на действии поощряющих стимулов и карающих санкций. Любой социальный институт применяет более или менее жесткие меры для удержания своих участников и расширения их круга. В данном контексте особенно интересен институт науки – главный производитель и поставщик теорий в современном мире. На его примере можно увидеть действие механизма стимулов и санкций.

Институт науки устроен так, что ученые объединяются в группировки (более почетное название – научные школы), каждая из которых придерживается какой-

* Число текстов на эту тему в последнее десятилетие стремительно растет. См., в частности: [Аронсон Э., Пратканис Э. 2002; Зимбардо Ф., Ляйпе М. 2000; Чалдини Р. 1999; Шейнов В.П. 2001].

Законы, к которым люди обычно обращаются, чтобы судить о правильности и неправильности своих действий, бывают, мне кажется, следующих трех родов:

- 1) законы божественные;*
- 2) законы гражданские;*
- 3) законы общественного мнения, или доброго имени, если можно их так назвать.*

Джон Локк

Квазистатистический орган человека – связующее звено между индивидуальным и коллективным. Имеется в виду не таинственное коллективное сознание, а способность индивида в связи с людьми, их поступками и идеями воспринимать отношения одобрения или неодобрения...

Элизабет Ноэль-Нойман

Под парадигмами я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений.

Томас Кун

то научной теории, а также выработанных в группировке методов и приемов ее обоснования. Такие группировки и объединяющие их теории Томас Кун в работе 1962 года [Кун Т. 2001] назвал парадигмами, а через несколько лет ввел еще и очень точный синоним — дисциплинарная матрица. Он стремился подчеркнуть, что научные школы (или парадигмы) представляют собой субинституты внутри института науки, а любой ученый находится под давлением двух кодексов: общенаучного и своей парадигмы. Это так, поскольку парадигмы заключают в себе не только правила и схемы научного мышления, но также и поведенческие предписания, образцы действия для участников парадигмы, ее внутренний кодекс*.

Парадигмы более или менее ожесточенно борются между собой и иногда ниспровергают друг друга, что означает не только вознаграждение и “взлет” приверженцев победившей теории, но и жизненное крушение сторонников проигравшей. Каждый ученый находится под принуждающим воздействием своей дисциплинарной матрицы и должен принимать участие в конкурентной борьбе, которую ведет его парадигма. Имре Лакатос описал целую технологию построения и защиты парадигмы [Лакатос И. 2001]. Участники парадигмы не должны подвергать сомнению научные теории, составляющие ее “неприкасаемое” ядро; по возможности игнорировать факты, противоречащие этому ядру, и подчеркивать факты, его подтверждающие; им следует ставить и решать задачи, которые ведут к усилению их парадигмы; как можно чаще цитировать коллег по парадигме и замалчивать оппонентов и т.д. Вместе с тем есть методы и похуже: организационные интриги, вытеснение противников с ключевых позиций в ученых советах, комиссиях, оргкомитетах, журналах, приоритетное получение помещений, оборудования, руководящих должностей и т.д. Известны и во все драматические ситуации, когда сторонники парадигмы, призывая на помощь политические и государственные институты, добивались репрессий против своих оппонентов, а то и прямого их уничтожения.

Институты репликации теорий

Эволюция теорий в обществе всегда основана на двух механизмах: все более глубокое проникновение в “личные знания” сторонников (“захват”) и увеличение численности сторонников (“охват”). Но в истории соотношение этих двух главных “целей” было различным. До Нового времени, т.е. примерно до XVII–XVIII веков, процессы “охвата” встречали серьезное сопротивление, так как на их пути стояла древняя метатеория “неизменности” усвоенных теорий. Она защищала “личные знания” от вторжения новых теорий и препятствовала тому, чтобы человек ими управлял. Одновременно эта метатеория требовала от индивида сохранения устойчивой идентичности, определяемой его социальным статусом “по рождению”, и давала простые и ясные определения его прав, обязанностей, привилегий, что порождало четкие стратификации – разделение на племена, роды, кланы, касты, слои, сословия и т.д. Как следствие, те же свойства приобретал социальный порядок, так что изменить его можно было в первую очередь инструментами насилия.

С XVI века метатеория “неизменности” стала терять доминирующие позиции в Европе в силу ряда исторических обстоятельств, среди которых важнейшими были возникновение протестантизма и развитие книгопечатания, а также появление метатеории “свободы/равенства”. Она развивалась и распространялась трудами известных мыслителей XVII–XVIII веков. Прямым и, пожалуй, главным следствием ее появления стала теория “равной значимости мнений свободных людей” и, как следствие, всеоб-

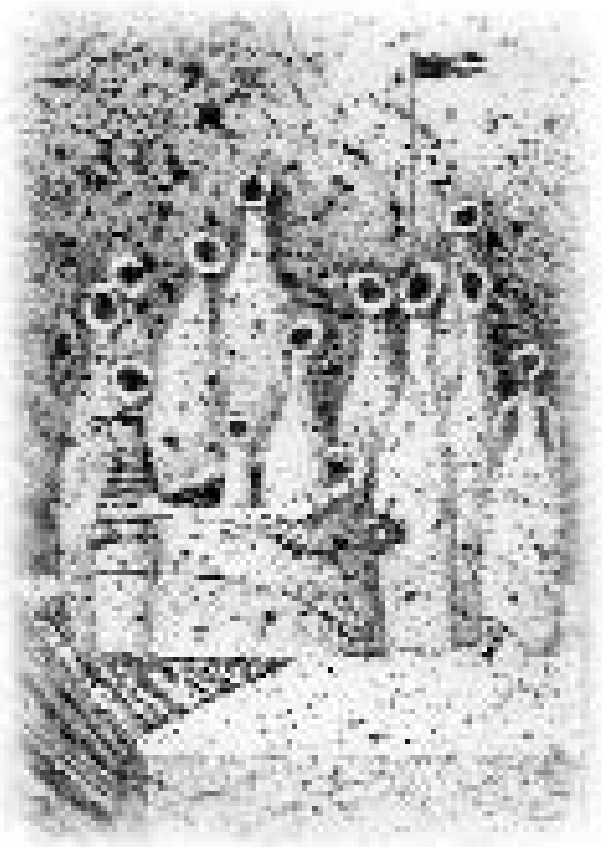
* Этот термин удивительным образом перекликается с культовым фильмом “Матрица”, в котором идея теории как самостоятельного агента доведена до предела и реализована в виде гигантской компьютерной “матрицы”, подсоединенной к мозгу каждого человека и создающей совместную с другими людьми (т.е. коммуникативную) виртуальную реальность, эквивалентную “реальной реальности”.

щее право участвовать в принятии важных для общества решений, т.е. теория “права голоса”*. Независимо от дальнейших путей развития метатеории “свободы/равенства” ее имманентные свойства воплотились во множество специфических социальных институтов: регулярное государство, выборы, рынок, масс-медиа и т.д. А теория “неизменности”, утратив статус метатеории, все же сохранилась и эволюционировала в консервативные теории и идеологии. Они противостоят воплощениям метатеории “свободы/равенства” [Ионин Л.Г. 2000], но все же проигрывают в конкурентной борьбе.

В современную эпоху, когда идея “охвата”, идея завоевания все новых и новых сторонников (неважно – теории, социальной практики, товара или культурного продукта) стала определяющей для развития подавляющего большинства форм социальной жизни, каждый человек (точнее, его “личные знания”) становится ареной борьбы множества различных теорий и мерилom их побед и поражений в этой борьбе. Большинство людей обитает на верхних – всегда недостроенных – этажах “здания” идей, интеллектуальных течений, теорий и образующих эти теории метафор. Именно здесь можно наблюдать, как возникают, конкурируют и стремятся к институционализации разные теории. Люди часто не догадываются о том, что общепринятые, привычные и несомненные для них идеи, схемы и образы мира порождаются и предопределяются нижними этажами и только некоторые спускаются вниз, к “основам”, и принимают участие в происходящей там борьбе теорий “нижнего уровня”, которая никогда не останавливается, хотя и идет медленнее, чем “наверху”.

Над этажом метатеории “охвата” за исторически короткий период надстроены несколько специфических этажей, успевших стать вполне оформившимися социальными институтами. Некоторые из них – это перестроенные и неузнаваемо модифицированные институты прошлых эпох (семья, государство, выборы, материальное производство, наука, религия и проч.). Но есть среди них и такие, которые возникли в эпоху “охвата” и присущи только ей. Их предназначение – создавать и организовывать практики, поддерживающие сам процесс “охвата” для любых теорий, которые обращаются к ним за этой “услугой”. Точно так же, как институт транспортных перевозок обслуживает институты производства или торговли, для обслуживания производителей теорий существуют медийные институты, институты-посредники, доставляющие теории до адресатов, транспортирующие их до полей “личных знаний”. В этом смысле масс-медиа (пресса, радио, телевидение, интернет и др.) и масс-культ (книги, аудио- и видеозаписи, кино, шоу и др.) правильно называть не средствами массовой коммуникации, а средствами *массовой репликации* теорий, от деятельности которых зависит и конкурентная борьба теорий, и их выживание в борьбе друг с другом.

Медийные институты образуют особое и относительно автономное поле (в духе П.Бурдьё), которое можно назвать полем “репликации теорий”. Внутри этого поля также идет ожесточенная конкуренция и также происходит эволюция уже частных, специфических теорий, объясняющих, как эффективнее оказывать “фирменные” услуги

* Особенно легко и широко эта теория “захватила” и “охватила” США. В 40-е годы XIX века Алексис де Токвиль описывал, как равенство, возведенное американцами в ранг высшей ценности, с необходимостью привело к тому, что выборы и референдумы стали важнейшим и неотъемлемым компонентом американской политической системы и создали “всевластие большинства” [Токвиль А. де. 2000].

по обеспечению “охвата” другим институтам (политическим, экономическим, научным, культурным и т.д.)*. Это означает, что сами медийные институты стремятся обеспечить теориям максимальный “охват” “самих себя”, создать мощные отряды сторонников именно их “услуг” и оттеснить конкурентов на периферию – институциональную и “теоретическую”. Недаром адепты всех медийных институтов так болезненно переживают сведения об их реальном “охвате” (числе зрителей телепередач, тиражах книг, посещаемости интернет-сайтов, наполняемости кинозалов и пр.). Ведь от того, какой “охват” у институтов, обеспечивающих “охват” другим институтам, зависит уровень спроса на их услуги. Очевидно, что интересы институтов-заказчиков и институтов-исполнителей совпадают: и те и другие работают на “охват”, и это создает удивительный симбиоз – политики, чиновники, бизнесмены, ученые стремятся попасть “в телевизор”, а телевизионщики, радиийщики, газетчики стремятся заманить их к себе. Политик может говорить, что “народ” должен знать правду, а журналист заявлять, что его долг – всем предоставлять слово. Но на самом деле оба они – рупоры своих институтов, заинтересованных в том, чтобы как можно больше людей признали лидерство именно этих институтов на соответствующих конкурентных площадках в мире теорий.

Видимо, все адепты метатеории “охвата” так разительно похожи друг на друга.

Институты саморефлексии теорий

Однако оставим тему масс-медиа в стороне. Если существуют институты порождения теорий и их легитимации (например, наука), если существуют институты репликации теорий (СМИ), рано или поздно должны возникать институты саморефлексии: каждой эволюционирующей теории необходимо более или менее регулярно выяснять параметры “захвата” и “охвата”, изучать текущее состояние “личных знаний” адресатов ее экспансии, получать “обратную связь” из мира теорий. От способности адекватно оценивать текущую ситуацию зависит и судьба теории, и, более точно, судьба людей, ставших ее приверженцами. Закономерно, что в этой функциональной нише стали интенсивно оформляться разные институты обратной связи, и одним из них является институт социальных исследований, опросов и социальной статистики.

Если медийные институты обеспечивают репликацию теорий, то институты “опросного дела” регистрируют тенденции, происходящие в мире теорий, успешность репликации и направления трансформаций**. Опросы оказываются функционально необходимы именно в эпоху “охвата”. В их основе лежит специфическая теория – теория выборочного исследования, позволяющего при адекватном отображении “охваченного” объекта оптимизировать издержки (времени, денег и иных ресурсов) по поддержанию обратной связи. Выборочный метод оказывается универсальным, так как применим практически для любых теорий. Но главное его достоинство – в другом: он работает в тех случаях, когда иного пути для выяснения, что думает, знает, хочет индивид, просто нет. “Опросная” работа – естественный и неотъемлемый компонент эпохи “охвата”.

Результаты опроса всегда вызывают повышенную эмоциональную реакцию, так как касаются главной ставки конкурентной борьбы между теориями – “охвата”. Отсюда высокая напряженность дискурса, связанного с опросами, и закономерная борьба конкурирующих теорий о том, как эту работу правильнее всего выполнять. Осо-

* Было бы неправильно разделять поле “репликации теорий” на сегменты по техническим способам доставки теорий адресатам, как это делается обычно. Здесь гораздо существеннее различие институтов по их догмам и, соответственно, по специализации их персонала: новости, ток-шоу, триллеры, мелодрамы, комедии, реклама, прогнозы погоды и т.д. Каждый по-своему доказывает свою эффективность, продвигая “теорию самого себя” и предоставляя другим институтам специфические услуги по “охвату”.

** Разговор об опросах важен не только для раскрытия темы, но и совершенно необходим автору, так как для него опросы – не только основной род занятий, но и объект, в существо которого он пытается проникнуть. См. также: [Ослон А.А. Мнение – сила. 2003].

бым вниманием пользуются опросы относительно теорий-идеологий (по традиции называемые “опросами общественного мнения”), так как в силу господствующей метатеории “свободы/равенства/голосования/большинства” они интерпретируются как аналог привычных для эпохи “охвата” процедур референдумов и выборов. Но если теория референдума – это теория волеизъявления, то самая ходовая теория опроса – это теория измерения, подразумевающая, что опросы – это “измерения мнений”, аналогичные, например, физическим измерениям. Поэтому дискуссия о результатах опросов обычно разворачивается вокруг “правильности” измерений, и аргументы приводятся примерно такие: “не там измеряли” (не тех опрашивали), “не так измеряли” (неправильные вопросы), “не то получили” (неверные выводы), “так нельзя измерять” (применение опроса – некорректно), “измерение подделано” (опрос оплачен заказчиком), “предмета измерений не существует” (опрос бессмыслен). Этот перечень – с добавлением важной, но малоизвестной позиции: “опросы – это не измерения” – задает структуру обсуждения роли и места институтов опросов в эпоху “охвата”.

Такое обсуждение – особая и очень важная тема. Дело не только в том, что институт опросов – плоть от плоти эпохи “охвата”, и не в том, что он берет на себя функцию очень важного ритуала этой эпохи*. Гораздо важнее, что только опросы, пожалуй, дают возможность переходить от умозрительных разговоров о социальной эволюции теорий к выяснению, что же “реально” происходит в мире теорий, и, следовательно, к пониманию сущности эпохи “охвата”.

Литература

- Абельс Х. Интеракция, идентификация, презентация: Введение в интерпретативную социологию. СПб.: Алетейя, 1999. С. 95.
- Аронсон Э., Пратканис Э. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения. СПб.: Прайм-Еврознак, 2002.
- Бергер П. Приглашение в социологию. М.: Аспект-Пресс, 1996. С. 59.
- Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Начала. М.: Социо-Логос, 1994. С. 198.
- Доккинз Р. Эгоистичный ген. М.: Мир, 1993. С. 176–186.
- Зимбардо Ф., Лайте М. Социальное влияние. СПб.: Питер, 2000.
- Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. М.: Панорама, 1995. С. 200.
- Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М.: Логос, 2000.
- Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2001.
- Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2001.
- Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Сочинения. М.: Мысль, 1985. Том 1. С. 406.
- Николаев В.Г. Реферат статьи Lipari L. Polling as ritual / Journal of communication, N.Y., 1999, V. 49, № 1, p. 83–102 // Социальные и гуманитарные науки. Сер.11. Социология: РЖ РАН. № 4. М.: ИНИОН, 2000. С. 79, 83.
- Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. М.: Прогресс-Академия, 1996. С. 167.
- Ослон А.А. Мнение – сила // Десять лет социологических наблюдений. М.: Институт ФОМ, 2003.
- Ослон А.А. Мир теорий в эпоху “охвата” // Отечественные записки. 2003. № 4.
- Поттер К. Эволюционная эпистемология // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 71.
- Сорокин П.А. Социальная и культурная мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 298.
- Токвиль А. де. Демократия в Америке. М.: Весь Мир, 2000.
- Чалдини Р. Психология влияния. СПб.: Питер, 1999.
- Шейнов В.П. Скрытое управление человеком (Психология манипулирования). М.: АСТ, 2001.
- Шютц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. №2.

* “Сегодня в политике США практика обращения к последнему опросу стала ритуалом, не слишком отличающимся от того, чем было для древних греков обращение за советом к оракулу”; “...Опросы не только черпают свою легитимность из ожидания, что они будут выражением общественной воли, но и сами легитимируют идею, что такая воля существует” [Николаев В.Г. 2000].

Книжная серия

Фонда “Общественное мнение”

Монографии

Дилигенский Г. Г. Люди среднего класса. 2002.

Рогозин Д. М. Когнитивный анализ опросного инструмента. 2002.

Докторов Б. З., Ослон А. А., Петренко Е. С. Эпоха Ельцина: мнения россиян. Социологические очерки. 2002.

Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика.
Под ред. В. А. Колосова 2003.

Блехер Л. И., Любарский Г. Ю. Главный русский спор: от западников и славянофилов до глобализма и Нового Средневековья. 2003.

Галицкий Е. Б. Методы маркетинговых исследований. 2006.

Докторов Б. З. Первопроходцы мира мнений: от Гэллапа до Грушина. 2005.

Переводы

Уолтон Д. Аргументы ad hominem. *Пер. с англ.* 2002.

Садмен С., Брэдберн Н. Как правильно задавать вопросы: введение в проектирование массовых обследований. *Пер. с англ.* 2005.

Садмен С., Брэдберн Н., Шварц Н. Как люди отвечают на вопросы: применение когнитивного анализа в массовых обследованиях. *Пер. с англ.* 2003.

Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. *Пер. с англ.* 2003.

Гофман И. Анализ фреймов: организация повседневного опыта. *Пер. с англ.* 2004.

Липпман У. Общественное мнение. *Пер. с англ.* 2004.

Цаллер Д. Происхождение и природа общественного мнения. *Пер. с англ.* 2004.

Хроники социологических наблюдений

Поговорим о гражданском обществе. 2001.

Америка: взгляд из России. До и после 11 сентября. 2001.

Десять лет социологических наблюдений. 2003.

Социологические наблюдения (2002–2004). 2005.

Контакт:

Тел. (495) 745-8765

E-mail: izdat@fom.ru

Басманова Светлана Борисовна, Семенова Елена Николаевна
119421, Москва, ул. Обручева, д. 26, корпус 2

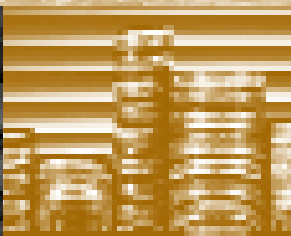
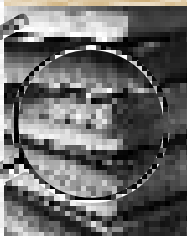
Фонд «Общественное мнение»

Виды деятельности

Выполнение заказных социологических исследований, реализация собственных исследовательских проектов, создание и распространение информационных продуктов, книгоиздание

Типы работ

Мониторинг общественного мнения, исследование повседневного знания, сопровождение избирательных кампаний, государственных инновационных социальных проектов, тематические социологические и маркетинговые исследования, организация опросов в странах СНГ

Исследовательские технологии

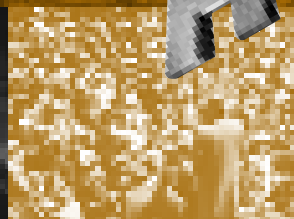
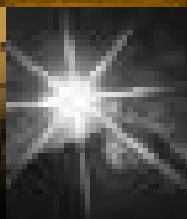
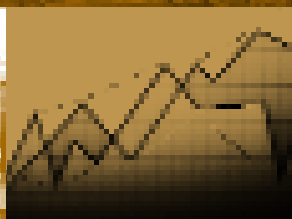
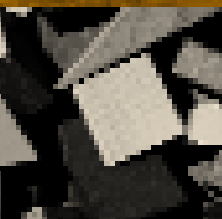
Регулярные репрезентативные опросы населения России и регионов страны, тематические опросы целевых групп, опросы избирателей (exit-polls), панельные и экспертные опросы, дискуссионные и электронные фокус-группы, глубокие интервью, компьютерная обработка данных, социологическая аналитика

Исследовательская направленность

Изучение «картин мира», ценностных ориентаций, настроений и жизненных устремлений российских граждан, обыденных представлений о социальных и политических процессах, об «устройстве» экономики, власти, массовых коммуникаций, культуры, повседневной жизни

Информационные продукты

Еженедельный бюллетень «Доминанты. Поле мнений», журнал «Социальная реальность», книжная серия монографий, переводов и сборников, пресс-бюллетени, информационный сайт www.fom.ru, дискуссионный сайт www.club.fom.ru

Некоторые клиенты, подписчики и потребители последних лет

Государство – АП РФ, Правительство, ЦБ РФ, Госкомстат, Минобразования, Минэкономики, Минкультуры, Минпечати, Пенсионный фонд
Бизнес – ГАЗПРОМ, РАО ЕЭС, ЮКОС, РОСНО, ИНТЕРПРОС, КОМКОР, КРОС, Видео Инт., Яндекс
Аналитика – Центр стратегических разработок, Фонд эффективной политики, ТНС/ГЭЛЛАП-Медиа, Российская ассоциация маркетинга, ГУ «Высшая школа экономики»
Масс-медиа – ОРТ, ВГТРК, НТВ, НТВ+, РИА «Новости», «Эхо Москвы», «Маяк», «Известия»

Основан в 1991 г.

Статус – некоммерческая организация типа «общероссийский фонд». **Отделы** – организации опросов, качественных исследований, компьютерной обработки, социологической аналитики, редакционно-издательский, финансово-юридический, административный. **Региональная сеть** – филиалы и представительства в большинстве субъектов Российской Федерации. **Базовая кафедра** ГУ «Высшая школа экономики» – с 2004 г. **Президент** – Ослон Александр Анатольевич

